

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С. И. Дубинин
А. Е. Тетеревенков

**ЛЕКСИКА НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2011

Глава 3. Функциональные характеристики ниже- немецких заимствований	137
3.1. Тематические группы заимствованной лексики	137
3.2. Профессиональная лексика нижненемецкого происхождения	146
3.3. Стилистическая дифференциация заимствованного словарного фонда	156
3.4. Нижненемецкие заимствования с территориально ограниченным употреблением	165
3.5. Словообразовательная продуктивность нижненемецких заимствований	173
3.6. Некоторые аспекты идиоматизации	181
Выводы к главе 3	185
Заключение	188
Библиографический список	191
Словари	210
Принятые сокращения	212
Приложения	214

ВВЕДЕНИЕ

*... dese oefeninghe ist ghetoghen
van den hoghen duutsche int neder duutsche.*
(первое упоминание нижненемецкого языка,
рукописный голландский молитвенник 1457 г.)

Лексическая норма современного немецкого литературного языка представляет собой генетически негомогенный и довольно поздний продукт как стихийных тенденций унификации, берущих начало в позднесредневековых территориальных вариантах письменно-литературного языка XV–XVI вв., так и последующих целенаправленных селективных усилий нормализаторов по созданию общенемецких словарей. В целом лексико-семантическая система общенемецкого языка отражает результаты многовековых процессов языкового выравнивания, отбора и обогащения. Она сочетает исконные элементы, унаследованные еще с древнейшей эпохи формирования дописьменного языка (так называемого протонемецкого), со значительным словарным фондом, ставшим частью немецкого языка вследствие многообразных соседских и дистантных языковых контактов в результате культурных, политических и экономических связей и влияний.

Особый отпечаток на лексическую систему немецкого языка наложила историческая специфика формирования общенационального языка в отсутствие единственного, диктующего языковые стандарты центра на всем протяжении его истории. Попытки лингвистов дать ареальную локализацию и определить социальную базу непосредственной лингвистической основы современного литературного языка привели в итоге к констатации невозможности их жесткого ограничения определенным регионом и/или социальным стратом¹.

---

¹ Наибольшей известностью пользовались концепции К. Мюленгофа (теория непрерывного и последовательного развития общенемец-

В силу этого особую значимость приобретают работы, следующие концепции полицентричности процесса становления немецкого литературного языка (В. Беш и др.), в рамках которой все регионы в ареале распространения немецкого языка рассматриваются как потенциальные участники формирования надрегionalной нормы. При этом часть из них (восточносредне-немецкий и восточноверхне-немецкий) являлись ведущими, а прочие образовывали периферию процессов унификации и «донорства» и играли значительно менее активную роль в складывании надрегionalной нормы.

Одним из таких периферийных регионов является обширный ареал распространения диалектов нижне-немецкого типа на севере Германии. Генетическое родство со средне- и верхне-немецким в рамках западногерманской языковой общности исключило непреодолимый коммуникативный барьер между ними, а политико-культурное превосходство немецкого юга (особенно в XII–XIII вв. и в XVI–XX вв.) определило включение северных областей Германии в общенемецкую языковую парадигму. Одновременно частично общая ареальная база и, соответственно, языковой тип сближают нижне-немецкий с соседним нидерландским языком, а также с другими так называемыми «североморскими» языками (фризским, английским), составляющими древнюю англо-фризскую подгруппу.

Функционирование нижне-немецкого идиома в качестве официального языка Ганзейского торгового союза в позднем Средневековье сопровождалось процессами начальной нормализации его письменной формы, что позволяет говорить о фор-

---

мого письменно-литературного языка с древнейшего периода), К. Бурдаха (исключительная роль пражской императорской канцелярии Карла IV в формировании литературного языка), Т. Фрингса (становление литературного идиома на основе колониальных смешанных восточно-средне-немецких диалектов) [Филичева, с. 9–10]. К концепции Т. Фрингса близка точка зрения о ведущей роли восточно-средне-немецкого ареала, опирающаяся на языковой авторитет М. Лютера и И.К. Аделунга [Tauchmann, S. 220–222].

мировании полноценного территориального варианта письменно-литературного языка в нижненемецком ареале. Иными словами, несмотря на несомненное активное влияние южных областей на нижненемецкий ареал со времени его переориентации на франкскую метрополию (т. е. приблизительно с V века н. э.), включение нижненемецкого в единую функциональную парадигму с языком верхненемецкого типа до начала ранне-нововерхненемецкого периода (конец XV в.) вряд ли правомерно [Moser, S. 1005–1010]: „Das Niederdeutsche wird erst in der frühen Neuzeit durch soziolinguistische Vorgänge zu einem deutschen Dialekt <...>, überlagert bzw. überdacht durch die entstehende nhd. Einheits- oder Standardsprache“ [Besch, Wolf, S. 286].

Изучение процесса формирования немецкого литературного языка и исследование нижненемецкого на различных этапах его истории долгое время не пересекались. Это, по-видимому, связано с первоочередным интересом к нижненемецкому «языку» (такое заключение в кавычки принято во многих исследованиях) прежде всего диалектологов. Синхроническое изучение нижненемецких диалектов и исторического развития автохтонного идиома северной Германии в различных аспектах долгое время было (отчасти и до сих пор [Hermann-Winter, 1992, 1995; Lesle]) сопряжено с преодолением комплекса социальной и культурной «ущербности» по отношению к победившему языку верхненемецкого типа. В таких условиях идея обратного языкового влияния нижненемецкого на верхненемецкий хотя и была очевидной, но до настоящего времени это воздействие, как правило, лишь кратко упоминалось и бегло оценивалось в учебных и справочных пособиях, в отдельных работах по истории немецкого языка² [Schmidt, S. 131–132; Бах, с. 185 и др.].

² Не случайно, что в справочном издании по нижненемецкому языкознанию и литературоведению [см. HNSL] отсутствует раздел о лексическом взаимодействии ниже- и верхненемецкого, но при этом в него включены главы по гораздо менее масштабному контакту его с фризским и английским языками.

Длительное контактное взаимодействие нижненемецкого и общенемецкого литературного языка в диахроническом развитии и его результаты в синхронном срезе на современном этапе существования общенемецкого литературного языка представляют собой исключительно плодотворную основу для исследования конвергентного развития двух идиомов. Уникальность данной языковой ситуации заключается в ее достаточной документированности начиная с ранних этапов контакта, исключительной экстралингвистической детерминированности, постоянного изменения социолингвистических параметров использования контактирующих языков. Так, на влияние нижненемецкого на лексику новонемецкого языка в аспекте формирования территориальных синонимов (дублетов) впервые указал еще один из зачинателей исторической германистики К. фон Бадер [Protze, S. 220].

В предлагаемой работе³ рассматриваются закономерности взаимодействия нижненемецкого и формирующегося общенемецкого литературного языка в области лексики в аспекте развития и функционирования единой лексико-семантической системы, кодифицированной в толковых словарях современного немецкого языка.

Объектом настоящего исследования послужил словарный фонд, заимствованный в немецкий литературный язык из нижненемецкого, а его предметом – этимологические и основные функциональные характеристики заимствованной нижненемецкой лексики в структуре лексико-семантической системы современного немецкого литературного языка.

Целью данной работы является выявление семантических предпосылок, общей динамики процесса заимствования в диахроническом плане, определение формальных и содержатель-

³ Основой данной публикации послужил переработанный и расширенный текст кандидатской диссертации А.Е. Тетеревенкова «*Этимологические и функциональные характеристики лексики нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном стандарте*» (Самара: СамГУ; науч. рук. проф. С.И. Дубинин), защищенной в 2002 году в диссертационном совете при СамГПУ и получившей высокую оценку.

ных трансформаций, а также функциональных параметров нижненемецкой лексики, устойчиво отложившейся в литературном стандарте.

В связи с этими задачами исследования являлись:

1. Идентификация тематических доминант заимствования в аспекте расширения референциального потенциала формирующегося национального лексического стандарта.
2. Выявление диахронической динамики заимствования в связи с экстралингвистическими параметрами контактного взаимодействия нижненемецкого и формирующегося общенемецкого идиома.
3. Определение особенностей и степени формальных и семантических изменений лексических единиц при включении их в лексико-семантическую систему общенемецкого литературного языка.
4. Системное описание специфических особенностей функционирования корпуса нижненемецких заимствований в составе словарного фонда общенемецкого языка, зафиксированного в одноязычных толковых словарях.

При решении поставленных задач мы опирались, с одной стороны, на работы лингвистов, занимающихся проблемами становления и сложения немецкого литературного языка (М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, В. Беш, К.Й. Маттайер и др.) и роли в его становлении отдельных регионов в составе немецкого языкового ареала (Г.Й. Герненц, Р. Петерс, Г. Изинг, А. Габриэльссон, Г. Нибаум, С.И. Дубинин и др.), с другой стороны – на работы, специально посвященные историческому, социолингвистическому и структурному аспектам изучения нижненемецкого языка (У. Бихель, В. Ферсте, Я. Госсенс, А. Мим, Р. Петерс, В. Зандерс, Д. Штельмахер, Е.Р. Сквайрс и др.). Кроме того, большое значение для исследования имеют работы по немецкой лексикографии различных исторических периодов (Г. Бергенгольц, Й. Мугдан, Г. Дилль, Г. Нибаум, К. Таухманн, Г.Э. Виганд).

Теоретическая база исследования обусловила методику анализа фактического материала: в работе применялся ретроспективный анализ корпуса выборки на материале общенемецких словарей XIX–XX вв. и данных этимологических словарей. Описание формальной и семантической ассимиляции заимствованного нижненемецкого словарного фонда опирается на сравнительный и структурно-семантический анализ лексико-семантических вариантов лексических единиц до и после их заимствования. Фактический материал подвергнут количественной обработке, результаты которой по возможности сведены в таблицы.

В качестве материала исследования была выбрана лексика, заимствованная в общенемецкий литературный язык из нижненемецкого языка и нашедшая отражение (маркированная) как таковая в одноязычном большом толковом словаре немецкого языка серии „Duden“ (DUW). В качестве дополнительного материала использовался также значительный корпус словарей⁴.

Программные установки современной лексикографической практики предполагают включение не только основного словарного фонда, но и «периферийной» лексики (лексические единицы с территориально ограниченным употреблением, не относящиеся к нейтральному стилю, включенные в терминологические номенклатуры различных сфер деятельности и др.). Такой подход к расширению корпусной базы словарей с целью возможно более полного охвата релевантных для общественной коммуникации позволяет проследить особенности семантической ассимиляции региональной лексики в лексической системе общенационального языка. Достоверность результатов исследования обеспечивается большим объемом рассмо-

---

⁴ В целом нижненемецкая лексикография достаточно значительна и имеет более чем 150-летнюю традицию. См.: Lemmer M. Deutscher Wortschatz. Bibliographie zur deutschen Lexikologie. Halle (Saale): Niemeyer, 1967. S. 20–23, 56–60, 65.

тренного материала: в результате сплошной выборки из корпуса словаря DUW (ок. 120.000 заголовочных слов) на основании этимологических помет выделены для анализа 903 лексические единицы (без учета производных слов).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые системно рассматривается роль нижненемецкого языкового ареала в формировании различных уровней полифункционального лексического стандарта общенемецкого языка. Проблема интеграции и селекции территориальной лексики при складывании надрегиональной лексической нормы традиционно рассматривалась, как отмечалось, лишь с позиций роли ведущих в языковом отношении регионов. Вклад остальных регионов в становление лексической системы немецкого языка как целого ранее оценивался попутно как незначительный, очевидные заимствования из регионального нижненемецкого словаря рассматривались как «экзотизмы», нередко с трудом отграничиваемые от единиц фризского и/или нидерландского происхождения⁵.

Научный интерес к участию периферийных (пассивных) ареалов в становлении общенационального языка только начинает оформляться, поэтому исследование данной проблематики пока ограничивается частными аспектами языковой системы или ролью отдельных регионов. В данной работе подвергается анализу современный лексический стандарт, а также раскрываются особенности системной адаптации и бытования в нем лексики, заимствованной из периферийного нижненемецкого ареала.

---

⁵ Так, в переиздании этимологического словаря Фр. Клуге под ред. В. Мицка отмечено около 270 лексем нижненемецкого происхождения с параллельной отсылкой к пометам «фризское», «нидерландское», «городские полудialectы северной Германии», «лексикон моряков», «берлинское», что затрудняет их однозначную атрибуцию (Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 21. Aufl. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1975. S. 908).

Теоретическая значимость полученных выводов состоит в том, что они позволили определить условия включения нижненемецкого словарного фонда в лексическую систему национального языка при значительном доминировании на этапе ее формирования территориальных вариантов иного исходного языкового типа. Тем самым удалось выявить ряд параметров, определяющих «толерантность» системы, формирующейся на основе определенной территориальной доминанты, к лексике пассивных в отношении влияния на складывающуюся норму регионов. Проведенное исследование также позволило обобщить функциональные характеристики лексики нижненемецкого происхождения и выявить диахронически обусловленные закономерности ограничения в ее использовании, отчасти и ее деривационный потенциал.

Несомненной перспективой исследования данной темы является привлечение когнитивного аспекта анализа (например, анализ способов вербализации концептов в различных территориальных лингвокультурах одной языковой общности и др.).

Основные итоговые тезисы данного исследования могут быть кратко сформулированы следующим образом.

1. Нижненемецкий язык возник внутри древней западногерманской языковой общности на отличной от верхненемецкого ареальной основе и представляет по своей исходной структуре особый языковой тип. Ранняя переориентация северной Германии на франкскую метрополию обусловила частичное, но принципиальное для ее последующей судьбы включение нижненемецкой области в общенемецкие процессы языкового развития.
2. Вплоть до позднего Средневековья в нижненемецком ареале формируется автохтонная диасистема с относительно нормированным письменно-литературным языком. Связанное с историческим развитием Германии резкое изменение экстралингвистических условий привело к посте-

пенному вытеснению нижненемецкого из официальных сфер общения, ограничив его функционирование диалектным и, в меньшей степени, обиходно-разговорным уровнем.

3. Нижненемецкая языковая область лишь пассивно участвовала в складывании общенациональной лексической нормы. Нижненемецкая лексика в значительной мере пополнила класс конкретных существительных и в основном была включена в тематические группы, семантически связанные с особенностями приморского региона, гидротехникой и мореходством. Небольшая часть лексики транслировалась в общелитературный язык через нижненемецкий из других языков, что позволяет говорить о его функционировании и в качестве культурного языка-посредника.
4. Структурная близость ниже- и верхненемецкого обуславливает закономерные формальные изменения лексических единиц при заимствовании, а также «толерантность» верхненемецкого к большинству нижненемецких форм. Семантическая ассимиляция основывается, как правило, на приобретении одним из лексико-семантических вариантов нижненемецкой лексемы семантической самостоятельности. На основе этого варианта развиваются в дальнейшем новые значения, в основном на основе метонимического, т. е. логически обусловленного переноса значений.
5. Часть заимствованной нижненемецкой лексики имеет стилистические или территориальные ограничения в употреблении и относится преимущественно к сниженному слою, что говорит, с одной стороны, о консервативности сложившейся литературной нормы в сфере словаря, с другой стороны, указывает на продолжающуюся лексическую инфильтрацию из нижних ступеней функциональной парадигмы. Литературный и обиходно-разговорный

язык в северной Германии сохраняет унаследованное от нижненемецких диалектов лексическое своеобразие, которое выражается в употреблении регионально ограниченной лексики.

6. Основная часть нижненемецких заимствований в лексическом стандарте немецкого языка малопродуктивна в плане словообразовательных процессов, что обусловлено ее незначительным участием в формировании основного словарного фонда. Продуктивность эта мало зависит от времени заимствования, а основным критерием словообразовательной активности является релевантность лексической единицы для коммуникации (в частности, ее прагматический потенциал) на современном этапе.

Исследование нижненемецкого языка в отечественной германистике представляет собой определенную лингвистическую «нишу» и первоначально было достаточно противоречивым в оценках [Dubinin, S. 27–36]. Так, один из основателей российской германистики, Ф.А. Браун, характеризовал его исключительно как диалектный идиом, но отмеченный наличием литературных памятников: «... совокупность наречий северной Германии и отчасти Нидерландов и Бельгии. Нижненемецкие наречия в узком смысле дали современные наречия северной Германии» [Браун, с. 44].

В советской германистике были нередки идеологизированные суждения. Например, в энциклопедистике начала 1930-х гг. нижненемецкий оценивается вульгарно-социологически как «диалект, хотя по существу он является особым языком со своими характерными особенностями», имевшим литературное употребление с IX века. «...Но уже с XVII в. он заменяется в буржуазных кругах верхненемецким языком и сохраняется как диалект народных масс. <...> Только в середине XIX века националистически настроенная буржуазная интеллигенция сумела создать литературный нижненемецкий язык не столько путем прямого использования языка

крестьянства или мелкой буржуазии, сколько путем прямого подражания верхненемецким образцам. Со времени укрепления литературного немецкого языка как языка господствующих классов, в результате проводимой этими классами агрессивной ассимиляторской политики, граница нижненемецкого языка постепенно отступает к северу» [Е.М. и М.С., с. 15–16]. Более объективная оценка дана Н.С. Чемодановым: «В более широком значении ниже-немецкий язык употребляется для обозначения северной группы континентальных западно-германских диалектов в отличие от англо-фризских и верхне-немецких. Обычно, однако, под ниже-немецким языком (Niederdeutsch) разумеют совокупность диалектов Германии на север от т. н. Benrather Linie. <...> в XIX в. были неоднократные попытки создания литературной нормы ниже-немецкого языка» (графика оригинала. – Авт.) [Чемоданов, с. 80–81].

Современные отечественные исследования нижненемецкого языка связаны в основном с работами Е.Р. Сквайрс (историко-типологический и контактный аспекты), классика отечественной германистики В.М. Жирмунского, а также Г.Я. Панкратца и Г.Г. Едига (диалектологический и колониально-диалектологический аспекты), Н.И. Филичевой и еще во многом лакунарны⁶. Частично этой теме касались также крупные отечественные нидерландисты С.А. Миронов и А.Л. Зеленецкий, поскольку судьбы немецкого и нидерландского языков помимо их генетического родства связаны с уникальной ситуацией пограничного контакта, а нидерландская народность сложилась в результате обособления Нидерландов от Германии [Миронов, с. 3–4].

---

⁶ Из новейших публикаций отметим: Сквайрс Е.Р. Нидерландский и нижненемецкий. Хрестоматия по истории языков (IX–XI вв.). М.: Макс Пресс, 2009; Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. Интересен опыт вузовского пособия: Waschunin W.S., Sterligow S.G. Niederdeutsche Mundarten. Gorki: Изд-во ГГПИИЯ. Т. I–III. 1987–1990.

Продуктами нидерландско-нижненемецкого взаимодействия является и такая уникальная этно-конфессиональная группа, как меннониты и их язык, что, в частности, связано с судьбами немецких переселенцев в Россию⁷ [Ипатов].

В современной ФРГ нижненемецкий переживает определенный ренессанс и манифестируется в качестве так называемого «регионального языка», который с 1994 г. также признан ЕС. Нижненемецкий диалект используется в северных федеральных землях на радио (NDR, Radio Bremen и др.) и на телевидении, в прессе, в театре (наиболее известен Ohnsorg-Theater), в литературной традиции и даже в интернете⁸. В некоторых школах севернонемецких земель он культивируется в преподавании.

---

⁷ На кафедре немецкой филологии СамГУ студентками М. Классен и Н. Барг в 2009–2011 гг. были выполнены исследования по языку и этноистории меннонитов Оренбуржья.

⁸ Подробнее см.: http://de.wikipedia.org/wiki/Niederdeutsche_Sprache; http://www.germsem.uni-kiel.de/ndnl/literaturliste_nd.pdf.

ГЛАВА 1

ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Die Sachsen si (ire worte) bezukent

(характеристика речи саксов в поэме

Г. фон Тримберга «Скакун», ок. 1300 г.)

1.1. Ареально-типологическое своеобразие нижненемецкого и его место в западногерманской языковой общности

Для исследования лексического взаимодействия немецкого литературного языка с автохтонным идиомом северной Германии ключевым является термин «нижненемецкий» (*Niederdeutsch*), представляющий собой общее наименование языкового феномена, конкретные характеристики которого различны в зависимости от рассматриваемого периода, региона, сферы коммуникации. Термин «нижненемецкий» для идиома, имевшего распространение в северной части Германии начиная с эпохи переселения народов (IV–VII вв.), был впервые предложен еще основоположником германистики Я. Гриммом в его «Немецкой грамматике» (1819 г.).

Однако на неоднозначность понятия «нижненемецкий» указывают многие его исследователи [*Sprachgeschichte*, S. 1211–1213; Sanders, 1985, S. 21–22]. В русле традиции рассмотрения нижненемецкого как совокупности диалектов немецкого языка, заложенной в рамках немецкой диалектологической школы, закономерно включение в состав термина элемента «немецкий»,

поскольку в новое время нижненемецкие диалекты находятся под «кровлей» (Überdachung) немецкого литературного языка. Выбор подкрепляется тем, что наряду с конкурирующими понятиями (в разные периоды истории нижненемецкий называют *sassesch/sassesche sprake*, *neddersassesch*, *nedderlendesch*, *ostersche sprake*, *Platt*) название *nedderdüdesch* (*nederduitsch*) с XVI в. употребляется самими носителями этого языка для обозначения автохтонного идиома [Sanders, 1985, S. 25]. С другой стороны, элемент «немецкий» в наименовании не передает типологического своеобразия нижненемецкого по отношению к общенемецкому языку. Оно лишь намечается указанием диатопической характеристики «нижне-», показателя его распространения в низменной, северной части Германии.

Несмотря на отсутствие эксплицитного разграничения ниже- и верхненемецкого в терминологии, термин «нижненемецкий» считается в современной лингвистике более удачным по сравнению с прочими. До второй половины XX в. (в некоторых работах по традиции и до настоящего времени) для обозначения самой ранней зафиксированной в памятниках письменности формы нижненемецкого использовалось понятие «древнесаксонский». На неоправданную идентификацию этнонима и идиома указывает, в частности, Я. Госсенс, но, тем не менее, сам он придерживается традиционного обозначения [Goossens, 1973, S. 28]⁹.

Современные нижненемецкие диалекты на основании критерия «кровли» включаются в диалектный страт функциональной парадигмы общенемецкого языка, а в обиходе они объединяются понятием “Platt” или “Plattdeutsch” [Филичева, с. 18]. Исконное значение заимствованного из стфр. через посредство нижненемецкого *plat(t)* «плоский, ровный → простой, понятный, ясный (о языке)». В научном употреблении термин

---

⁹ Можно встретить и упоминание «нижненемецкого» как «второго немецкого языка» (B. Sowinski. *Grundlagen des Studiums der Germanistik*. Köln – Wien, 1974. S. 122).

„Plattdeutsch“ относительно неустойчив, фиксируется впервые в конце XVII в. К. Штилером (*Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs*. Nürnberg, 1691 г.).

В современных лингвистических справочниках по немецкому языку определение феномена *Niederdeutsch* значительно варьируется. Так, энциклопедия под редакцией К.Э. Зоммерфельда и В. Спивока характеризует его как *регионолект* (социально-историческую и регионально детерминированную форму существования языка, возвышающуюся над местными обиходно-разговорными языками и диалектами) северной части немецкой языковой области, не охваченный вторым (верхненемецким) передвижением согласных [*Sachwörterbuch*, S. 156, 198]. Иногда он прямо не характеризуется как самостоятельный литературный идиом, рассматриваясь только в диалектологическом контексте¹⁰. Отмечается его большая монолитность по сравнению с верхненемецким языком и включенность вопроса о его статусе в дискуссионную проблематику членения западногерманской языковой общности¹¹. Г. Эггерс считал его самостоятельным германским языком только эпохи Средневековья, равным нидерландскому и верхненемецкому [Eggers, 1965, S. 23].

Современная лингвистическая терминология последовательно придерживается единообразия в номенклатуре генетически связанных исторических этапов развития нижненемецкого. Благодаря этому на основе не совсем точного с точки зрения типологии термина «нижненемецкий» выстраивается логичная в диахроническом плане модель его развития: древнижненемецкий (*Altniederdeutsch*) → среднижненемецкий (*Mittelniederdeutsch*) → новнижненемецкий (*Neuniederdeutsch*) [*Sprachgeschichte*, S. 1211–1213].

---

¹⁰ См.: *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie* / Hrsg. von W. Fleischer u.a. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1983.

¹¹ *Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie* / Hrsg. von E. Agricola u.a. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1969. Bd. I. S. 103, 418.

Вопросы о месте нижненемецкого среди соседних германских языков, о времени его выделения, о его ареальной базе в различные периоды остаются дискуссионными. В древнегерманскую эпоху, вплоть до начала эпохи великого переселения народов (с IV в. н. э.), в северной части континентальной Центральной и Западной Европы были распространены племенные диалекты, которые традиционно объединяются в так называемое западногерманское языковое единство (V–VI вв. н. э.)¹². Эта древнезападногерманская (иногда обозначаемая как «южногерманская») языковая общность противостояла более древнему по времени обособлению от общегерманского готско-скандинавскому единству, будучи менее монолитной и распавшись достаточно скоро. А. Мейе выделял в западногерманском так называемую немецкую группу, куда включал верхненемецкий, нижненемецкий (саксонский) и нидерландский языки [Мейе, с. 25].

На основании ряда типологических признаков западногерманское единство делится далее на три группы диалектов западных (континентальных) германцев (герминонов, иствеонов и ингвеонов). Эта условная классификация, данная еще Тацитом в «Германии» (I в. н. э.), не отражала реальный этнолингвистический состав «западных» германцев, основываясь на выделении у них культовых союзов.

А.Л. Зеленецкий принимает трехчастное членение западногерманского единства с сохранением традиционных культовых наименований для лингвистических реалий времени, предшествующего эпохе переселения народов, т. е. до формирования устойчивых племенных союзов германцев [Зеленецкий, т. II, с. 123]. С образованием племенных союзов в эпоху переселения народов внутри этих крупных диалектных ареалов становится возможным говорить о племенных диалектах (например, о сак-

¹² Понятие «западногерманская языковая общность» используется как для обозначения диалектного континуума V–VI вв. н. э., из которого формируются современные языки, так и в качестве собирательного обозначения современных западногерманских языков.

сонском, франкском). Для последующего периода формирования из племенных наречий территориальных диалектов западногерманских языков вплоть до их исторической (письменной) фиксации он предлагает использовать приставку «пост-» в сочетании с соответствующим этнонимом (например, постфранкский, посталеманнский) [Зеленецкий, т. II, с. 124]. Уже на их основе формируются соответствующие германские языки, этап существования которых до их письменной фиксации предлагается обозначать с использованием элемента «прото-», например протонемецкий (до середины VIII в.).

В работе, посвященной определению ареальной базы протонемецкого языка, А.Л. Зеленецкий указывает на несовпадение языковых ареалов, ставших территориальной основой формирования будущих общенемецкого и нижненемецкого. Он отмечает, что немалую роль в языковом развитии Германии сыграло политическое, а вследствие этого и культурное объединение иствеонов (рейнско-везерских германцев) и гермионов (эльбских германцев) в рамках империи франков. Уже в первой половине VI века весь юго-запад современной Германии входил в состав сильного франкского государства. Определяющим для развития протонемецкого языкового типа оказывается устойчивое контактное взаимодействие постфранкских и посталеманских диалектов [Зеленецкий, т. I, с. 65], занимавших географически периферийное положение в западногерманской языковой общности.

Диалектной базой протонижненемецкого традиционно считались саксонские диалекты, восходящие к ингвеонским (североморским) диалектам, занимавшим в древнезападногерманской языковой общности географически центральное положение [см. Приложение I]¹³. Кроме саксов к ингвеонам

¹³ Предшественниками ингвеонов иногда считают так называемых «североморских германцев» – племенную группировку, сложившуюся во II–I вв. до н. э. вокруг территории совр. Шлезвига-Гольштинии и экспандировавшую по западному побережью, но не оставившую языковых свидетельств [Sachwörterbuch, S. 159].

(североморским германцам) относились племена англов, ютов и фризов, которые проживали широкой полосой вдоль побережья Северного моря (ср. термин Т. Фрингса – *Küstendeutsch* [Бах, с. 60]) от южной Голландии на западе до района устья Эльбы на востоке. Западное и северное побережье современных Нидерландов населяли племена фризов, которые, однако, жили достаточно изолированно и мигрировали неактивно, чтобы оказать сколько-нибудь значительное влияние на развитие протонижнемецкого.

Саксы (этноним дискусионен и определяется как «меченосные» или «оседлые») впервые упоминаются позднеантичными авторами по уточненным данным с конца III века вместе с франками как морские разбойники и вряд ли еще образовывали прочный племенной союз со своей территорией. Примечательно, что Тацит в «Германии» (I в. н. э.) не фиксирует их, хотя пишет среди ингвеонов о фризах. Начав формироваться как племенная общность к IV веку, саксы активно миграционно не участвовали на континенте в великом переселении народов, хотя сами во многом были его продуктом. Во второй половине IV века в позднеантичной историографии появляется топоним *Saxonia* с неясными географическими параметрами, как и племенные округа саксов.

В III–V вв. саксы совершают набеги на территории Северной Галлии, потеснив здесь, как и на северонемецкой равнине, фризов и франков и стимулировав продвижение последних в южном направлении. В 460-е гг. саксы включились в ситуации падения Западной Римской империи в раздел этой римской провинции, но были разбиты соперниками-франками. Известно и об участии их группировок во вторжении лангобардов в Италию [ИГ, т. I, с. 34, 37].

По скудным историческим данным, саксы соседствовали с англами и ютами, вместе с которыми, а также, возможно, с фризами и небольшим количеством франков их группировки в середине V века участвовали в завоевании и колонизации

Британии, опираясь на своих предшественников-наемников местных кельтских вождей (с конца IV в.). Окончательно эти саксы оседают там к концу VI века, приняв христианство [Мельникова, с. 8–13]. Из диалектов, этнически смешавшихся в ходе расселения завоевателей, там складывается англосаксонский язык, который оказался изолированным от своих «корней» на континенте.

Новейшие исследования в области праязыковых контактов свидетельствуют о том, что саксонский очевидно был не единственным идиомом, сформировавшим диалектную основу протонижнемецкого. Е.Р. Сквайрс доказывает на материале ранних изоглосс участие в формировании его ареальной базы восточной части нижнефранкского. Она показывает, что отсутствует резкая граница как между нижнефранкским и саксонским, так и между восточным и западным вариантами нижнефранкского [Сквайрс, 1997, с. 101]. В связи с этим достаточно условной оказывается западная граница древненижнемецкого на карте, фиксирующей ареал распространения древненижнемецкого к IX в. [см. Приложение 2]. В результате языковых контактов между древнесаксонским и нижнефранкским уже с III–V веков (т. е. в эпоху североморских связей), задолго до начала древнесаксонской / древненижнемецкой письменной традиции в IX веке, формируется идиом, который «становится отправной точкой возникновения древненижнемецкого» [Сквайрс, 1997, т. II, с. 107].

Менее определено и убедительно звучит утверждение об изменении языкового статуса древнесаксонского и о его переходе под сильным воздействием франкских диалектов в средний период на «нижнемецкую основу» (?) [Топорова, с. 20]. Однако очевидно, что саксонские племенные диалекты участвовали и в формировании ареальной базы нидерландского языка в древний период (IX–XI вв.).

Таким образом, исследования ареальной базы протонемецкого и протонижнемецкого языков свидетельствуют

о том, что эти идиомы формировались на различных диалектных основах: соответственно на франкско-алеманнской и на саксонско-нижнефранкской. Нижнефранкский уже к началу XI века обособляется от остальной части франкского и «переориентируется» на саксонский [Сквайрс, 1997, с. 61].

Диалекты североморских (ингвеонских) племен германцев практически не повлияли на становление протонемецкого языка. Типологически они были ближе друг к другу, чем к иствеонским и гермионским диалектам, а также отчасти к языкам северных (скандинавских) и восточных германцев. Однако в связи с центральным географическим положением ингвеонского их нельзя в эту эпоху назвать изолированными.

Контакты между западногерманскими племенами на континенте, относящимися к различным диалектным группам, закономерно существовали уже в дописьменный период и меняли свою конфигурацию и векторы развития. Так, в 531–532 гг. саксы вместе с франками-иствеонами одержали победу над Тюрингией, участвуя в ее разделе. Свевы, впоследствии образовавшие костяк племени алеманнов, до своего переселения в юго-западную Германию жили в соседстве с англами и саксами на берегах Эльбы. Ряд общих черт алеманнского и ингвеонских диалектов побудил некоторых исследователей предположить их исходное единство, которое впоследствии было якобы «рассечено» клином готского влияния (вторжения) [Wrede, S. 379–380].

Тем не менее, типологически языки североморских и «южных» германцев были различны. Племенной диалект саксов был ближе к древнефризскому и англосаксонскому и традиционно включается в «североморскую» подгруппу западногерманских языков, которая отличается рядом языковых особенностей – ингвеонизмов. Наиболее показательными из них считаются следующие фонетико-морфологические черты, имеющие различную хронологию [Жирмунский, 1964; с. 141–171; Зеленецкий, т. I, с. 24]:

- 1) выпадение носового (Nasalschwund) перед германскими глухими щелевыми согласными /h/, /f/, /s/, /þ/ с удлинением предшествующего гласного (ср. гот. aþar – дрсакс. ôðar, дрннем. aðar/oðar). Впоследствии нижненемецкий, так же как и нидерландский, формирующийся на основе западного нижнефранкского, стремится к вытеснению ингвеонских форм без носового согласного (нидерл. ander);
- 2) единое окончание множественного числа (Einheitsplural) настоящего времени глагола (в дрннем. -ad), до сих пор сохранившееся в нижненемецких диалектах (например, wi, ji, se hebbt);
- 3) форма личного местоимения 3 лица ед. ч. муж. рода с h- (he), восходящая к основе и.е. */ki~/~/kio~/~/ko/, которому противостоит верхненемецкое er (и.е. * ei/i);
- 4) утрата возвратного местоимения и его замена формами личного местоимения;
- 5) апокопа германского */-z/ в формах местоимений (ннем. mi, di, wi – нем. mir, dir, wir).

Начиная с V–VI вв. в баваро-алеманнском языковом ареале берет начало такое важнейшее явление, как второе (верхненемецкое) передвижение согласных, которое постепенно распространяется с юга на север (см. Приложение 8). Передвижение согласных, затронувшее германские глухие и звонкие взрывные, коренным образом изменило консонантный контур слова, обусловив дожившее до наших дней характерное отличие немецкого от большинства других западногерманских языков. «Североморские» языки и, в частности, нижненемецкий в значительной степени сохраняют старое германское состояние системы согласных, что и является главным критерием их отграничения [Schweikle, S. 129–132]. Глухие взрывные согласные /p/, /t/, /k/ сохраняются, таким образом, во всех позициях: а) в середине и конце слова после гласного, где в верхненемецком образуются щелевые (дрннем. slapan – двн. slafan, дрннем. etan – двн. ezzan, дрннем. takon – двн. mahhon); б) в начале, в сере-

дине и в конце слова после согласного или при его удвоении, где в верхненемецком возникают аффрикаты (дрннем. *tunga*, *sittian* – двн. *zunga*, *sizzen*, дрннем. *pund*, *appul* – двн. *pfunt*, *apful*), причем передвижение /k/ > /kh/ (его вариативное графическое отражение – <kh>, <kch>, <ch>) ограничивается лишь баваро-алеманнским ареалом. Звонкие взрывные /b/, /d/, /g/ сохраняются, в то время как в верхненемецком /d/ оглушается в /t/, а в баваро-алеманнском ареале происходит передвижение /b/ > /p/, а также /g/ > /k/.

Второе «верхненемецкое» передвижение согласных настолько существенно изменило структуру слова, что в диалектологии его осуществление считается одним из основных критериев отнесения современных немецких диалектов, также и переселенческих (островных), к южнонемецким (осуществлено максимальное количество ступеней передвижения), нижне-немецким (передвижение согласных отсутствует) и средненемецким (различная промежуточная степень осуществления ступеней передвижения). Пучок изоглосс, маркирующих отсутствие второго передвижения согласных, служит примерной лингвогеографической границей нижне-немецких диалектов с древнего до современного этапа истории нижне-немецкого языка [Moser, S. 870].

Культурно-исторические и этнические контуры нижне-немецкой языковой области, формирующейся после окончания великого переселения народов (VII в.) на базе племенных саксонских герцогств, также не обладают достаточно ясной очерченностью.

В ходе своей настойчивой экспансии на материке на юг и на запад племена саксов уже к 700 году достигают границ франкских территорий. К этому времени франкское раннефеодальное королевство Меровингов уже владело огромными территориями в Западной Европе. Оно продолжало завоевания, оказывая все большее колонизационное (привлекая, в частности, швабов), культурное, конфессиональное, политическое и эко-

номическое влияние на своих соперников – саксов, восстания которых против франков известны с VI века¹⁴.

Е.Р. Сквайрс называет период со второй половины V века по 777 г., т. е. до времени, когда франкское королевство окончательно подчинило континентальных саксов, «эпохой южной переориентации» [Сквайрс 1997, с. 65]. В ходе так называемых саксонских войн Карла Великого (772–804 гг.) земли материковых саксов были насильственно включены в империю Каролингов, а их население христианизировано¹⁵. Завоеватели навязали покоренным саксам, жившим в соответствии с родоплеменными порядками, свои раннефеодальные общественные институты, вассальные отношения, как, например, деление на графства, хотя графами зачастую были сами знатные саксы (дрсакс. *graviu*), пользовавшиеся доверием у завоевателей. В IX веке саксонское герцогство было признано франками в составе своего государства.

Этап высвобождения протонижнемецкого из североморских связей и создания совместных явлений с древневерхнемецким (по Е.Р. Сквайрс – «франкизации») охватывает период с VI по IX вв. Языковые изменения, такие как умлаут или редукция конечных безударных гласных, происходят в древненижнемецком, как и в древневерхнемецком. В нижнемецком ареале, по-видимому, берет свое начало монофтонгизация /ai/ и /au/ [Сквайрс, 1997, с. 97], унаследованных из общегерманского, в /e/ и в /o/, которая затем лишь отчасти проводится и в верхнемецких диалектах [Бах, с. 88; KE, с. 114; Schweikle, S. 89–90].

На место первых англосаксонских миссионеров пришла систематическая и целенаправленная христианизация материковых саксов под патронатом франков. В новых северных землях

---

¹⁴ См. подробнее о ранней истории: Григорий Турский. История франков / пер. с лат. М.: Наука, 1987. Кн. 4, 5, 7.

¹⁵ Интересно, что в христианизации франкских владений приняла участие и англо-саксонская миссия (Бонифаций, Винфрид, нач. VIII в.).

империи ими основываются епископства Мюнстерское, Оснабрюкское, Падерборнское, Бременское, Верденское и Гамбургское, подчиненные франкским архиепископствам Кельнскому и Майнцскому, строятся многочисленные монастыри и укрепленные города. Христианизация принесла с собой и монастырские школы с богатыми библиотеками. Не случайно, что единственные крупные памятники древнесаксонского языка “Heliand” и “Genesis” (IX век) имеют в основе христианскую тематику.

Примечательно, что примерно через столетие после включения племенного герцогства Саксонии в государство франков Карла Великого, с уходом Каролингов и с образованием Восточно-Франкского королевства германский престол с 919 по по 1024 гг. заняли представители саксонской династии Лиудольфингов (Генрихи I и II, Оттоны). Саксонский герцог Генрих I был в 919 г. избран немецким королем, а его сын Оттон I стал первым императором основанной им в 962 г. Священной Римской империи. Об одном из первых представителей этой династии современники сообщали, что он уже говорил с южнонемецкими вассалами на их родном наречии, но с „leniter saxonizans“ (с «легким» оттенком саксонской речи) [Жирмунский, 1956, с. 565]. Именно саксонские Оттоны, основав Священную Римскую империю германской нации, проводили политику централизации, пресекая, в частности, сепаратизм Баварии и Швабии.

Территории севера Германской империи в эту эпоху занимали с запада на восток герцогство Лотарингское (владевшее частично будущими нидерландскими территориями), разделившись к X веку на Нижнее и Верхнее, герцогство Саксонское, частично Франкское и Тюрингенское герцогства, заэльбские (восточные) марки. Относительно территориально независимой еще оставалась Фрисландия.

Не касаясь подробно проблемы участия континентальных саксов в этногенезе немецкой народности, отметим, что

они включились в этот процесс позже франков, баварцев, алеманов и даже турингов. Но Г. Эггерс справедливо подчеркивал, что для этносознания немецкой народности эпохи раннего Средневековья, отмеченной появлением в автохтонной форме ок. 1000 г. лингвоэтнонима „deutsch“, преобладало осознание единства культуры, обычаев, языков во всем их многообразии, а четкое различие верхне- и нижненемецкого наступило столетиями позже. В географическое и языковое понятие „Niederlanden“ современниками включалась и северная Германия, а до XV века в североморском ареале употребляется этимологически тождественное обозначение для единого языка – dietsch (duutsch, duytsch) [Eggers, 1965, S. 10, 13].

Существенное и исконное влияние франкского королевства в политико-административной и в церковной сферах не могло остаться без языковых последствий [Бах, с. 77–78; Филичева, с. 84–85]. Уже в это время в древнесаксонский проникают такие слова правовой сферы, как *urdēli* 'приговор' (наряду с дрннем. *dōm*), *scerīno* 'шефпен, судебный заседатель' и др. В соответствии с ситуацией заимствование является практически односторонним. Особенно много лексических единиц заимствуется в сфере языка церкви: *dōrian* 'крестить', *kristinhēd* 'христианство', *diuval* 'дьявол', *kirika* 'церковь' [Sanders, 1985, S. 102]. Однако влияние безусловно доминирующего франкского языка верхненемецкого типа ограничивалось в социальном плане в основном представителями саксонской знати и, до некоторой степени, духовенства, которые поддерживали контакты с франкской администрацией на местах и в центре и достаточно скоро перешли на сторону покорителей. Основная же масса саксов продолжала использовать местные диалекты, поскольку древнижненемецкий не был единым, как и любой другой язык в эту эпоху, но *„vielmehr ist «das Altsächsische» nur eine stark vereinfachende Abstraktion der damaligen spachlichen Vielfalt»* [Goossens, 1973, S. 32].

1.2. Диалектное членение нижненемецкой области

Ареал распространения нижненемецкого на территории северной части Германии (сегодня в основном это современные земли ФРГ – Шлезвиг-Гольштиния, Нижняя Саксония, Мекленбург – Передняя Померания, Гамбург и Бремен), его членение и динамика значительно изменяются с древнейшего периода до наших дней. Географически «северная Германия» не имеет абсолютно четких контуров, простираясь от Нидерландов до Балтики. Традиционно имеется в виду территория северно-немецкой равнины, иногда включающая возвышенные Гарц и Тевтобургский лес (это северные анклав земель Северный Рейн-Вестфалия, Саксония-Ангальт, Бранденбург), сформировавшаяся в ледниковый период.

Древнейшее членение нижненемецких диалектов в рамках поздней древненемецкой общности, т. е. с IX в., когда древнесаксонский заканчивает свое существование на континенте как самостоятельный древнегерманский идиом, оставаясь важнейшим компонентом ареальной базы нижненемецкого, условно и двухчленно: а) нижнефранкский и б) нижнесаксонский (ситуация X–XI вв. до начала восточной экспансии) [Moskalskaja, S. 59].

Для периода наибольшего распространения нижненемецкого (т. е. для средненижненемецкого периода XIII–XVI вв.) А. Лаш¹⁶ выделяет уже четыре его основных диалектных ареала:

а) *Вестфальский* (Westfälisch) между средним Везером и Рейном. Особенно в юго-западной его части заметно влияние рипуарского городского полудиалекта Кельна, ставшего благодаря культурно-экономическому доминированию (архиепископский центр, один из ведущих городов Ганзы) проводником верхненемецких элементов в соседние с ним нижненемецкие диалекты [Mihm, 2001, S. 358–359]. Приграничные диалекты,

---

¹⁶ Эта классификация и номенклатура ннем. диалектов для периода XIII–XIV вв. не является единственной и бесспорной.

оказавшиеся затем на территории Нидерландов, также относят к вестфальскому.

б) *Остфальский* (Ostfälich) между средним Везером и Эльбой. Юго-восточная часть этой области вокруг Мерзебурга и Галле носит название эльбско-остфальского (Elbostfälich). С XV в. в эльбско-остфальской области нижненемецкий полностью вытесняется средненемецким.

в) *Севернонижнесаксонский* (Nordniedersächsisch) послужил основой для средненижненемецкого варианта письменно-литературного языка Ганзы, а его ареал занимал все побережье Северного моря. На юге он граничит с вестфальским и остфальским, на севере с фризским и датским, на востоке с мекленбургским колониальным диалектом¹⁷ нижненемецкого типа.

г) *Бранденбургский* (Brandenburgisch) [Lasch, S. 13–19].

К началу XX века в северно-восточном направлении по протяженности нижненемецкая область уже почти на треть превосходила южно- и особенно средненемецкую. Современные диалектологи включают в группу нижненемецких диалектов следующие, разделяя их по географическому принципу и по вектору продвижения на «западные – восточные». При этом признается решающая роль противопоставления по морфологическому признаку в глагольных формах множ. числа: -(e)t ↔ -(e)n [LGL, S. 458–468, см. Приложение 3]¹⁸.

1. Западнонижненемецкие:

а) *Нижнефранкский* (Niederfränkisch), который относят к нижненемецким диалектам, поскольку в нем также не было

---

¹⁷ Мекленбургское княжество формируется с XII в. на землях полабских славян, получив в 1348 г. статус герцогства.

¹⁸ В диалектологии иногда принято сопоставление нижненемецких форм с древнесаксонскими. Детальное диалектное членение нижненемецкой зоны, номенклатура которого установилась в 1890-е гг. (О. Беагель, О. Бремери и др.), базируется далее на различных совокупностях изоглосс. В последнее время существуют попытки членения нижненемецкой области на основании структурных вокалических признаков в сопоставлении с западногерманской системой гласных.

проведено второе передвижение согласных. Но нижнефранкский вокализм представляет собой затронутую интерференцией переходную ступень между верхне- и нижненемецким. Область нижнефранкского охватывает территорию выше Дюссельдорфа, ограниченную с севера и запада государственной границей современной ФРГ с Нидерландами, которая в строгом смысле не является языковой, а с юга – изоглоссой *taken/machen*. На востоке граница с вестфальским диалектом проходит параллельно Рейну по линии Эссеп – Вупперталь¹⁹.

б) *Вестфальский*, характеризующийся консервативностью, обильной дифтонгизацией и отсутствием фонемы */j/*. Интересным памятником вестфальской лексики является словарь Joh. Chr. Stodtmann «*Idioticon Osnabrugense*» (1756 г.), предназначенный автором, в частности, для облегчения реценции верхнесаксонских правовых текстов и целей межрегиональной коммуникации.

в) *Остфальский* с эльбско-остфальским поддиалектом, обнаруживающий особые местоименные формы в косвенном падеже *mik, dik, üsch, jük*²⁰.

г) *Севернонижнесаксонский*. Его чертой является единая форма мн. числа глаголов на *-et*, упрощенная система гласных и многочисленные ассимиляции согласных. Внутри данного диалекта выделяются различные смешанные поддиалекты. Так, *восточнофризский* и *гольштинский* содержат фризские и голландские субстратные элементы, а *илезвигский*, в свою

---

¹⁹ Свообразие нижнефранкского состоит в его переходности между диалектами ФРГ, Нидерландов и Бельгии (в ситуации старого диалектного континуума), поэтому он иногда выносится за рамки двухчастного членения нижненемецкого как особый идиом и также рассматривается как база формирования нидерландского литературного языка в рамках их типологической близости.

²⁰ Иногда вест- и остфальский объединяются в *нижнесаксонский* диалект, определяемый как центральный в нижненемецком ареале и маркируемый в отличие от нижнефранкского некоторыми лексическими изоглоссами.

очередь, обнаруживает севернофризские и ютские черты. В зоне севернионжнесаксонского выделяются затухающие билингвальные анклавы фризского языка (северно- и восточнофризские говоры, лишённые «перекрытия» фризского литературного языка): небольшой район Сатерланда (западнее г. Ольденбурга) и прибрежная полоса и острова на северо-западе Шлезвиг-Гольштейна.

2. **Восточнонижнемецкие** (колониальные) являются продуктом позднейшего соединения, гибридизации различных диалектов «старых» земель в ходе колонизации XII–XIV вв.²¹ В отличие от западнонижнемецкой области роль феодальных территорий при формировании здесь языковых границ была вторичной на фоне миграционных процессов. Это:

а) *Мекленбургский* (и диалект Передней Померании) (Mecklenburgisch-Vorpommersch) на побережье Балтийского моря от Любекской до Поморской бухты и на острове Рюген. Его характеризует наличие уменьшительного суффикса -ing. Мекленбургский известен благодаря творчеству писавшего на нем юмориста и поэта Ф. Ройтера (1810–1874).

б) *Бранденбургский* (или Märkisch) к югу от мекленбургского. На юге его ареал соседствует со среднемецкими диалектами, фонетическое влияние которых ощутимо. На востоке его естественную границу образует река Одер. Диалект не считается монолитным и иногда подразделяется на северную и южную области (Nord- und Mittelmärkisch). В его генезисе и особенно в лексике отмечено влияние проникновений из языка нидерландских поселенцев как реликтов. Отмечается, что именно через «широкие ворота Бранденбурга»²² и захваченные им земли верхнемецкий прорывается на нижнемецкую террито-

²¹ Несмотря на этническое смешение с покоренным местным славянским населением оно не отразилось сколько-нибудь заметным образом на восточнонемецких диалектах в целом кроме немногих словарных заимствований [Жирмунский, 1956, с. 19].

²² Княжество (маркграфство) Бранденбург основано на землях полабских славян и получило в 1356 г. высокий статус курфюршества.

рию гораздо раньше и свободнее, чем на западе» [Жирмунский, 1956, с. 567]. В «треугольнике» Лейпциг – Магдебург – Берлин начиная с XV в. в целом произошло наиболее сильное «вторжение» верхненемецкого языка [Polenz, S. 69].

в) *Среднепомеранский* (Mittelpommersch) вокруг пограничного современного польского города Щецин (нем. Штетин). Его характеризует наличие диминутивного суффикса -ке. с 1945 г. по настоящее время диалект элиминировался, являясь реликтовым.

г) *Восточно-померанский* (Ostpommersch) вдоль балтийского побережья современной Польши до Гданьской бухты и *нижнепруссский* (Niederpreußisch) далее до Кенигсберга (Калининграда) и Куршского залива. Эти диалекты носят относительно дистантный характер и иногда определяются как крупные средневековые «острова» в иноязычном славянском обрамлении с юга. В настоящее время они также элиминировались, являясь реликтовыми. Средне- и восточно-померанская диалектная зона, сужаясь на северо-восток, прерывалась польским языковым анклавом («кашубским клином») между Гданьском, Бытовым и Лебой на побережье и характеризуется на периферии активными иноязычными контактами²³.

Историческая диалектология констатирует большую прочность нижненемецкой языковой границы на западе, определяя восточную границу ниже- и верхненемецкого (особенно от Магдебурга) лишь как динамично смещаемый на север «зыбкий, проницаемый пограничный пояс» [Жирмунский, 1956, с. 270, 567]. В целом в нижненемецкой области значительны зоны переходных диалектов (принцип "Kern- und Übergangsgebiete"), особенно в окружении остфальского и бранденбургского. Но активного образования дистантных нижненемецких язы-
с 1451 г. – метрополия Гогенцоллернов и затем основа формирования Прусского государства.

²³ См.: Шевченко С.Н. Процессы языкового смешения в нижненемецком языке Ганзы в восточно-балтийском регионе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1998.

ковых «островов» за границами немецкой языковой области не отмечается²⁴. Этим нижненемецкая диалектная область отличается от более экспансивных средне- и особенно южнонемецкой.

Некоторые диалектологи отмечают важность (в частности, и для трансферта лексики) наличия верхненемецких языковых «островов» внутри нижненемецкой диалектной зоны (hochdeutsche Binnensprachinsel), образованных здесь переселенцами XVI–XVIII вв. из южной и средней Германии. В частности, наиболее значительные из них фиксируются в остфальском (районы Брауншвейга, Гослара), бранденбургском (вокруг Берлина) и среднепомеранском (побережье Щецинской бухты), а также в прусском диалектах.

Наиболее активными проводниками верхненемецкого, несомненно, являлись города. Т. Фрингс отмечал: «Восточная часть северной Германии представляет собой картину полного распада; и лишь западная ее часть находится в состоянии покоя» [НД, с. 187].

Среди современных городских полудиалектов нижненемецкого типа наибольшей известностью пользуется сохраняющий высокий функциональный статус «гамбургский» (Hamburger Platt), находящийся в зоне севернижнесаксонского. Он имеет локальные социолектальные особенности (Geest-Mundart в северных пригородах мегаполиса, портовый Marsch-Mundart или Hafen-Platt). Интерес к гамбургскому диалекту и его сохранению отмечен уже в XVIII веке, когда дважды был опубликован известный словарь Michael Richey «Idioticon Hamburgense» (Hamburg, 1743; переиздан в 1755 г.), в названии которого впервые появился термин «идиотикон», популярный у языковедов-

²⁴ Отдельными феноменами являются меннонитская эмиграция в Восточную Европу и проблема статуса языка меннонитов, что выходит за рамки данной работы. Нижненемецкие переселенческие говоры меннонитов в России с 1950-х гг. исследовали, в частности, Г.Г. Едиг и Г.Я. Панкрац (см.: Jedig H. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart im Altai-Gebiet. Berlin, 1966).

просветителей. Примечательно, что Гамбург одновременно являлся и проводником общенемецкой литературной нормы, и центром пуризма (деятельность Ф. фон Цезена в сер. XVII в.).

Полудиалект столичного Берлина (Berlinisch), возникшего в первой половине XIII в. и бывшего метрополией Средней Марки, а с 1486 г. Бранденбурга и затем Пруссии, исторически утратил с XVI в. первичные признаки бранденбургского, в зоне которого он находился. Постепенное «оверхненемечивание» Берлина иллюстрирует наиболее ярко судьбу городских полудиалектов восточных земель. Современный берлинский «столичный» полудиалект уже является крупным средненемецким «полуостровом», вдающимся в бранденбургский, по ряду основных признаков совпадая с восточносредненемецкими говорами городов Верхней Саксонии.

Интересно, что нижненемецкая основа полудиалекта, расположенного южнее Берлина и значительно меньшего по населению Магдебурга и более мелких городов междуречья Эльбы и Одера, сохраняется дольше, чем в берлинском (до XIX в.), поскольку этот регион сохранял через промыслы и судоходство по Эльбе тесные связи с северно-немецкими территориями [Жирмунский, 1956, с. 570–573].

Классификация, данная А. Лаш, ограничивается, кроме всего прочего, диалектами, которые распространены на территории современной Германии до 1939 года (т. е. до начала Второй мировой войны). Она также рассматривает мекленбургский как часть севернонижнесаксонского, исходя из их близкого исторического родства. В то же время современная диалектология отказалась от включения прибалтийского варианта нижненемецкого в классификацию нижненемецких диалектов, поскольку в Прибалтике использовался нижнесаксонский вариант обиходно-разговорного языка. Нижненемецкие диалекты сельского типа в Прибалтике отсутствовали, так как в колонизации активно не участвовали крестьяне-переселенцы.

За более чем тысячелетнюю историю существования нижненемецкого границы и контуры области его распространения несколько раз претерпевали значительные изменения. Лишь в так называемых «старых землях» (Altlande), то есть в ареале распространения древненижненемецкого, это изменение было не очень значительным. В древнейший период диалектная граница на юге проходила приблизительно по линии фонетической изоглоссы *ich / ik*: Эссен – Вупперталь – горы Ротхар – Кассель – Айслебен – Мерзебург. На западе изоглосса единого окончания множественного числа презенса глагола отделяла древненижненемецкий от древненижнефранкского по линии Зютфен – Девентер – Зволле – Гронинген, где на севере саксы соседствовали с фризскими племенами. На севере языковая граница с датским языком проходила по реке Айдер в Гольштинии. На востоке граница проходила между древненижненемецким и диалектами западнославянских племен по линии Киль – Лауэнбург – далее вдоль Эльбы и Заале до Мерзебурга [Goossens, 1973, S. 31–32].

Колонизация восточных земель в XII–XIV веках привела к наиболее значительному (почти двукратному) расширению нижненемецкого языкового ареала, поскольку колонисты принесли с собой на новые обширные территории за Эльбой диалекты своих родных регионов, а местное население этих территорий переходит к 1400 году к использованию нового для них языка переселенцев. Если в колонизации земель к востоку от Эльбы и на южном побережье Балтийского моря принимали участие в основном крестьяне, то в более отдаленную Прибалтику переселенцы прибывали в первую очередь морским путем, и их основную массу составляли оседавшие в городах представители высших и средних слоев общества: военные, дворяне, чиновники и крупное купечество.

Нижненемецкая колонизация охватывает широкую полосу всего южного побережья Балтики. Ее южная граница проходит приблизительно по линии: Мерзебург – Франкфурт-на-Одере –

далее на территории современной Польши, постепенно сужаясь по направлению к Гданьску. На востоке Балтийского моря ареал нижненемецкого охватывал территории Немецкого (Тевтонского) ордена: Восточную Пруссию с Кенигсбергом (Калининград) и территорию современных Латвии и Эстонии с такими городскими центрами, как Рига, Ревель (Таллинн) и Дерпт (Тарту). На севере языковая граница за счет вытеснения датского медленно сдвигается к северу до линии Хузум – Шлезвиг, и эта тенденция сохраняется вплоть до конца XVIII века [Sprachgeschichte, S. 1211–1220].

С XIII века усилилась территориальная раздробленность немецкого Севера в самих «старых землях»²⁵. С распадом Лотарингии, с переделом старого Саксонского герцогства (с 1180 г.) и заэльбских территорий тут появляются владения духовных феодалов, графство Гольштинское, герцогства Бруншвейгское, Силезское и Померанское, княжество Мекленбургское, маркграфство Бранденбург, императорские пфальцы (области). Эти лоскутные государства раздирались взаимными претензиями Штауфенов, Вельфов, Веттинов, местных епископов. В дальнейшем в эту борьбу включаются имперские города Любек, Дортмунд, Гослар, Кельн, Немецкий орден, обостряются притязания имперских династий Люксембургов и Габсбургов.

Уже в XIV веке нижненемецкий начинает вытеснять фризский в Восточной Фрисландии, где на смену латыни как языка официальных документов приходит не местный фризский

---

²⁵ С XIV в. название «Саксония» уже не связано с исконной областью поселения саксов, обозначая возникшее в ходе восточной экспансии и на тюрингенских землях княжество, а с XV в. курфюршество, с 1806 г. королевство в средней Германии (столица Дрезден). В 1815 г. около половины территории королевства перешло к Пруссии, став основой провинции Саксония. Саксонскими (также верхнесаксонскими) стали обозначать часть восточносреднемецких диалектов – ареальную базу общенемецкого литературного языка. Этноним *Saxen* (*Sachsen*) в форме *Sassen* достаточно распространен как компонент в исконной топонимике севера ФРГ (*Sassenburg*, *Sassenberg* и др.).

язык, стагнирующий в устной форме, а средненижненемецкий региональный вариант письменно-литературного языка. Особую роль в этом процессе сыграл политический и экономический авторитет пограничного провинциального и позднее портового центра одноименной провинции – Гронингена (основан в XI в.). В XVI веке Фрисландия окончательно попадает под власть Нидерландов и родной язык в официальной сфере вытесняется нидерландским.

Но изменение границ области распространения нижненемецкого не повсеместно вело к их расширению. Уже в XIII–XIV веках в области впадения Заале в Эльбу среднениемецкий постепенно вытесняет исконный для этих территорий эльбско-остфальский диалект нижненемецкого. В 1520–1560 гг. происходит переселение горняков из Рудных гор в Гарц. Они приносят с собой свой среднениемецкий диалект, что приводит в итоге к образованию отмеченного выше среднениемецкого языкового эксклава на юге нижненемецкой области (Oberharz), границы которой заметно отступают на север.

К XVI веку политико-административная карта немецкого Севера достигает максимальной пестроты. С отделением Нидерландов от Германской империи (1581 г.) в этот конгломерат входили, если назвать только достаточно крупные образования, герцогства Мекленбургское, Люнебургское, Брауншвейгское, Померанское (распалось надвое в 1531 г.), Юлихское, Вестфальское, Бергское и Гольштинское, курфюршество Бранденбург, архиепископства Бременское, Кельнское и Магдебургское, епископства Мюнстерское, Падеборнское и Оснабрюкское, графства Липпе, Ольденбургское, владения городов и т. д.

Активным проводником верхненемецкого влияния, наметившегося в направлении Бранденбург – Щецин, стали могущественный торговый Лейпциг и Верхняя Саксония, а также выходцы с юга – бранденбургские Гогенцоллерны.

Однако наиболее значительное сокращение территории распространения нижненемецкого, особенно восточнонижнене-

мецкой диалектной зоны, было обусловлено возникновением и укреплением на севере Центральной Европы уже в новейшее время самостоятельных национальных государств с их четкими границами, установившимися в итоге двух мировых войн и поражений Германии. На территории современных Дании, Польши, Прибалтийских стран или Калининградской области СССР в XIX–XX веках нижненемецкие реликты практически вытеснены различными формами государственных языков, что было, в частности, связано с обратной миграцией и депортацией немецкого населения из части этих регионов в 1945–1946 гг.

Несколько иная ситуация традиционно наблюдается в пограничной области между Германией и Нидерландами, где никогда не существовало резкой языковой границы. Проведение здесь делимитации между немецкими и нидерландскими диалектами весьма условно, они скорее представляют собой буферную зону с плавным переходом между соответствующими идиомами. Однако в приграничных (в административном смысле) диалектах Нидерландов (провинции Гронинген, Оверэйссел, Гелдерланд, Лимбург, северный Брабант), которые исторически относятся к нижненемецким, в XX в. отмечается естественная тенденция к «выравниванию» нижефранкского под влиянием государственного нидерландского языка [de Smet, 1983, S. 731].

Географический субареал нижненемецкого, характеризующегося отличным от верхненемецкого языковым типом и большей монолитностью в сравнении со средне- и южнонемецкими субареалами, уже, по крайней мере, с раннесредневекового периода занимал около трети всего немецкого ареала [см. Приложение 4]. Хотя до начала активного проникновения языка верхненемецкого типа в северную Германию включение его в функциональную парадигму верхненемецкого языка не имеет достаточных оснований. Нижненемецкое влияние устойчиво обнаруживает, прежде всего, западносреднемецкая диалектная зона.

1.3. Периодизация истории нижненемецкого языка

С отмеченным изменением географических границ нижненемецкого до некоторой степени коррелирует периодизация его истории. Она следует традиционной трехчастной схеме, выделяющей в истории германских языков древний, средний и поздний (новый) периоды. Рассмотренная выше схема периодизации дописьменной истории нижненемецкого, предложенная Е.Р. Сквайрс, отражает переориентацию диалектов, образующих ареальную базу развития протонижненемецкого, с североморской общности на доминирующий внутриконтинентальный, т. е. верхненемецкий языковой тип [Сквайрс, 1997, с. 65].

Уже было отмечено, что многие лингвисты продолжают придерживаться термина «древнесаксонский» для обозначения нижненемецкого языка древнейшего периода. Однако этот термин, подчеркивающий древнее своеобразие и этнооснову данного языка, в работах, посвященных истории нижненемецкого, в основном уступил место более адекватному термину «древнижненемецкий», в котором одновременно отражены временная, пространственная и типологическая характеристики данного идиома. Соответственно были введены термины «среднижненемецкий» для среднего и «новнижненемецкий» для позднего периодов его истории²⁶. Г. Эггерс, тем не менее, подчеркивал: „Im Übrigen läuft, bei ständiger gegenseitiger Einwirkung, die historische Entwicklung des Hoch- und Niederdeutschen nicht so parallel, daß man eine gleichmäßige Periodisierung für beide vornehmen könnte“ (выделено нами. – Авт.) [Eggers, S. 77].

Древнижненемецкий период (Г. Эггерс называет его «старосаксонским» [Eggers, S. 78]) охватывает промежуток вре-

---

²⁶ Примечательно, что в вузовской традиции преподавания германистики памятники древнесаксонской литературы включены в курсы истории немецкого языка и литературы и приводятся в собраниях див. памятников, в хрестоматиях (раздел *Bibeldichtung*).

мени приблизительно с 800 по 1100–1150 годы. Наиболее значительные памятники этого периода, упомянутые поэтические «Heliand» («Спаситель») и «Genesis» (древнесаксонская Книга Бытия), представляют собой обработку евангельско-библейских сюжетов, созданы по поручению франкского двора анонимным ученым носителем (носителями?) нижненемецкого идиома в продолжение миссионерской деятельности и относятся к IX веку. Большая часть остальных памятников этого периода также имеет церковную тематику, что объясняется важной ролью монастырей в развитии письменности, но сохранилось также некоторое количество глосс и межстрочных переводов.

Установление границы древненижненемецкого периода весьма условно, так как период в полтора столетия, начиная приблизительно с 1050 года, по существу представляет собой «брешь» в истории нижненемецкого. Наряду с латинскими рукописями создаются почти исключительно верхненемецкие, поскольку очевидно, что нижненемецкий не мог соперничать с уже достаточно развитым языком придворной и монастырской культур немецкого юга, внедрявшегося вместе с адоптивной политикой саксонской династией германских королей (919–1024 гг.). Языковое превосходство юга вынуждает севернонемецких клириков и «литераторов» прибегать к его помощи, не в последнюю очередь для того, чтобы быть понятыми большим числом читателей. Языковые черты малых памятников этого периода являются зачастую более консервативными, чем в эстетически весомых «Хелианде» или «Генезисе», которые с очевидностью подверглись влиянию франкских образцов (в частности, евангелия Татиана). Оба памятника обнаруживают следы верхненемецкого, частично и древнеанглийского воздействия. К более мелким памятникам относятся формулы благословения, церковные грамоты, податные списки.

Средненижненемецкий период большинство исследователей разделяет на три этапа: ранний, классический и позд-

ний. Их временные рамки могут варьироваться в пределах 20–30 лет. Наиболее широко распространена периодизация, предложенная Р. Петерсом [Goossens, 1973, с. 72–82].

Ранний средненижненемецкий (1200–1370 гг.) характеризуется параллельным сосуществованием письменных традиций на различных территориальных диалектах и расширением нижненемецкого языкового пространства на восток. Значительными памятниками представлен остфальский диалектный ареал: известный юридический кодекс «Саксонское зеркало» (Sachsenspiegel) и „Sächsische Weltchronik“ Айке фон Репгова (1221–1224 гг.), а также старейший немецкоязычный кодекс городского права основанного в XI веке города Брауншвейга “Jus Ottonianum” (1227 г.), повлиявший на язык любекского права (1265 г.). В числе представителей рыцарской поэзии был ряд уроженцев северной Германии, которые, однако, пользовались в своих стихах свн. узусом (Альбрехт Гальберштадский, Эльхарт фон Оберт и др.). Г. Эггерс убежден в том, что „in der Schaffung einer Schriftsprache war Niederdeutschland den hochdeutschen Gebiet weit voraus“ [Eggers, S. 78].

Классический средненижненемецкий (1370–1530 гг.) начинается с окончательным переходом городской канцелярии Любека, стоявшего во главе могущественного Ганзейского торгового союза городов (Hanse), оформившегося в XIV в. (зафиксировано в наименованиях *düdesche hense* в Любеке в 1358 г. и *Hansesstadt*), к составлению документов на нижненемецком языке. В любекской канцелярии нижненемецкий подвергается определенному нормированию (так называемый *lübisch*), причем формирующаяся «норма» с вестфальскими элементами находит некоторое распространение и в устном употреблении. Как язык Ганзейского союза, в который во время расцвета входило до 100 городов, нижненемецкий приобретает статус *lingua franca* по всему региону Северного

и Балтийского морей (Hansesprache), даже в Брюгге, в Генте и в Швеции.

Понятие «нижненемецкий язык Ганзы», впервые предложенное В. Митцкой и развитое В. Зандерсом, учитывает ключевую роль Ганзейского союза в истории нижненемецкого языка. Укреплению средненижненемецкого письменного идиома способствовала практика заимствования городского права при основании новых городов, при вступлении в торговый Ганзейский союз или в судебных спорах (наиболее авторитетным были правовые статуты Зеста, Дортмунда, Любека и Магдебурга) [Polenz, S. 68]. В 1419 г. основывается университет в Ростоке.

В классический период создается не только деловая письменность, но и обширная литература различных жанров. Например, наиболее значительными памятниками художественной литературы европейского масштаба этого периода являются бюргерская и зооморфная сатиры “Till Ulenspiegel” (1509 г.) и “Reinke de Vos” (напечатана в Любеке в 1498 г., до 1662 г. выдержала 14 изданий). Животный эпос о Рейнеке Лисе, распространившийся в Нижней Саксонии в нидерландском варианте – острая сатира на князей, духовенство, феодальное законодательство. Предполагается, что в конце XV в. была впервые напечатана на нижненемецком народная книга о Тиле Уленшпигеле (первое дошедшее до нас издание – верхненемецкое, увидевшее свет в 1515 г.). Средненижненемецкий письменнo-литературный вариант превосходил в эпоху позднего Средневековья по своему влиянию все аналогичные идиомы.

Но одновременно намечается и ослабление позиций нижненемецкого в колонизаторской практике Немецкого (Тевтонского) ордена, потерпевшего в 1410 г. поражение от польского короля и утратившего самостоятельность в 1466 г. По мнению П. фон Поленца, благодаря происхождению значительной части орденового рыцарства и крестьян-поселенцев из средне-

верхненемецких регионов статус нижненемецкого в Восточной Пруссии (особенно в юго-западном субареале) был изначально подорван [Polenz, S. 68]. Его влиянию устойчиво сопротивлялись крупные нидерландские торговые города.

Поздний средненижненемецкий (1530–1650 гг.) постепенно утрачивает статус письменного языка и сохраняет свою значимость лишь в качестве языка повседневного общения, т. е. в форме местного диалекта, хотя формально Ганза заканчивает свое существование только в 1669 году. Тем не менее, Т. Фрингс отмечал: «Не будь Ганзы, языковые волны, хлынувшие с юга, захлестнули бы всю северную Германию еще до 1500 года» [НД, с. 187]. Нижненемецкий поначалу еще сохраняет свои позиции как язык листовок и клерикальной литературы эпохи ранней Реформации. Но с 1530-х гг. рецепция лютеровской Библии наносит ему непоправимый урон, как и приток в северную Германию проповедников и чиновников с юга. После 1600 года местный идиом в жанре художественной литературы встречается лишь периферийно, вкраплениями в комических интерлюдиях барочной драмы и в небольших стихах, посвященных какому-либо событию (*Gelegenheitsdichtungen*).

В *новонижненемецкий* период (после 1650 г.) нижненемецкий продолжает свое существование практически только на нижних уровнях функциональной парадигмы, т. е. в виде местных диалектов и обиходно-разговорного языка. Как собирательное понятие для обозначения совокупности нижненемецких диалектов начиная с XVIII века широко используется упомянутое *Plattdeutsch*, или *Platt*, нередко с уничижительным оттенком [Sanders, 1985, S. 26–27].

Но именно на базе местных диалектов, а не единой литературной нормы, которая так до конца и не сложилась, возникает новая диалектная литература национального масштаба XIX–XX веков, представленная такими значительными именами, как упомянутый Фриц Ройтер (писал на мекленбургском

диалекте), Клаус Грот (пользовался западно-голландским диалектом)²⁷, Горьх Фок, Иоганн Генрих Фосс и др.

Верхний уровень функциональной парадигмы постепенно занимает литературный язык верхненемецкого типа, в связи с чем возникает ситуация, когда в систему диалектов одного языка входят диалекты структурно и генетически отличного от него идиома.

Иными словами, история нижненемецкого языка представляет собой своего рода кривую, которая достигает высшей точки в средненижненемецкий период, а точнее в эпоху классического средненижненемецкого (1370–1530 гг.). Во многих отношениях этот период в истории нижненемецкого языка связан с торговой гегемонией и политической деятельностью Ганзейского союза, объединявшего первоначально купцов (с середины XII в.), а затем многочисленные города (не только немецкие), в первую очередь на севере центральной Европы. Так, Ф. Доллингер отмечает прямую связь между возвышением и упадком торгового союза Ганзы и нижненемецкого языка: *“Es ist merkwürdig, wie die Größe und der Niedergang der Hanse sich genau in der Ausbreitung und im Verfall des Niederdeutschen spiegeln”* [Dollinger, S. 344].

В средний период у нижненемецкого были все предпосылки развиваться в будущем в нормированный литературный язык со статусом, аналогичным тому, какой имеют сегодня общенемецкий или нидерландский литературные языки, а также как язык международного общения в значительной части Европы. У Кригесманн предлагает для этого потенцированного идиома термин *“tendenzielle Schriftsprache”* [Kriegesmann, S. 68], т. е. язык, развивающийся в сторону получения статуса письменно-литературного. Он проявлял в различной степени все дифференциальные признаки литературного языка: полифункциональность, обработан-

²⁷ Также известен как мастер диалектного поэтического языка, сторонник возрождения нижненемецкой литературной нормы (Briefe über Hochdeutsch und Niederdeutsch, 1858), дискутировавший с Ф. Ройтером, которого считал «дискредитирующим» нижненемецкий язык односторонней приверженностью к шванку и грубой сатире.

ность, тенденцию к регламентации, гомогенность, наддиалектность [Гухман, Семенюк, с. 5; Сквайрс, 1997, с. 6]. Однако целый ряд причин, в основном лежащих за рамками языковой системы, а именно так или иначе связанных с упадком Ганзейского союза, привел к вытеснению нижненемецкого верхненемецким языком во всех стратах, кроме разговорно-диалектного.

При всех структурных языковых различиях уже в древне-нижненемецкий период, как отмечалось, носители нижненемецкого отождествляли себя с немецким этносом, считали себя такой же его частью, как, например, швабы, баварцы, тюринги или франки. Существенные социально-политические изменения, произошедшие в связи с окончательным включением Саксонского герцогства в Римскую империю германской нации (X в.), определили тенденцию развития немецкого севера на столетия вперед.

Нижненемецкий, возникающий внутри древней западногерманской языковой общности на отличной от верхненемецкого ареальной основе, начиная с XVI в. постепенно утрачивал статус потенциального полифункционального литературного языка вследствие конкурентной борьбы в полицентричной ситуации сложения общенемецкого национального языка²⁸. П. фон Поленц называет три лингвокультурные доминанты, обусловившие хронологически последовательно вытеснение нижненемецкого: вытеснение народно-правовой традиции (фиксируемой на местном идиоме) рецепцией римского права, падение Ганзы и Реформацию [Polenz, S. 85].

Сохраняющие исконные типологические отличия нижненемецкие диалекты с этого времени включаются («изгоняются») в связи с доминированием немецкого литературного стандарта верхненемецкого типа во всех сферах общественной коммуни-

²⁸ Типологически можно сравнить данную ситуацию в современном германском языковом ареале с судьбой люксембургского языка (Lëtzebuergesch) и швейцарско-немецкого национального диалекта (Schwytzerdütsch) как потенцированных национально-литературных идиомов, зафиксированных уже в XX веке.

кации в диалектный страт функциональной парадигмы общенемецкого языка. Свою роль в «эксклавировании» нижненемецкого косвенно сыграло и оформление к XVII веку нидерландского национального языка.

1.4. Специфика и доминанты нижненемецко-верхне- немецкого взаимодействия

Максимальный расцвет нижненемецкого языка приходится, по мнению большинства исследователей, на XV век, характеризуемый в истории как начало Нового времени [Foerste, 1952, S. 1934–1938; Moser, S. 965; Бах и др.]. К этому периоду в системе нижненемецкого языка представлены все подсистемы (страты) функциональной парадигмы, традиционно выделяемые для развитых национальных языков: территориальные (сельские и городские) диалекты, обиходно-разговорный язык и литературный язык «любекского образца», отличающийся определенной степенью нормированности.

Система нижненемецкого языка в классический период представляет собой совокупность следующих частных подсистем: территориальные диалекты, обиходно-разговорный язык и нижненемецкий вариант письменно-литературного языка. Каждый из этих языковых стратов характеризовался определенными особенностями функционирования.

а) *Территориальные диалекты* в этот период представлены диалектами «старых» земель и развившимися на основе их смешения и сглаживания особенно резких различий между ними колониальными (восточными) диалектами. Локальные диалекты, иногда различающиеся даже в пределах небольших областей, остаются основным средством общения для населения сельской местности вплоть до XIX–XX веков. На их основе в княжеских и в городских канцеляриях формируются территориальные письменные идиомы. На большей части территории

влияния Ганзы функции письменного языка в классический период выполнял средненижне немецкий язык. Тем не менее, в периферийных областях в качестве письменного языка также использовались: вестфальский и отчасти рипуарский в Кельнском регионе, восточноредне немецкий в Пруссии и в Бранденбурге [Hartweg, Wegera, S. 29]. Вестфалия и Бранденбург в целом были затронуты процессами языковой унификации лишь в незначительной мере.

В XIV–XV веках с бурным развитием городов на основе сельских диалектов группы горожан различного происхождения и социолектов начинают формироваться городские койне.

б) Существование и распространение средненижне немецкого *обиходно-разговорного языка* до сих пор является предметом научной дискуссии, поскольку нет каких-либо прямых свидетельств существования этого страта в средненижне немецкий период. У. Кригесманн дает обзор точек зрения различных исследователей по этому вопросу [Kriegesmann, S. 70–71]. Крайними можно считать точки зрения Р. Петерса, который полагает, что разговорный язык на нижне немецкой основе использовался лишь тонкой социальной прослойкой крупного купечества, городского патрициата и в какой-то степени ремесленников, и В. Мицки, утверждавшего, что наддиалектный письменно-литературный язык широко использовался всеми слоями населения в качестве средства повседневного устного общения. Первая точка зрения подкрепляется в значительной степени тем, что после вытеснения нижне немецкого из сферы письменной коммуникации функцию разговорного языка выполняют местные диалекты. На территории северной Германии вновь формируется региональный обиходно-разговорный язык уже на основе верхне немецкого языка. Так как освоение этого идиома для местного населения было в целом эквивалентно «изучению» иностранного языка, с достижением достаточного уровня компетенции число локально окрашенных элементов в речи сокращалось по сравнению с регионами, где

общенемецкий литературный язык исконно соседствовал с диалектами верхненемецкого типа.

в) Средненижненемецкий вариант письменно-литературного языка возник как следствие тенденции к унификации и преодолению диалектных различий. Катализатором возникновения нормализаторских тенденций стала деятельность Ганзы. Исследователи отмечают в качестве основных сфер употребления этого идиома торговлю, право, литературу, дипломатию [LGL, Elst, S. 121; Филичева, с. 120]. Тем не менее, очевидно, что носителями данной формы языка были люди образованные и, в основном, принадлежащие к высшим слоям городского коммуникативного сообщества, что опровергает утверждения о функционировании этой формы существования средненижненемецкого в качестве разговорного языка широких слоев населения, в том числе сельского.

П. фон Поленц так характеризует этот «невыгодный» для последующей конкуренции с верхненемецким языком отрыв: „...ein sprachliches Hinterland hatte der weiträumigen städtebündischen Geschäftssprache von vornhinein gefehlt. Gerade dieser große Unterschied zwischen Stadt und Land wie der zwischen Schreiben und Sprechen, hat viel dazu beigetragen, daß sich die hd. Schriftsprache im Gefolge der Reformation so schnell diesen weiten Raum erobern konnte“ [Polenz, S. 69].

В средненижненемецкий период происходит расширение сфер употребления письменно-литературного языка²⁹. Письменным языком и языком науки зрелого Средневековья в Германии, в первую очередь, была латынь, однако уже в XIII веке верхненемецкие и нидерландские канцелярии постепенно переходят к составлению документов на местном языке. Нижне-немецкий регион следует за ними с некоторым отставанием.

---

²⁹ В зарубежной социолингвистике широко используется термин «*домен*» для обозначения ряда ситуаций взаимодействия, сгруппированных вокруг одной сферы жизненного опыта и связанных общим комплексом целей и обязанностей [Soziolinguistik, S. 170].

Первыми, уже в конце XIII века, к составлению документов на нижненемецком переходят местные княжеские канцелярии. Усиление территориальной феодальной власти должно было иметь опору в виде языка, доступного исполнителям и подданным, на котором составлялись документы. Кроме того, мелкие феодалы традиционно недостаточно хорошо владели латынью. Городские канцелярии отказываются от использования латинского языка уже в XIV веке, поскольку для обширной корреспонденции и эффективного делопроизводства городских центров было необходимо не ограниченное диалектными различиями в употреблении средство письменной коммуникации. Таким средством стал, в значительной мере, средненижненемецкий язык Ганзы, достигший к XIV веку высокой степени единообразия.

Кроме латинского функцию письменного языка на севере Германии выполнял и верхненемецкий идиом. В. Зандерс отмечает, что верхне- и нижненемецкий состоят в отношении взаимодополнения, образуя три оппозиции: а) *жанровую*: язык художественной литературы – деловой язык прагматической направленности (*Gebrauchsschrifttum*); б) *формально-эстетическую*: поэзия – проза; в) *социокультурную*: язык рыцарства – язык бюргерства [*Sprachgeschichte*, S. 996].

На местном языке составляются правовые кодексы, реестры и исторические, прежде всего городские, хроники. Нижненемецкий расширяет свое влияние в сферах, оставленных незанятыми верхненемецким. Если последний по-прежнему доминирует в придворной рыцарской поэзии, то нижненемецкий становится языком деловой корреспонденции, административного делопроизводства, исторической и религиозно-наставительной прозы, а значит не литературным (в прямом смысле), а утилитарным. Между ниже- и верхненемецким в сфере письменного языка устанавливаются отношения функционального двуязычия. Очевидно, что в данном случае имела место ситуация диглоссии, как ее понимает

Б. Вейсгербер: *“Unter Diglossie versteht man die Spannung zwischen zwei Sprachen bzw. Varietäten von denen die eine als High-Varietät (H-Varietät) die andere als Low-Varietät (L-Varietät) fungiert»* [Контактлингвистик, S. 266]. Роль престижной языковой формы (H-Varietät) выполнял верхненемецкий язык.

По мнению П. фон Поленца, именно северно-немецкое дворянство достаточно рано определило социо-функциональный выбор в пользу верхненемецкого языка, отказавшись от идей территориально-политического обособления от империи, особенно на колонизованных землях (ранний переход на верхненемецкую письменность княжеских канцелярий, например, Ангальта, Бранденбурга) [Polenz, S. 69].

С конца XV в. «языковое лидерство» в нижненемецком ареале постепенно переходит от канцелярий к типографиям [см. Приложение 5]. Поначалу число нижненемецких изданий растет приблизительно пропорционально числу верхненемецких. Однако выдержать конкуренцию восточносредненемецкого, в XVI в. проложившего себе дорогу в южно- и западнонемецкие типографии, нижненемецкий не может, и в итоге после 1620 года происходит резкое падение числа нижненемецких печатных изданий [Gabrielsson, 1983, S. 136]. В северной Германии действовал целый ряд типографий, печатавших как на местном нижненемецком языке, так и для читателей других регионов Германии на верхненемецком. Книгоиздательское дело в эту эпоху особенно чутко реагировало на спрос, поскольку книги стоили очень дорого. Поэтому перевес в количестве нижненемецких изданий в некоторых городах на севере Германии сохраняется вплоть до последних десятилетий XVI в., например, в Гамбурге число верхненемецких изданий лишь в 1590-е гг. превосходит число нижненемецких [Gernentz, 19806, S. 318].

Литературная норма была далека от устного диалектного употребления. Она во многом основывалась на архаичных и этимологизированных формах, в отличие от фонетического написания раннего этапа средненижненемецкого. Так, характерное для

нее единое окончание множественного числа презенса **-en** не встречается в нижненемецких диалектах и является, вероятно, компромиссом между нижненемецкой и нидерландской формой. Консерватизм любекской нормы проявляется и в отказе от графического обозначения умлаута гласных /**o**/ и /**u**/.

Для данной работы основным является определение характера существовавшего в разные эпохи взаимодействия рассматриваемых языков. В лингвистике для взаимодействия между языками широко используется термин «языковые контакты», т. е. «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [ЛЭС, с. 237]. Такого рода контакты возникают благодаря длительному общению между носителями контактирующих языков, в котором используются оба (или несколько в ситуации многоязычия) идиомы, и, в основном, ведут к возникновению в определенном социуме ситуации активного или, по крайней мере, пассивного двуязычия (многоязычия). В данном исследовании используется также термин «контактное взаимодействие», подчеркивающий двустороннюю направленность влияния идиомов в ситуации языковых контактов между ниже- и верхненемецким.

Сфера влияния Ганзы включала не только собственно нижненемецкий ареал, но и все побережье Балтийского и Северного морей. Условно крайними точками, обозначающими пределы распространения торговой деятельности Ганзы, считаются ганзейские конторы в Лондоне (Stalhof), Великом Новгороде (Petershof), Бергене (Tyskebrugge) и фламандском Брюгге. На основе этого можно определить, с какими языками контактировал нижненемецкий в пору его наибольшего распространения (особенно в плане лексики). Это:

а) *нидерландский*. Языковые контакты существовали, во-первых, на уровне диалекта. Колонисты-нидерландцы из крупных провинций – Голландии и Фландрии – принесли в новые земли свои диалекты, в связи с чем лексика и ономастика, например, в бранденбургском ареале сохраняет многочисленные

нидерландские вкрапления [HNSL, S. 731–732]. Во-вторых, как язык развитой культуры нидерландский стал источником заимствований и своеобразным проводником романской лексики в нижненемецкий [Goossens, 1973, S. 109–110; HNSL, S. 732–742]. Сюда можно отнести ряд терминов морского дела и торговли, которые вошли в обиход благодаря постоянным контактам Ганзы с нидерландскими купцами и моряками.

б) *Фризский*. Судьба фризского в ареале распространения нижненемецкого во многом напоминает в миниатюре судьбу самого нижненемецкого³⁰. В восточной Фрисландии в письменной сфере уже в XIV веке на смену латыни сразу приходит нижненемецкий. Постепенно фризский был вытеснен и в устном употреблении³¹. Тем не менее, победивший в конкурентной борьбе нижненемецкий также отмечен рядом фризских черт, прежде всего в лексике. Аналогичная ситуация наблюдается и в северной Фрисландии, где местные диалекты, которые раньше занимали значительную часть Шлезвига, вытеснены на узкую полосу побережья. В целом фризские диалекты в процессе языкового взаимодействия были пассивны и сами находились под влиянием нижненемецкого [HNSL, S. 762–780].

в) *Скандинавские языки* подверглись самому значительному воздействию со стороны нижненемецкого. Э. Хауген указывает, что в определенный период существовала даже угроза вытеснения скандинавских языков нижненемецким [Haugen, S. 77]. Например, первые представители Ольденбургской династии, правившей в Дании с 1448 г., и в частности датский король Кристиан III, общались по-нижненемецки. Процент лексических заимствований в датский, норвежский и шведский языки (особенно ремесленной, административной и торговой лексики) по оценкам разных ученых варьируется и может достигать до 75 % от всего лексического состава [Sprachgeschichte,

³⁰ См. подробнее: Жлуктенко Ю. А., Двухжилов А. В. Фризский язык. Киев, 1984.

³¹ В настоящее время в ФРГ лишь три деревни в Нижней Саксонии устойчиво сохраняют исконный восточнофризский говор.

S. 1236]. По некоторым подсчетам основной словарный фонд датского языка на 30 % состоит из нижненемецких заимствований. Скандинавские языки (шведский) были посредниками при проникновении нижненемецких заимствований в финский язык. Нижненемецкий «след» отмечен даже в дистантном исландском языке.

В то же время ганзейская торговля (центры в Бергене, Весбю и др.) в скандинавском регионе стала причиной немногочисленных заимствований в нижненемецкий из скандинавских языков.

г) *Славянские языки* (особенно западославянские зоны балтийского Приморья, попавшие в зону восточной колонизации польский, лужицкий, полабские диалекты лютичей и др.) долгое время находились в условиях постоянного контакта с нижненемецким, благодаря чему лексическая система нижненемецкого обогатилась рядом славянских заимствований. В частности, интенсивная торговля с Русью через посредничество конторы в Великом Новгороде привела к заимствованию и отдельных русских слов в нижненемецкий, причем некоторые из них были включены позднее в словарный фонд общенемецкого языка.

Стремительный взлет делового нижненемецкого языка практически до языка межнационального общения севера Европы заканчивается в начале XVI века. Данное положение отнюдь не является парадоксальным, если принять во внимание социальные функции этой достигшей широкого распространения любекской нормы средненижненемецкого. Если учитывать социальную структуру того времени, оказывается, что носителями этого нормированного языка была весьма тонкая прослойка населения: купечество, городские чиновники разных рангов, канцеляристы. Их число даже в ганзейских городах было невелико (исследователи указывают, что в конце XIV – начале XV века купцы составляли в Любеке 15,4 % населения [Никулина, с. 9]), не говоря уже о сельских местностях, где на-

селение продолжало использовать в повседневном общении местный диалект. Этот факт свидетельствует в пользу того, что нормированный средненижненемецкий был широко распространенным языком письменного междиалектного (а за пределами Германии и межъязыкового) общения, но не был языком разговорным. Как только верхненемецкий на волне языковой моды захватил его традиционные домены, нижненемецкому осталась лишь сфера повседневного общения на диалекте.

В качестве основных причин упадка нижненемецкого языка исследователи выделяют экстралингвистические в их совокупности [Gabrielsson, 1983, S. 120–125]: резкое изменение геополитической и экономической ситуации в регионе, утрата былого могущества городов и усиление новой аристократии, реформация церкви.

Надрегиональный Ганзейский союз был уникальным и жизненно важным институтом для сохранения нижненемецкого языка. Поэтому усиление на севере Европы национальных государств, которые берут под свой контроль торговые и политические отношения в регионе, отражаются и на языке, причем самым непосредственным образом. Так, распоряжением Ивана III в 1494 году была закрыта новгородская контора, Эдуард VI отменяет через полвека ганзейские привилегии в Англии в пользу английских торговых компаний. Дело доходило до военных столкновений Любека с окрепшими Данией и Швецией, которые благоприятствовали высококонкурентной голландской торговле в балтийском регионе.

Ослаблению позиций Ганзы способствуют и внутренние противоречия, и преследование входящими в нее городами собственных интересов. Так, прусские города были заинтересованы в торговле с голландскими конкурентами Ганзы. Остфальские города переориентировались на торговые отношения с другими немецкими регионами, особенно такими крупными внутренними центрами, как Лейпциг и Нюрнберг.

Реформированная Лютером церковь, активные протестантские движения севера континентальной Европы (менониты и др.) особенно поначалу стремились обращаться к пастве на понятном, местном языке, что оказало существенное влияние, в частности, на преимущественное использование нижненемецкого при издании молитвенников, в проповеди [Gernentz 1976, S. 120]. Известно, что, например, перевод Библии Лютера на нижненемецкий, сделанный его другом Иоганном Бугенхагеном, вышел в свет в печати на полгода раньше своего верхненемецкого оригинала, но был, по общепринятому мнению, всего лишь хорошо выполненным подстрочником, в котором не были учтены все особенности языка перевода [Schmidt, S. 108]. Лишь более глубокий анализ использования И. Бугенхагеном языковых средств показывает его самостоятельность и приверженность цели достичь как можно большего числа читателей [Schroder, S. 73–74].

Совершенно естественно, что Реформация не в последнюю очередь получила широкую поддержку у населения северной Германии благодаря использованию в церковных книгах и проповеди родного языка. Однако поскольку большинство протестантских священников-лютеран обучались в верхненемецких университетах (особенно популярны были Виттенбергский и Лейпцигский университеты), то и здесь в XVII веке происходит переход к верхненемецкому, хотя и с большим опозданием по сравнению с другими социальными институтами (последняя нижненемецкая Библия издана в 1621 г. в Госларе) [Sodmann, S. 124–125].

Ограниченность сфер употребления нормированного нижненемецкого языка стала, в конечном счете, причиной того, что после бурного расцвета в 1350–1500 гг. уже к началу XVII века письменная нижненемецкая традиция вновь обрывается, а нижненемецкий перестает существовать как литературный идиом. Например, в северонемецкой драме конца XVI – начала

XVII вв. нижненемецкий используется только для речевой характеристики социально «низких», комических персонажей.

Одновременно верхненемецкий резко усиливает свои позиции, в частности в местной школе. Если в начале рассматриваемого периода он представляет собой в своей литературной форме язык куртуазной рыцарской литературы, то в XIV–XV веках на его основе развиваются региональные литературные языки (*die landschaftlichen Literatursprachen*), такие как, например, ведущие *Das gemeine Deutsch* в баваро-австрийском языковом ареале и *Ostmitteledeutsch* (восточносредненемецкий) в регионах Саксонии, Тюрингии, Богемии и Моравии. Особенно последнему как языку Саксонской княжеской канцелярии, так называемому *Meißnisch* (т. е. мейсенскому), была уготована «роковая» для нижненемецкого роль, так как он становится престижной формой языка на всех уровнях.

Вновь первыми к использованию верхненемецкого переходят княжеские канцелярии северной Германии в переписке с родственными южнонемецкими династиями. При княжеских дворах появляется множество высокопоставленных чиновников с юга, которые не владели местным языком и, соответственно, привлекали себе в помощники своих земляков. Стало считаться невежеством употребление нижненемецкого при дворе. Многие князья уже не могли напрямую, без переводчика, общаться со своими подданными, тем более что иногда они сами были родом из Центральной или Южной Германии.

Экономическая стагнация в регионе, кризис и распад Ганзейского союза привели к резкому сужению сферы использования нижненемецкого. Становление сильных и самостоятельных скандинавских государств и мощная конкуренция со стороны соседней Голландии привела к упадку Ганзы, а с ней и многих ранее процветавших городов. Нормированный нижненемецкий язык торговли и дипломатии угасал вместе с таковыми. В свою очередь всеобщее усиление княжеского абсолютизма, ориентированного на верхненемецкий «мейсенского» образца,

переход в XVI–XVII вв. городских канцелярий, церкви, книгопечатания к письменному (и отчасти устному) использованию этой языковой формы породили тенденцию к исключительному использованию верхненемецкого во всех сферах. Распространение (экспансия) верхненемецкого письменно-литературного языка в официальных сферах происходило с юго-востока (района Лейпцига – Мейсена – Дрездена) с постепенным движением на север и северо-восток в период приблизительно с 1550 г. (Берлин и Бранденбург) по 1700 г. (Шлезвиг, Восточная Фрисландия) (см. Приложение 6) [Gabrielsson, 1983, S. 149].

Как отмечалось, системы нижненемецкого и верхненемецкого языков изначально характеризуются некоторыми структурными различиями на всех уровнях языковой системы: в фонетике, грамматике, словаре. Такие языки, между носителями которых взаимопонимание затруднено, а в большинстве случаев невозможно, Х. Клосс называет *Abstandssprachen* (т. е. языки, между которыми существует граница на основании внутренних структурных характеристик) [Kloss, S. 25]. Нижненемецкий и верхненемецкий являются согласно его концепции именно такими языками. Еще А. Мейе указывал на то, что иранские и индийские языки «... отличаются не более чем, например, верхненемецкий язык от нижненемецкого» [цит. по: Зеленецкий, т. 1, с. 4].

Данное мнение не подвергается сомнению, когда рассматриваются ранний и средний периоды истории нижненемецкого языка. В новонижненемецкий период (не позднее XVII в.) роль письменно-литературного языка на немецком севере переходит к языку верхненемецкого типа. Х. Клосс определяет нижненемецкий в такой контактной ситуации как „*scheindialektisierte Abstandssprache*“ – язык, который воспринимается как диалект другого, поскольку тот исполняет роль письменно-литературного языка в данном ареале, т. е. на основании критерия функционального доминирования, «кровли» (*Überdachung*).

Для рассматриваемой ситуации языкового контакта можно выделить следующие уровни устойчивого взаимодействия.

Во-первых, это длительное взаимодействие между ниже- и средненемецкими диалектами в зонах их пограничного контакта, причем, судя по уже упоминавшемуся переходу отдельных исконно нижненемецких районов к средненемецкому ареалу, роль последнего была активной, экспансивной, «дающей». Тем не менее, роль нижненемецкого не обязательно была исключительно пассивной, к тому же контактирующие с ним диалекты не были абсолютно чужды ему типологически (например, не в полном объеме провели второе передвижение согласных). Следовательно, мы можем предположить возможность лексических инфильтраций (проникновений) на данном уровне. Как указывает В.В. Мартынов³², «проникновение предполагает в качестве необходимого и достаточного условия территориальную смежность и пограничное двуязычие» [Мартынов, с. 23–24].

Во-вторых, взаимодействие могло происходить между экспандирующим восточносредненемецким «мейсенского» образца (позднее – нормированным общенемецким литературным языком) и местными нижненемецкими диалектами. В. Беш приводит многочисленные примеры того, что это взаимодействие носило исключительно сложный, подчас «драматический» характер [Besch, 1973, S. 335–342]. Начиная с XVI века, когда восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка начинает вытеснять свой нижненемецкий аналог, и вплоть до второй половины XIX века длится упорная борьба нижненемецких диалектов за выживание. Использование нижненемецкого языка становится социально дискриминирующим признаком. В политике, образовании и церкви раздаются голоса сторонников насильственного искоренения все еще широко распространенных среди простонародья местных диалектов.

---

³² Эта концепция разработана на материале исследования древнейшего славяно-германского взаимодействия.

В общественной жизни владение верхненемецким становится просто необходимым, что заставляет местное население осваивать его практически как иностранный язык.

Как следствие этого процесса возникает смешанный идиом – *Missingsch (Meißenisch)*, сочетающий в себе черты как верхне- (в большей степени), так и нижненемецкого. Его иногда оценивают как следствие неполного освоения нормы, как «ломаный язык». Он изобилует примерами интерференции, гиперкорректными и просто неправильными формами (отсюда его бытовое обозначение – «латунный»), вызванными недостаточной коммуникативной компетенцией говорящего/пишущего [Kettner, S. 110; Lüdtke, S. 24]. Вполне вероятным представляется проникновение определенного количества заимствованных элементов и этим путем.

В-третьих, вместе с постепенным захватом общенемецким литературным языком все новых сфер общения, ранее закрепленных за местным диалектом, на его основе с XVI–XVII вв. формируется северно-немецкий региональный обиходно-разговорный язык (*großlandschaftliche Umgangssprache*). Он занимает среднее положение между литературным языком и диалектами, представляя собой следующий за *Missingsch* уровень формирования языковой компетенции в немецком литературном языке у носителей нижненемецких диалектов. Обиходно-разговорный язык включил значительное количество диалектных элементов, не вошедших в литературный стандарт. Основным способом обогащения лексического состава немецкого литературного языка при этом виде взаимодействия является лексическое проникновение.

Для языковой ситуации в ареале распространения нижненемецкого можно установить следующую тенденцию развития. На начальном этапе верхненемецким владели лишь очень немногие представители высших, образованных слоев общества. Позднее число людей, владеющих верхненемецким, росло за счет увеличения социальной прослойки образованных, напри-

мер представителей интеллектуальных профессий, купцов или студентов. Но подавляющее большинство населения Северной Германии жило в сельской местности и активно не сталкивалось с завоевывающим все больший престиж верхненемецким языком.

Лишь в результате взаимодействия ряда уже рассмотренных выше причин экстралингвистического характера нижненемецкий вариант письменно-литературного языка к XVII в. окончательно уступает свои позиции письменного языка верхненемецкому. Поскольку письменная коммуникация благодаря книгопечатанию приобретает все большее значение в жизни общества, расширяется и сфера функционирования чужого языка. Он становится языком науки, церкви, школы, права, периодических изданий и необходимо затрагивает в той или иной мере все больший процент населения. Тот факт, что взаимопонимание носителей двух рассматриваемых языков весьма затруднено или невозможно из-за языковых различий, приводит к превращению нижненемецкого в показатель социальной ущербности говорящего на нем. В XVII в. у Plattdeutsch, Platt и его производных появляется значение «низкий, примитивный, простонародный», известное также в нидерландском. Отсюда становится понятным стремление к овладению верхненемецким, которое открывало путь к повышению социального статуса.

Таким образом, взаимодействие двух рассматриваемых идиомов в ареале распространения нижненемецкого происходило в ситуации диглоссии с тенденцией ее развития из *пассивной* (владение верхненемецким на уровне иностранного) в *активную* (свободное владение обоими идиомами с их варьированием в зависимости от коммуникативного домена) при доминирующей роли восточносредненемецкого. Двуязычие охватывало все более широкие массы населения и вело как к образованию смешанных кодов (Missingsch), так и к заимствованию с той и с другой стороны.

Необходимость переключения между кодами, особенно при недостаточной языковой компетенции, вынужденно приводит к заимствованию элементов из одного кода в другой. Такие заимствованные элементы (*Lehnelemente*) вводятся в код, „...*um deren* [языка] *Referenzpotential zu erweitern, sie werden als Teil des Systems / Lexikons von Language behandelt auch wenn deren fremder Ursprung noch transparent ist*“ [Lüdi, S. 242]. Иными словами, заимствование служит для того, чтобы компенсировать дефицит средств выражения, например, отсутствующих в одном из идиомов реалий. На это же указывает В.В. Мартынов: «Заимствование предполагает в качестве необходимого условия культурное влияние и экспорт-импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни)» [Мартынов, с. 23]. В условиях становления немецкого литературного языка, распространявшего свое влияние на всю территорию Германии, необходимо возникал именно такой дефицит средств выражения.

Общепризнанно, что верхненемецкому языку в создавшейся ситуации диглоссии отводилась активная роль. Именно расширение сфер его употребления было причиной превращения ситуации пассивной в ситуацию активной диглоссии с тенденцией к полному отказу от родного языка. На севере Германии этот процесс носил характер смены языка (*Sprachersatz*), при которой чужой язык становится доминирующим сначала в письменной сфере, а затем расширяет свое влияние за счет экспансии в устную [Besch, 1973, S. 334]. Впрочем, усилия по культивированию нижненемецкого как диалектного и как квази-литературного идиома продолжают иметь место³³.

Процесс этнической и политической консолидации Германии, завершившийся в основном в 1871 г. при лидерстве Прус-

---

³³ Так, в 1919 г. были разработаны основы правописания (*Lubecker Richtlinien*), а закрепленная в 1935 г. нижненемецкая наддиалектная норма используется в некоторых школьных пособиях, при богослужении и в театре (например, в шверинском театре).

сии³⁴, сопровождался также тенденциями языкового выравнивания, осознанным стремлением к формированию единого общенационального языка, которое происходило в условиях конкурентной борьбы регионов. В рамках этих тенденций происходит «перекрытие» нижненемецких диалектов формирующимся письменно-литературным языком верхненемецкого типа. Доминирующая роль языка верхненемецкого типа была следствием взаимодействия неязыковых факторов, но она спровоцировала значительные изменения именно во внутриязыковой сфере, определив для нижненемецкого роль пассивного «донора» в процессе формирования общенемецкого литературного языка.

1.5. Отражение контактного наследия при кодификации общенемецкой нормы

Начало проникновения языка верхненемецкого типа в нижненемецкий языковой ареал в XVI в. совпадает во временном плане с зарождением общенемецких тенденций к языковому выравниванию и с началом оформления литературного языка (в письменной его форме). До этого времени отдельные территориальные варианты письменно-литературного языка воспринимаются еще в значительной мере как равноценные [Hartweg, Wegera, S. 152]. Межрегиональная коммуникация оказывается возможной благодаря приоритету стремления

³⁴ Примечательно, что Пруссия была «поздним отпрыском» нижненемецкого ареала, возникнув в начале XVI в. как герцогство на бывших землях Тевтонского ордена, объединившись в 1618 г. с соседним Бранденбургом и став королевством в 1701 г. В ее столице – Берлине – нижненемецкий был употребителен до конца XVI в., оставив следы в берлинском полудиалекте. Но Гогенцоллерны – династия Бранденбургских курфюрстов (1415–1701 гг.), затем прусских королей и германских императоров (1701–1918 гг.) – были уроженцами южных областей. См.: Berlinisch. Geschichtliche Einführung in die Sprache einer Stadt / Hrsg. von J. Schildt und H. Schmidt. Berlin, 1986.

к понятности и толерантности, к вариативности узуса перед четким следованием локальному употреблению. О. Рейхманн называет немецкий язык этого периода «языком без ведущего варианта» (Sprache ohne Leitvarietät) [Reichmann, S. 141]. Лишь в XVI–XVII вв. начинается «вертикализация», т. е. процесс постепенной иерархизации территориальных вариантов немецкого языка, их доминирования в надрегиональной, а в перспективе и в общенациональной коммуникации.

Формирование надрегиональной нормы впервые ставит вопрос о соответствии узуса территориальных вариантов потребностям общенациональной коммуникации и об образцовом статусе узуса отдельных регионов. Конец XVI века отмечен также зарождением немецкой лексикографии национального масштаба.

1.5.1. Лексика и лексикография

Для процесса складывания лексического стандарта общенемецкого языка особую роль играли лексикографические труды, в которых ставилась цель отразить немецкую лексику с точки зрения ее значимости для коммуникации в масштабах всего немецкоязычного ареала. Так, появление научных толковых словарей (конец XVIII в.) было обусловлено осознанием национального своеобразия лексики данного, конкретного языка как относительно гомогенной сферы. Гомогенность воспринималась первыми нормализаторами не как абсолютное генетическое единство, а как совокупность лексических средств, подчиняющихся определенной норме (функциональная гомогенность) [Линский, с. 109].

При этом «норма складывается как кодификация существующего узуса, но ... важнейшим моментом является отбор среди синонимичных вариантов» [Гухман, 1959, с. 172]. Уже в раннснововерхненемецкий период намечается тенденция к сокращению числа территориальных синонимов за счет диф-

ференциации и конкретизации их значений. Часто фактором, определяющим предпочтительность определенной лексемы для общенемецкого лексического фонда, является поддержка выбора другими ландшафтами; такое слово имело наибольшие шансы «взять верх» над конкурентами (как тенденция отмечается уже с XV в.) [Шильдт, S. 237; Tauchmann, S. 222].

Первые печатные немецкие словари, в частности двуязычные, появились в конце XV века, однако лишь в словарях, созданных гуманистами Эльзаса и Швейцарии XVI века, намечается отход от типичной для Средневековья ориентации на нужды обучения латинскому языку и реальное отражение лексического свода родного языка³⁵. В лексикографической работе берет верх тенденция к осознанному применению научных принципов: стремление к наиболее полному, не привязанному к конкретному тексту, охвату лексики, в частности нижненемецкой, и появлению нормативных помет³⁶, переход к алфавитному порядку слов.

Отмечены такие публикации и в северной Германии. Так, словарь Корнелиуса Килиана (1574 г.) “**Dictionarium teutonico-latinum**” впервые дает указание на локальную ограниченность в употреблении лексем и в северных регионах, а в его пятом издании (1594 г.) учтены данные латинско-нижненемецкого словаря Натаниэля Китреуса “**Nomenclator latino-saxonicum**” (1582 г.) [КЕ, с. 240]. Примечательна последующая оценка лексикографами нижненемецких единиц с позиций вариативности общенемецкого лексикона, а не в жесткой парадигме «свое – чужое» [Линский, с. 109].

---

³⁵ См.: Дубинин С.И. Первые немецкие двуязычные словари и переводческая традиция юго-запада Германии XVI века // Вестник НГЛУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2007. Вып. 1. С. 133–140.

³⁶ Подробнее см.: Claes Fr. Bibliographisches Verzeichnis der deutschen Vokabulare und Wörterbücher, gedruckt bis 1600. Hildesheim, 1977; Müller P.O. Deutsche Lexikographie des 16. Jahrhunderts. Tübingen, 2001.

В эпоху Просвещения нижненемецкая лексика становится достаточно активно объектом систематического собирательства материала народных говоров в форме антикварного коллекционирования местных слов, выражений, этнореалий – так называемых «идиотизмов», и создания «идиотиконов» [Жирмунский, 1956, с. 64]. До начала XIX в. появляется не менее десятка значительных «идиотиконов» отдельных нижненемецких диалектов. Лексикографы-просветители рано уловили стремительное вытеснение именно нижненемецких говоров и потребность в их «архивации» (см. упомянутые выше «идиотиконы» М. Рихея, И.К. Штродмана и др.).

Уже в XVII веке доминирует четкая тенденция к созданию нормативных словарей, включающих лексический инвентарь, общий для всей немецкой языковой области, но при этом учитывающих связи литературного лексического фонда с региональным узусом и, соответственно, с диалектами (опыт «идиотиконов»). Так, Ю.Г. Шоттель, несмотря на негативное отношение к диалекту, включал локальную лексику для пояснения литературной с точки зрения семантики и этимологии („Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt-Sprache“. Braunschweig, 1663). При этом особое внимание уделяется нижненемецкой лексике [Tauchmann, S. 215], очевидно, в силу знакомства с ней Шоттеля как уроженца северной Германии, где он получил образование, и его особой творческой концепции «ученого поэта». Он же впервые использовал как лингвистический термин „Niderteutsche Sprache“ (1641 г.) [К, с. 511].

Но особенно последовательно нижненемецкая и нидерландская лексика маркируется в словаре примыкавшего к пуристам «Плодоносного общества» К. Штилера (1691 г.). Причину этого К. Таухманн видит в полной утрате нижненемецким идиомом статуса письменно-литературного языка к XVII в., благодаря чему нижненемецкая лексика легко поддавалась идентификации нормализаторами как диалектная.

Особенно интересен здесь опыт создания словаря Й.Л. Фриша **“Teutsch-lateinisches Wörterbuch”** (1741 г.), в котором не только были помечены регионализмы и профессионализмы, но и была дана этимология включенных в него слов [КЕ, с. 608]. Несколько ранее Й.Л. Фриш провозгласил программу собирания «провинциальных» слов, в частности нижненемецких („Entwurf Was für Wörter in jeder Provinz und Gegend in Teutschland, sonderlich in der mark Brandenburg zu sammeln sind“, 1736 г.).

В рамках движения по обогащению общенационального языка следует оценивать деятельность бременского немецкого литературного общества и его внушительный пятитомный словарь „Versuch eines bremisch-niedersächsischen Wörterbuches“ (1767–1771). В 1784–1792 гг. „Journal von und für Deutschland“ предпринял систематическую публикацию серий небольших коллекций провинциальных слов, присылавшихся его сотрудниками, в частности, из северной Германии.

Ко времени возникновения признанных общенемецких словарей литературного языка (т. е. к концу XVIII в.) и поглощения практики создания «идиотиконов» идеей создания общенационального свода лексики литературный «предстандарт» уже можно считать практически сформированным. Он нашел свое отражение в классической литературе этого периода, преодолевшей региональную замкнутость, и претендовал на самое широкое распространение во всех коммуникативных сферах. Особенно следует подчеркнуть социальный престиж письменно-литературного языка и основывающейся на нем литературной речи. Доминирующим в его ареальной базе традиционно считается «альянс» восточносреднемецкого и восточновосточнонемецкого территориальных вариантов письменно-литературного языка. Словари эпохи барокко и Просвещения имеют ориентацию в основном на верхненемецкий узус, несмотря на программные заявления авторов о равноправии двух указанных региональных вариантов или даже предпочтительности восточносреднемецкого узуса.

Своеобразный итог в сфере инвентаризации лексики был подведен в фундаментальных словарях И.К. Аделунга **“Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart”** (1774–1786 гг.) и затем И.Г. Кампе **“Wörterbuch der deutschen Sprache”** (1807–1811 гг.). При кодификации словарного фонда литературного языка в конце XVIII в. невозможно уже было игнорировать сложившийся надрегиональный «предстандарт». Однако вследствие несомненной (и даже программной) ориентации первого общенемецкого толкового словаря такого типа, составленного И.К. Аделунгом, на языковую практику высших образованных слоев общества Верхней Саксонии (т. е. на восточносредне немецкий территориальный вариант письменно-литературного языка, на перевод Библии, сделанный Лютером, и на язык произведений поэтов и писателей этого региона, таких как Опиц, Флеминг, Логау) его прескриптивно-нормативный замысел не мог быть адекватно воплощен из-за заведомо одностороннего принципа отбора лексического материала [Szlek, S. 71–72]. Односторонность ориентации на узус одного региона, пусть даже столь значительного, была подвергнута критике уже современниками Аделунга (среди его оппонентов И.Г. Фосс, К.М. Виланд, так же как и сам Аделунг, уроженцы северной Германии, и продолжатель его лексикографического труда И.Г. Кампе).

Критерии отбора словарного материала, вынесенного в основу словарных статей, в целом соответствовали программным установкам лексикографа (ср. в предисловии к словарю Аделунга: „Es fielen also alle veraltete, alle provinzielle, und alle niedrige bloß dem Volke eigene Wörter und Ausdrücke der Regel nach von selbst weg“ [AD, Vorrede, S. 4]). Однако сами программные установки не отражали в полной мере фактического разнообразия как локально-диалектных, так и региональных лексических фондов. Это понимал и сам составитель словаря, широко привлекавший регионализмы в качестве

иллюстративного материала внутри словарных статей, насыщенных дополнительной информацией. Система помет характеризует включенные в корпус словаря лексические единицы также с точки зрения их принадлежности к одному из трех стилей: высокому, нейтральному или бытовому (сниженному) [Гухман, Семенюк, Бабенко, с. 228].

Для маркирования нижненемецкой лексики как территориально ограниченной в употреблении Аделунг вводит в свой словарь разнообразные пометы, объединяемые общим термином **Niedersächs., in Niedersachsen** или с более точной функциональной характеристикой **im gemeinen Leben Niedersachsens**, если лексема относится к сниженному стилю, в противовес литературным верхнесаксонским лексическим единицам. Кроме того, 54 пометы показывают распространение слова в отдельных регионах (и иногда в социальных слоях) северной Германии, напр.: **bey den bremischen Bauern**. Поскольку одной из целей Аделунга было отграничить низкие, диалектные слова и провинциализмы, он часто делает это с помощью примечаний внутри словарной статьи, в которых детально указывает на преимущественное использование лексемы в том или ином регионе. Нередко нижненемецкая территориальная отмеченность у Аделунга сочетается с хронологической и социофункциональной маркированностью слова, например: *ehegestern* (veraltet + vorwiegend nddt.); *das Abendessen* (bei dem gemeinen Manne + besonders Niedersächsisch).

Уже И.Г. Кампе, первый значительный последователь И.К. Аделунга в лексикографической работе по созданию общенемецкого словаря литературного стандарта, демонстрирует в значительной степени иную позицию по отношению к региональной лексике, которая является следствием меняющихся программных установок. В свой «Словарь немецкого языка» он включает «das Beste, Edelste und Sprachrichtigste für die allgemeine Deutsche Umgangs- und Schriftsprache» [С, Bd. I, S. VIII]. Система помет, характеризующих региональное распростране-

ние лексики, отличается большей строгостью, чем у его предшественника. Словарь Кампе также даст указание на регион распространения лексемы, если она не относится к общеупотребительной лексике. В нем, однако, также проведена последовательная дифференциация вошедших в словарь единиц по их стилистической отнесенности. Кампе разработал более строгую систему помет, служащих этой цели. Так, нижненемецкие провинциализмы снабжены в его словаре следующими пометами: † – *landschaftliche Wörter*; } – *der gemeinen Schreibart gehörende Wörter*; in N.S. – *in Niedersachsen (übliche)*.

Здесь четко проявилась гибкая нормализаторская концепция составителя словаря. Кампе также предложил повсеместно распространенный в наши дни в немецкоязычной лингвистике термин *Umgangssprache* для обозначения такой функциональной подсистемы языка, как обиходно-разговорный язык [Гухман, Семенюк, Бабенко, с. 228].

По замечанию Г.Э. Виганда, в XIX веке намечается переход от фазы письменно-литературного языка (*Schriftsprache*) к фазе оформления стандартного языка (*Standardsprache*), что для нормативной лексикографии знаменуется переходом от идентификации нормы с определенным региональным или социальным узусом к более высокому уровню анализа, обогащения и нивелирования возникшего таким образом стандарта именно как лексической системы литературного языка. Характерной для этого уровня становится все большая экспансия письменной нормы в сферу повседневной устной речи, где традиционно доминирующие позиции занимал диалект и в разной степени – диалектно окрашенные региональные варианты литературного языка. Движущей силой такого развития становятся особенно заинтересованные в наличии единой общенациональной нормы языка (в первую очередь в области лексики, где региональные различия традиционно особенно сильны) администрация, школа, наука, литература и публицистика, периодика [Wiegand, 1986, S. 28].

Для северной Германии процесс вытеснения сначала достигшего определенной степени нормирования литературного нижненемецкого языка с высшей ступени диасистемы и затем местных диалектов как разговорного идиома начинается уже в XVI в. Ко времени фиксации лексического стандарта в первом общенемецком словаре роль литературного на немецком севере (за исключением не имеющей надрегионального значения литературы на диалекте) давно выполнял язык верхненемецкого типа, испытывавший влияние со стороны местных диалектов. У. Кнооп показал, однако, что в XVII–XVIII вв., по свидетельствам современников из всех диалектных групп, только при контакте ниже- и верхненемецких диалектов существовали значительные коммуникативные барьеры [Кнооп, S. 36].

Существенным с точки зрения вхождения нижненемецкой (и, вероятно, до некоторой степени другой регионально ограниченной) лексики в современный лексический стандарт представляется факт развития на севере Германии обиходно-разговорного языка верхненемецкого типа как наиболее широко распространенной формы повседневной коммуникации. Его возникновение связывается с культурно-политическим доминированием и, вследствие этого, престижностью письменно-литературного языка иного языкового типа. Особенно на начальном этапе освоения в нижненемецком языковом социуме, где естественно доминировал критерий понятности, а не следования литературной норме, как разновидность обиходно-разговорного языка возникает такой феномен, как *Missingsch* (в большей или меньшей мере удачная с точки зрения соответствия литературному стандарту, но всегда достаточная для взаимопонимания в данном языковом коллективе смешанная языковая форма). Б.-У. Кеттнер утверждает, что *Missingsch* не мог иметь статуса языковой подсистемы для диасистемы немецкого языка северной Германии (аналогичной, например, креольским языкам), поскольку не имел системного характера и являлся своего рода неизбежной «переходной стадией» при

изучении нового языка [Kettner, S. 110]. Таким образом, в настоящее время, когда можно утверждать, что все носители нижненемецких диалектов владеют нормой, по крайней мере, обиходно-разговорного языка, возникает вопрос об актуальности самого этого понятия, видимо, интересного скорее как исторический феномен (реликт).

С точки зрения исторической лексикологии и лексикографии современного немецкого языка факт существования неустойчивой промежуточной зоны между находящимся в стадии активного формирования лексическим стандартом верхненемецкого типа, а также типологически сходными и генетически родственными лексическими системами нижненемецких диалектов заслуживает внимания. Словарный состав немецкого языка как наиболее открытая и динамичная его система продолжает обогащаться и после первых (весьма удачных, по свидетельству современников) попыток его нормативной фиксации. Это происходит, в частности, за счет большей ассимиляции разговорной лексики, особенно не имеющей стилистических или узкотерриториальных ограничений, от включения которой по большей части отказывался еще Аделунг. Чаще всего такого рода лексические единицы представляют собой частотные реалии и феномены локального быта, экспрессивные наименования.

Одновременно с этим литературный стандарт охватывает и большинство сфер профессиональной деятельности, что связано с созданием систематизированного терминологического аппарата и, на экстралингвистическом уровне, с быстро развивающейся индустриализацией, информатизацией и модернизацией общества. Несомненно, что устоявшаяся система терминов ряда профессий, особенно распространенных в северных регионах Германии (в первую очередь морское дело), должна была сохранить в своей основе и лексику, характерную для данного региона, но чуждую имеющейся уже зафиксированной в общезыковых (не отраслевых) словарях норме.

Лексикографическая практика XIX–XX вв.³⁷ показывает значительно возросший интерес составителей нормативных трудов к регионализмам в корпусе словаря. Расширилась и подверглась унификации система функциональных помет для лексики, не являющейся общепотребительной. Вообще, в рамках общей тенденции к историческому исследованию языковых фактов можно наблюдать стремление лексикографов охватить как можно больший объем лексики (хотя бы в качестве этимологических данных из языков-источников или диалектов).

Эта фаза словарей стандартного языка, или словарей лексического стандарта (*standardsprachliche Wörterbücher*), по Г.Э. Виганду, представлена изданиями под редакцией Зандерса, Вайганда/Хирта. Пауля, современными многотомными словарями (DGW, W, BW) [Wiegand, 1986, S. 203–204]. В них можно наблюдать отказ от строго прескриптивных основ формирования литературной лексической нормы, все более претендующей на этом этапе на роль не только письменного стандарта, но и нормы устной разговорной речи. В частности, редакция словаря DGW заявляет в предисловии: “Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“ erfasst... den Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache mit allen Ableitungen und Zusammensetzungen so vollständig wie möglich. Es bezieht alle Sprach- und Stilschichten ein, alle landschaftlichen Varianten... und alle Fach- und Sondersprachen, insofern sie auf die Allgemeinheit hinüberwirken. Besonders berücksichtigt diese Wörterbuch die Umgangssprache...” [DGW, S. 1–2]. Подобные программные заявления предпосланы словарям Варига [W, S. 5–6] и шеститомному Брокгауз-Вариг [BW, S. 5]. Словарь Клаппенбах-Штайница был напрямую ориентирован на зафиксированный в письменной форме узус современного литературного языка, но привлекает и литературные источники начиная с последней трети XVIII в. [WDG, S. 4]³⁸.

³⁷ Современная лексикография нижненемецких диалектов насчитывает более 10 изданных крупных словарей.

³⁸ В крупных современных немецко-русских двуязычных словарях традиционно используется помета «н.-нем (нижненемецкие диалекты)».

Основой выборки лексического материала, включаемого современными одноязычными словарями немецкого литературного языка, становится не гипотетическая норма, представленная в узусе социального слоя одного региона, как это было у Аделунга, а действительно употребительная лексика устной и письменной речи нашего времени, подвижная, как всякий живой язык. При этом в словари часто включается и региональная лексика, в частности, свойственная лишь речи жителей северной Германии. Так, в словарях WDG, DGW и BW. по данным Г. Нибаума, около 10 % всех регионализмов имеют соответствующую помету [Niebaum, 1984, S. 330]. Для современных одноязычных словарей он выделяет три уровня диатопических помет (standardsprachlich, umgangssprachlich, mundartlich), которым соответствуют для нижненемецкой лексики пометы: а) nordd., б) nordd. ugs./ nordd. sal(opp), nordwestd., nordostd.; в) niederd.; meckl. и т. д. [Niebaum, 1984, S. 327–329].

Однако взятый нами за основу выборки словарь DUW последовательно различает niederd. как этимологическую помету и nordd. как диатопическую помету, что представляется вполне оправданным, поскольку севернонемецкий гетероним иногда имеет не местное происхождение (ср. kiebig, Sonnabend), и наоборот, лексика нижненемецкого происхождения не обязательно имеет ограниченное распространение (ср. barsch, Hafer, Hantel). В таком четком разграничении указаний на этимологическое происхождение и на регион употребления лексической единицы заключается отличие современного общенемецкого словаря от словарей XVIII–XIX вв. Маркирование с помощью пометы **niederd.** является практически необходимым условием локальных субмаркеров **nordd.** или **landsch., bes. nordd.**, что свидетельствует о достаточно устойчивой локальной привязке провинциальной лексики

Но неудачной представляется помета «с.-нем. (севернонемецкие диалекты)» [БНРС, т. I, с. 24; СРЛ, с. 11].

к области происхождения даже в рамках современного литературного стандарта.

Следует, тем не менее, отметить, что разграничение указаний на *происхождение* и *распространение* лексем проводится не до конца последовательно и вряд ли достижимо в идеале³⁹. Особенно это касается производных лексических единиц, являющихся результатом аффиксации или словосложения (как известно, особенно продуктивного словообразовательного процесса в немецком языке), при которых этимологические пометы часто отсутствуют. Это в основном вызвано тем, что в образовании нового слова участвуют элементы, различные по географическому происхождению (например, нижненемецкий корень и/или верхненемецкий/литературный аффикс), но одинаково допустимые в рамках сложившегося лексического стандарта. Диатопическая дистрибуция для лексикографической практики современных реномированных общенемецких словарей лексического стандарта имеет, очевидно, приоритет над этимологией слова, несмотря на их явную взаимосвязь. Это, по-видимому, подтверждает тот факт, что ориентация литературного языка на диалект может носить лишь опосредованный характер.

Только обиходно-разговорный язык северной Германии, социальная база которого включает индивидуумов, уже в достаточно разной степени владеющих диалектом, сохраняет в наше время связь с местным нижненемецким идиомом⁴⁰. Лекси-

---

³⁹ К сожалению, полный исторический словарь средненижне-немецкого языка, основанный еще в 1920–е гг., по настоящее время (под ред. Д. Мена, университет Гамбурга) не завершен (*Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Bd.1–2) и доведен только до буквы „Q“.

⁴⁰ В пятиуровневой схеме функциональной парадигмы немецкого языка в нижненемецком ареале данную коммуникативную группу представляют три нижних слоя: обиходно-разговорный язык, сближающийся с диалектом; нижненемецкий диалект, находящийся под сильным влиянием обиходно-разговорного языка; собственно нижненемецкий диалект [Филичева, с. 24].

ческий стандарт лишь вторично идентифицирует, в основном в письменных источниках, просторечные регионализмы и фиксирует их при значительном распространении. Например, общеизвестное северно-немецкое приветствие „Moin-Moin!“ несмотря на употребительность не представлено в толковых словарях, поскольку редко фиксируется в литературе и в публицистике.

Кодификация лексического стандарта отражает степень сформированности литературно-языковой нормы в сфере словарного фонда. Понятие нормы связано с тенденциями к селективности, регламентации, устойчивости и гомогенности, что определяет ее тормозящее воздействие по мере ее стабилизации, особенно в отношении новаций из региональных вариантов обиходно-разговорного языка и диалектов [Семенюк, 1970, с. 559]. Однако, как отмечает Д. Нериус, «развитие языка не останавливается и после образования национальной нормы, возникают новые формы, старые отступают, и в любой отрезок времени сосуществует некоторое количество вариантов, наличие которых... не затрудняет коммуникацию внутри всей территории распространения языка, как это имеет место до образования национальной нормы» [Нериус, с. 245].

Процесс заимствования (инфильтрации) лексических единиц в литературный стандарт из диалектного страта и из близкого к нему слоя обиходно-разговорного языка продолжается и после кодификации лексической литературной нормы, достаточно лабильной, хотя наблюдения показывают явное сдерживающее воздействие с ее стороны.

1.5.2. Фонетико-морфологические явления

Исследователи единодушно отмечают, что влияние нижне-немецкого на общенемецкий язык в фонетико-морфологической сфере исконно менее значительно, чем в лексике. В сфере фонетических явлений это лишь фрагментарные рефлексy:

- 1) проникновение явлений умлаута из северо-западного региона;
- 2) частичное вытеснение нем. сочетания /-ft/ ниже-, среднефранкским и нижнесаксонским /-cht/. Ср.: Nichte f 'племянница' < свн. niftel; echt < свн. êhaft, 'законный, легальный'; sachte 'легкий, нежный' (с выпадением носового) < свн. sanfte 'удобный, медленный, легкий', но Kraft f, Luft f, sanft и др. [Protze, S. 219].

В морфологической сфере указывается на проникновение и распространение в рвнв. период агглютинирующего суффикса множественного числа существительных -s, развившегося еще в древнесаксонском у основ на -a / -ja (но позже особенно в разговорной речи, ср. Jungs, Mädel, Kerls) [Moskalskaja, S. 219]. Субстратный характер имеет и влияние нижненемецкого узуса на употребление винительного падежа вместо дательного, а также артикля с некоторыми именами родства в разговорном языке [Behaghel, S. 239].

Особым феноменом являются ономастические суффиксы нижненемецкого происхождения у топонимов на карте Германии: -lar, -brink, -büttel, -fleth, -hude, -koog, -kuhl, а также антропонимический суффикс -iko (ср. Diotiko > Deeke, Thieck, Tiedge) и диминутив -ing (ср. Vatting, Mutting).

Северной Германии принадлежит особая роль в установлении единообразной произносительной нормы общенемецкого языка. Здесь процесс усвоения верхненемецкого произношения из-за его расхождений с местной диалектной произносительной базой имел в основном рецептивно-книжный характер согласно принципу «говори, как пишешь». Следствием явилось установление ориентированного на письменную норму более «чистого», гиперкорректного произношения, отличного от неизбежно окрашенного местными особенностями произношения в литературной речи жителей средней (так называемый саксонский орфоэпический стандарт) и южной Германии, а также Австрии и Швейцарии.

Уже в конце XVII и в XVIII веке многие грамматисты – нормализаторы и литераторы (в частности, И.В. Гете) – отмечали «образцовый» характер произношения образованной части населения именно на севере Германии. Этот «севернонемецкий» тип литературного произношения в условиях нового роста культурно-экономического влияния северной Германии (особенно Пруссии) через школьную практику и книжную традицию получил авторитет также в других частях Германии. Он обретает в начале XIX века статус регионального орфоэпического стандарта доминантного типа, а именно: в прусском Ганновере издавались авторитетные справочники [Раевский, с. 75–80]. «Образцовый ганноверский» стал в ФРГ своеобразным рекламным стереотипом «лучшего литературного немецкого».

Комиссия по реформе немецкого произношения приняла в конце XIX века компромиссное решение в отношении согласования региональных орфоэпических стандартов на основе так называемого «сценического произношения». Была, в частности, отмечена и реалистичная формула образцового общенемецкого произношения, выдвинутая В. Фиетором в его „Die Aussprache des Schriftdeutschen“ (1885 г.) как „hochdeutsche Sprachform in niederdeutscher Aussprache“. Его особенности четкая артикуляция звонких взрывных /b/, /d/, /g/, обязательная лабиализация /ö/, /ü/, произнесение глухих взрывных с придыханием как /p^h/, /t^h/, /k^h/ перед ударением и после ударного гласного в конце слова.

В дальнейшем основные особенности северно-немецкого типа были сохранены в опубликованном Т. Зибсом в 1898 г. тексте общенемецких орфоэпических правил и в словаре литературного произношения. Некоторые северонемецкие черты получили статус допустимых вариантов, например, произношение в конце слова /g/ как /x/ (ср. Tag [ta:x]) или сочетания /ng/ как /ŋk/ (ср. Sammlung [zamlŋnk]).

Выводы по главе 1

1. Протонижне немецкий формируется на ареальной базе саксонского и восточного нижнефранкского, образуя в рамках древней западногерманской языковой общности идиом, близкий к протонемецкому генетически, но типологически несколько отличный от него. В результате политического влияния франкского государства с V в. начинается общая переориентация северных районов Германии на южные регионы. Несмотря на это вплоть до XVI в., в основном благодаря мощным позициям Ганзейского союза, нижне немецкому языку удается сохранять позиции на всех уровнях функциональной парадигмы. На основе местных диалектов начинает формироваться относительно нормированная наддиалектная норма любекского образца, которая, однако, не достигает полной обработанности и полифункциональности.
2. В ситуации экономического спада и политической ориентации на южные регионы Германии, интенсивного распространения на севере идей Реформации начинается активная экспансия языка верхне немецкого типа, охватывающая сначала лишь официальные домены коммуникации, а позднее и сферу обиходно-разговорной речи. В северной Германии складывается ситуация диглоссии, в которой сначала доминирующим языком является нижне немецкий. Позднее он быстро утрачивает позиции, превращаясь в язык «домашнего общения», целенаправленно вытесняемый из официального обихода, что ведет к постепенной утрате населением нижне немецкой языковой компетенции.
3. Смена языковой доминанты привела к массовому переходу к использованию верхне немецкого при недостаточной компетенции, в результате чего между литературным и диалектным уровнями диасистемы возник дифференцированный в зависимости от степени представленности диа-

лектных черт обиходно-разговорный страт, сохраняющий связь с местными диалектами и характеризующийся значительным количеством регионализмов.

4. Активизация тенденций к преодолению региональной языковой изоляции и созданию общенемецкого литературного языка как ведущего варианта совпадает по времени с началом верхненемецкой экспансии в нижненемецкий ареал. Селективная нормализаторская деятельность в области лексики была сконцентрирована в восточной части центральной и южной Германии, что определило периферийный статус нижненемецкого.
5. Первые попытки кодификации письменно-литературного языка отражают структурное своеобразие нижненемецкого, особо маркируя лексику из этого ареала. С распространением общенемецкого языка на уровень разговорного идиома и в большинство коммуникативных сфер заимствованная из нижненемецкого лексика ассимилируется его лексико-семантической системой или закрепляется на уровне регионального варианта обиходно-разговорного языка.
6. Современные одноязычные словари немецкого лексического стандарта ориентированы на кодификацию всей лексики, релевантной для коммуникации в различных функциональных и профессиональных сферах. Они включают как общелитературную лексику, так и словарный фонд с ограниченным региональным, стилистическим или профессиональным употреблением.

ГЛАВА 2

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКИ НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

2.1. Ассимиляция нижненемецких заимствований

В качестве элементов чужого языка лексические заимствования подвергаются ассимиляции к лексико-семантической системе заимствующего языка. Степень изменения слова при заимствовании напрямую зависит от структурной близости взаимодействующих языков, а также от канала проникновения (устный, письменный) и от времени функционирования заимствованной единицы в качестве элемента заимствующей системы. Нижненемецко-верхненемецкое лексическое взаимодействие протекало на фоне значительной структурной близости, основанной на достаточно близком генетическом родстве данных идиомов.

В процессе заимствования изменения в исходной лексеме наблюдаются на различных уровнях системы. В первую очередь это касается фонетического и орфографического уровней. Фонетическая ассимиляция представляет собой первый этап заимствования, как правило, через устную речь, в процессе которого новые элементы лексической системы получают «приемлемое» для фонологической системы заимствующего языка фонетическое оформление.

Орфографическая ассимиляция происходит как следствие необходимости графической фиксации заимствованной лексики на базе существующей письменной традиции. Очевидно, что письменная форма иноязычного слова обусловлена либо его фонетическим обликом (произношением), либо исходной графической формой, если ориентация на таковую сохраняется.

Кроме фонетической и орфографической ассимиляции заимствования подвергаются и морфологической адаптации. Морфологически производное заимствованное слово при переходе в заимствующий язык часто воспринимается в нем как непроизводное, однако в рассматриваемых близкородственных языках морфологическая структура заимствованной нижненемецкой лексемы должна была быть достаточно «прозрачной» для носителя верхненемецкого языка. В зависимости от степени ассимиляции заимствованная лексема следует старой словоизменительной парадигме и/или парадигме, представленной в заимствующем языке.

В зависимости от степени ассимиляции различаются полностью усвоенные заимствования (нем. *Lehnwort*) и иностранные слова (нем. *Fremdwort*), которые сохраняют признаки своего иноязычного происхождения в фонетике, орфографии и/или морфологии. Как показывает наш дальнейший анализ на материале нижненемецких единиц, в ситуации контакта типологически мало отличающихся языков границу между этими двумя группами заимствований нельзя провести достаточно четко.

Включение лексем нижненемецкого происхождения в лексическую систему верхненемецкого во многих случаях сопровождалось их *фонетической* ассимиляцией. Дистрибуция фонем в структуре морфемы в нижненемецком изначально близка верхненемецкой в связи с генетической близостью данных идиомов. Отношение эквивалентности между исходной и ассимилированной формой часто достаточно просто устанавливается благодаря регулярным фонетическим соответствиям (в связи с чем можно говорить о возможности или даже вероятности субституции отдельных фонем). Поскольку абсолютное большинство лексем в исследованном нами фактическом материале представляют собой с точки зрения словообразования современного немецкого литературного языка безаффиксные слова или слова с аффиксами, являющимися закономерными генетическими соответствиями верхненемецких аффиксов, то

целесообразно в первую очередь рассмотреть фонологическую структуру корневых морфем.

2.1.1. Консонантизм

В нижненемецком языковом ареале, как отмечалось, не был осуществлен ряд фонетических новаций, которые определяют фонемный состав и фонологическую базу новонемецкого языка (слова). Наиболее наглядно отсутствие новаций в области *консонантизма*, поскольку нижненемецкие лексемы часто содержат нетипичные для консонантной основы слова верхненемецкого типа инвентарь и/или сочетания фонем. Большинство обнаруженных заимствованных лексем сохраняют такие сочетания после включения в лексическую систему верхненемецкого языка.

Так, многие лексемы демонстрируют отсутствие второго передвижения согласных – важнейшей черты верхненемецкого языкового типа, имея несколько нехарактерный для верхненемецкого языка фонетический облик:

а) германские глухие взрывные /**p**/, /**t**/, /**k**/ сохраняются во всех позициях, не преобразуясь ни в глухие щелевые, ни в аффрикаты, например: *Schlippe f* (срннем. *slippe*) 'подол юбки', *Kiere f* (срннем. *kire, kupe*) 'короб, корзина, носимая на спине', *Sott m, n* (срннем. *sot*) 'сажа, копать', *Stute(n) f, m* (срннем. *stute*) 'батон', *Kak m* (срннем. *kak*) 'позорный столб', *stuken* (срннем. *stuken*) 'макать, окунуть';

б) германские звонкие взрывные /**b**/, /**d**/, /**g**/ также сохраняются (в том числе и в удвоении): *roden* (срннем. *roden*) 'корчевать, расчищать под пашню, копать, убирать', *Vodden m* 'залив, отделенный от моря островами или дюнами', *Robbe f* 'тюлень', *flügge* 'подросший, оперившийся, в состоянии летать (о птенцах), самостоятельный (о человеке), пугливый'.

Наличие неподвижных сочетаний фонем, в особенности таких, как /**bb**/, /**dd**/, /**gg**/, отмечается в качестве характерного

признака нижненемецких заимствований в большинстве исследований.

В начале слога в немецком языке возможны лишь сочетания из трех согласных с первым элементом /ʃ/ в исконных немецких словах, а именно /ʃpr-/ , /ʃpl-/ , /ʃtr-/ (в орфографии это <spr-> , <spl-> , <str->), или с первым элементом /s/ в составе заимствований /skɪ-/ , /skl-/ . Трехконсонантным сочетаниям с начальным /ʃ/ в нижненемецком соответствуют сочетания /spr-/ , /spl-/ , /str-/ , ср.: нем. spret, внем. Spriet *n* '(мор.) шпрюйт'; нем. splinte, внем. Splint *m* '(тех.) чека, шплинт'; нем. stram, внем. stramm 'прямой, ровный, натянутый'.

Аналогичным образом двухконсонантные сочетания с /ʃ/ в начале слога представлены в нижненемецком сочетаниями с /s/. Подобные группы представляют собой сочетание соответствующего шипящего либо с глухим взрывным согласным /p/ (нем. spakig, внем. spakig 'заплесневелый'), с /t/ (нем. sterke, внем. Sterke *f* 'телка, молодая корова'), либо с сонорными /l/ (нем. slippe, внем. Schlippe *f* 'подол юбки'), с /m/ (нем. smoken, внем. schmöken 'курить'), с /n/ (нем. spurren, внем. schnuppern 'обнюхивать'), либо с губным /v/ (нем. swelen, внем. schwelen 'тлеть'). Сочетаниям /ʃ/ с гласным (нем. schare, внем. Schaar *n* '(геол.) песчаный риф') или с сонорным дрожащим согласным /r/ (нем. schrubben, внем. schrubben 'чистить щеткой') в нижненемецком соответствуют такие же сочетания в верхненемецком.

Двухконсонантным сочетаниям типа «глухой взрывной + сонорный согласный» и сочетанию /kv-/ в начале слога соответствуют этимологически такие же сочетания в нижненемецком, ср.: нем. pgal, внем. pgal 'упругий, тугой'. Лишь две нижненемецкие лексемы с подобным сочетанием в начале слога изменяют взрывной в соответствии со вторым передвижением согласных: нем. pgorre, внем. Pfrogfen *m* 'пробка, затычка, втулка'; нем. driftlich, внем. triftig '(мор.) дрейфующий'. Взрывной согласный в сочетании с гласным в начале слога также практически всегда сохраняет свое исконное качество.

В числе заимствований были отмечены лексемы с достаточно нехарактерным для верхненемецкого языка сочетанием /tv-/ в начале слога: ннем. *twenter*, внем. *Twenter* *n* 'двухгодовалое животное (жеребенок, теленок, ягненок)'; ннем. *twi(e)te*, внем. *Twiete* *f* 'переулочек, узкая улочка'; внем. *twelen* 'разветвляться', а также *Twing* *m* 'укрепленный замок, район, участок, судебный округ', *twelen* 'раздваиваться, разделяться' и др. Эти единицы напоминают англицизмы типа *Tweed* *m* 'твид (ткань)', *Twist* *m* 'твист (танец)'.

Сочетания «звонкий взрывной + сонорный» не изменили своего качества при заимствовании в верхненемецкий: ннем. *blinken*, внем. *blinken* 'сверкать, мерцать'; ннем. *drossete*, внем. *Drost* *m* '(ист.) дрост, правитель округа'; ннем. *gnitte*, внем. *Gnitte*, *Gnitze* *f* 'муха, мошка'. Переход /tr-/ > /dr-/ в ннем. *trisen*, внем. *dröseln* 'крутить (нити)' можно, по-видимому, объяснить регрессивной ассимиляцией по звонкости.

Как и в случае с сочетанием «глухой зубной взрывной /t/ + /v/» в верхненемецкий заимствованы лексемы с сочетанием «звонкий зубной взрывной /d/ + /v/», также не свойственным фонологической системе верхненемецкого языка: ннем. *dwers*, внем. *dwa(r)s* '(мор.) поперек, на траверзе'; ннем. *dwe(i)le*, внем. *Dweil* *m* '(мор.) швабра', также *dwatsch* 'шалльной, полоумный (разг.)'.

Лексемы с сочетаниями фонем /ll-/ , /fr-/ заимствуются в верхненемецкий без изменений, поскольку соответствуют его фонологической системе. Наоборот, начальное сочетание фонем /vr-/ (в верхненемецком <w> в начале слова в этом сочетании утрачивается достаточно рано), представленное несколькими примерами, свойственно лишь фонологической системе нижненемецкого. Тем не менее, это сочетание заимствуется и сохранено в неассимилированном виде, ср. достаточно многочисленный ряд: ннем. *wringen*, внем. *wringen* 'выжимать', ннем. *wrack*, внем. *Wrack* *n* 'обломки (кораблекрушения и т. п.), отходы, развалина (перен.)', а также *wampig* 'корявый, узло-

ватый', *Wrasen* *m* 'чад, испарения, (вы)пар (тех.)', *Wratt* *f* 'клоп', *wräuschen* 'состязаться в борьбе, бороться', *wrenschen* 'ржать, хохотать', *Wreske* *f* 'кошна (хлеба)', *wrewelig* 'досадный, неприятный' и др.

Сочетание /tsw/ (в орфографии <zw->) представляет передвинутые формы, восходящие к ннем. <tw-> (ннем. *twidracht*, внем. *Zwietracht* *f* 'раздор'; ннем. *twist*, внем. *Zwist* *m* 'ссора'). Таким образом, исконное ннем. <tw-> может быть представлено как в ассимилированной, так и в неассимилированной форме.

Одиночные согласные в начале слога, как правило, не меняют своего качества. Исключение составляет один случай передвижения /p/ > /pf/ (ннем. *pote*, внем. *Pfote* *f* 'лапа') и внем. аффриката /ts/, восходящая либо к ннем. /t/ (ннем. *tergen*, внем. *zergen* 'дразнить, подтрунивать'), либо к ннем. /s/ (ннем. *sandat*, внем. *Zander* *m* 'судак').

Консонантизм после слогаобразующего гласного или дифтонга не имеет в нижненемецком значительных отличий от соответствующей дистрибуции в верхненемецком языке. Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание непередвинутые глухие взрывные /p/, /t/, /k/ на месте аффрикат после краткого гласного или щелвых после долгого и звонкие взрывные согласные /b/, /d/, /g/ вместо глухих согласных.

Переход /-cht/ < /-ft/, характерный для западной части нижненемецкого ареала, не подвергается обратному изменению в /-ft/, поскольку не противоречит структуре фонологической системы языка-реципиента, в котором, кроме того, зачастую продолжают существовать этимологические дублиеты⁴¹ с несколько отличным значением: *Nichte* *f* (ср. срвнем. *niftel*) 'племянница', *sacht* 'легкий, нежный, тихий, осторожный' (внем. *sanft* 'мягкий, нежный, короткий' сохраняет носовой перед /f/).

---

⁴¹ Описание многообразных этимологических дублиетов, возникших в общенемецком языке как следствие проникновения (заимствования) нижненемецких лексем, может быть темой самостоятельного исследования и приводится нами фрагментарно.

Интервокальные /d/ и /g/ часто выпадают, в особенности перед безударными гласным <-e>, <-en>, <-er>: ree (rhe) (срннем. rēde 'готовый') '(мор.) «Под ветер!» (команда)', Lede (Lehde) f (срннем. legede) 'пустошь, неиспользуемая земля'.

Двусложные безаффиксные образования имеют в ауслауте /l/, /n/, /r/: Buddel f (срннем. buddel) 'бутылка (с алкогольным напитком)', purren (срннем. purren) 'ковырять; дразнить', Nüster f (срннем. puster) 'ноздря (крупного животного)'. Этимологическое /m/ в исходе ряда существительных трансформировалось в созвучное /n/, ср.: Wasen m (срннем. wasem) 'пар, влажное испарение'. Конечные глагольные сочетания с <-elen> и <-eren> синкопируют редуцированный гласный и переходят в <-eln> и <-ern> соответственно: sich kabbeln (срннем. kabbelen) 'ругаться; (мор.) сталкиваться (о волнах)', stottern (срннем. stotteren) 'заикаться'. Часто такого рода глаголы являются итеративными или усилительными формами, в которых указанное значение способа действия выражается суффиксами -el(n), -er(n).

В целом в рассматриваемых языках наблюдается значительный параллелизм в оформлении консонантного контура слова, имеющего решающее значение при идентификации значения.

2.1.2. Вокализм

В области вокализма расхождения с верхненемецким отчетливо могут быть зарегистрированы лишь в процессе этимологического анализа и на фоне консонантных различий более сложны для анализа. Во-первых, в отличие от консонантизма вокалические системы отдельных нижненемецких диалектов весьма разнятся. Во-вторых, основой для сравнения корневого ударного вокализма в данной работе служат данные словаря средненижненемецкого языка А. Люббена, опирающегося на графику северненижненемецкой (т. е. любекской) письменной формы. В частности, в графике (а соответственно и в словарной статье), как правило, не отражен умлаут гласных /o/ и /u/.

Нижнепемецкий ареал не участвовал в раннепемецкой дифтонгизации долгих корневых гласных. Так, среднепемецкие формы с долгими гласными /i:/, /u:/, /y:/ часто сохраняются в лексемах, проникших в лексический стандарт, с традиционной для них графикой. Ср.: *Dieme f* (срнем. *dime*) 'стог, скирда', вместо ожидаемого *Deime; также *Buhne f* (срнем. *bune*) 'полузапруда, буна', вместо *Baune; *Hüsing f* (срнем. *husinc*) 'канат, трос', вместо *Heusing.

Тем не менее, незначительное число лексем имеют дифтонгизированную огласовку в соответствии с раннепемецкой дифтонгизацией. Часть из них, вероятно, подвергается дифтонгизации как и исконная верхнепемецкая лексика, поскольку была заимствована достаточно рано, пока процесс дифтонгизации еще не завершился (восточнопемецкий дифтонгизация охватывает в XV в. почти одновременно с началом ее распространения на север), ср.: *Beute f* 'добыча, трофей' (заимствовано в XV в. из срнем. *bute*). Другая часть лексики, заимствованная позднее, подверглась дифтонгизации по аналогии (адаптация). Регулярные соответствия между долгими нижнепемецкими монофтонгами /i:/, /u:/, /y:/ и верхнепемецкими дифтонгами /ai/, /au/, /oi/ могли наблюдаться на примере многочисленных генетически тождественных слов в обоих языках. В дифтонг /au/ расширяется и срнем. дифтонг /ou/; ср.: *Tau n* (срнем. *tau*) 'канат', *Kabeljau m* (срнем. *kabelow*) 'треска'.

Краткие и долгие исходные монофтонги в основном сохраняют свое качество. В отдельных случаях наблюдается лабиализация или делабиализация, расширение или сужение гласного на один уровень подъема. Такая вариативность была, по видимому, характерна уже для диалектов языка-источника, ср.: *Flut f* (срнем. *vlot, vlüt*) 'прилив', *Harde f* (срнем. *harde, herde*) 'сельский округ (в Шлезвиг-Гольштейне)'.

Безударный гласный /e/ как в корневых морфемах, так и в аффиксах (в первую очередь в суффиксах) мог подвергаться синкопе или апокопе, ср.: *Qualm m* (срнем. *quallem*) 'дым, чад',

Knote *m* (востннем. gnote из срннем. genot – 'товарищ') 'хам, невежа, грубиян', Schicht *f* (срннем. schichte – 'порядок, ряд') 'слой пласт; смена'.

Необходимость орфографической ассимиляции с точки зрения современных принципов графического представления фонем оказывается минимальной. Следует, однако, учитывать значительную вариативность орфографии источников в разные исторические периоды развития языка, а также созданных в русле разных письменных традиций и относящихся к различным диалектным ареалам. Привлеченный нами для сравнения средненижне немецкий лексический материал, представленный в словаре, не отражает в полной мере варьирование графической формы исходных лексем.

В основном изменения при орфографической ассимиляции касаются графического представления долгих гласных фонем. В нижне немецком графема <h> не использовалась для обозначения долготы предшествующего гласного. Долгота обозначалась здесь различными диакритическими знаками (акцент, удвоение гласного, приписные гласные после или над долгим гласным) или оставалась вовсе не обозначенной на письме.

В современном немецком лексическом стандарте графема <h> иногда присутствует в нижне немецких заимствованиях с долгим корневым гласным в открытом слоге. Поскольку гласный в открытом слоге в немецком языке, как правило, является долгим, то написание <h> в ряде лексем представляется традиционным и, очевидно, восходит уже к верхне немецкому письменному узусу, ср.: Bühne *f* (срннем. buene) '(гидр.) полузапруда (с поперечной дамбой для защиты берегов и сооружений от размыва), буна' и Wake *f* (срннем. wake) 'прорубь, полынья'.

Долгое /i:/ всегда представлено в открытом слоге графически как <ie> или <i>: Wiemen *m* (срннем. wime) 'насет; шест для подвешивания копченостей', Tide *f* (срннем. tide) '(морской) прилив'.

Обозначение долготы гласных путем удвоения в некоторых словах (в основном в односложных с исходом на согласный) восходит, вероятно, к нидерландской орфографической традиции, принципам которой следовало, в частности, первое авторитетное «Любекское руководство» (1919 г.) [Niederdeutsche Grammatik, S. 32–35] по нижненемецкой орфографии и практически все позднейшие предложенные системы нижненемецкой орфографии. Ср.: *Kloot m* (срннем. *klot*) 'кегельный шар', *Boot n* (срннем. *bot*) 'лодка', *Reeder m* (срннем. *reder*) 'владелец судоходной компании', *Teer m* (срннем. *ter(e)*) 'смола, деготь'. Речь, по-видимому, идет о достаточно позднем влиянии новонижненемецкой орфографической традиции, поскольку в верхненемецких словарях вплоть до XIX в. эти заимствования зафиксированы, например, в формах *Both*, *Rehder*, *Theer* (также *Ther*, *Tär*).

Орфографическая форма слов нижненемецкого происхождения подчиняется принятому в немецкой графике так называемому морфологическому принципу орфографии, так что сохраняется графическое единообразие морфемы. Поэтому в примерах с графическим удвоением долгого гласного в корне в закрытом слоге это удвоение сохраняется на письме и при словоизменении, когда слог становится открытым (ср. ед. ч. *Boot* – мн. ч. *Boote*), что противоречит принципам «Любекского руководства».

2.1.3. Морфология

Заимствования, сохранившие исходную нижненемецкую форму, представляют собой, как правило, непроезводимые слова. *Морфологическая* ассимиляция в рассматриваемой ситуации генетической близости между контактирующими языками предполагает, по-видимому, прежде всего субституцию аффиксов заимствованных слов в пределах вычленимости таковых с точки зрения заимствующего идиома. В особенности

возможность идентификации корневой морфемы (или сочетания «корень + суффикс») на основе прозрачности внутренней формы представляется весьма существенной при развитии семантической самостоятельности лексемы в рамках лексико-семантической системы заимствующего языка. Префиксы в немецком языке в свою очередь обладают значительно большим потенциалом вариации значений, что предполагает их бóльшую потенциальную мобильность при словообразовании.

В исследованном материале происходит обязательное «оверхненемечивание» префиксов при наличии их у заимствованного нижненемецкого слова, даже если корень (или сочетание «корень + суффикс») сохраняет исходную форму. Суффиксы, наоборот, редко подвергаются изменению, что, очевидно, вызвано нечленимостью заимствованного слова с точки зрения носителя заимствующего языка, например: *Reling* *f* (срннем. *regelung* от срннем. *regel* 'планка') 'релинг (парапет, ограждающий палубу)', *Dönkes* *pl.*, *Döntje* *m, n* (димиутивы от срннем. *don* – 'мелодия') 'веселая история, анекдот'.

Однако суффикс прилагательного *-lich* во всех случаях отражается как *-lich*: *masklich* (срннем. *makelik*) 'идуший ровню, без качки (о судне); удобный'. То же касается и упомянутой выше синкопы безударного в глагольных суффиксах. В исследованном материале представлен весьма ограниченный набор префиксов и приставок (*aus-*, *an-*, *ab-*, *be-*, *ge-*, *ver-*): *Auslucht* *f* (ннем. *Utlucht*) 'эркер, выступ (здания)', *Verdeck* *n* (срннем. *vordecke*) 'палубное перекрытие', *ausbüxen* (ннем. *utbucksen*) 'давать тягу, пуститься наутек'.

Параллелизм аффиксов доказывает также, что благодаря типологической близости обоих рассматриваемых идиомов внутренняя форма нижненемецких заимствований является достаточно «прозрачной» и границы между корнем и префиксом легко могут быть определены. Кроме того, система аффиксов ниже- и верхненемецкого языков характеризуется значительным параллелизмом, то есть практически для каж-

дого нижненемецкого аффикса имеется формальное соответствие в верхненемецком: ннем. Af- / внем. ab-, ннем. vor- / внем. ver- и др.

Морфологическая ассимиляция предполагает также включение заимствованной лексики в систему словоизменительных парадигм заимствующего языка. Сравнение отнесенности существительных по родовому признаку оказалось невозможным из-за отсутствия соответствующих помет в словаре средненижненемецкого языка [SchL, L]. Однако четко прослеживается тенденция соответствия грамматического рода заимствованных существительных определенному роду в зависимости от суффикса / исхода основы. Так, корневые существительные относятся, как правило, к мужскому и к среднему роду: Koog *m* (срннем. koch) 'прибрежная полоса, отделенная от моря плотинами'. Тем не менее, встречаются и примеры таких существительных женского рода: Karn *f* (срннем. karn) 'маслобойка'.

Лишь 6 существительных с основой на -e относятся к мужскому роду. Все они обозначают лиц мужского пола (в одном случае – животное) и относятся к слабому склонению или сохраняют нижненемецкую парадигму множественного числа на -s; ср.: Smutje *m*, pl. Smutjes (ннем. smutje – 'грязнуля') (шутл.) 'судовой повар, кок'; Welpe *m* (-n) (срннем. welp) 'щенок'.

Множественное число на -s сохраняют 19 существительных из нашего корпуса, причем 8 из них имеют параллельные формы множ. числа на -e или -en: Dutt *m* (-s или -e) 'пучок, узел (волос)', Gording *f* (-s) '(мор.) гордень'. Встречающийся в выборке трижды суффикс -ing, хотя и не заменяется соответствующим ему -ung, тем не менее, всегда определяет отнесенность существительного к женскому роду.

Для ряда заимствований из нижненемецкого характерны колебания в грамматическом роде. Так, 9 существительных относятся к мужскому/среднему роду, одно к мужскому/женскому и одно к среднему/женскому: Schapp *m*, *n* 'шкаф', Vommel *m*, *f* 'помпон', Nock *n*, *f* '(мор.) нок – рея'. При этом каждый из ва-

риантов имеет словоизменительную парадигму в соответствии с системой заимствующего языка.

Такого рода колебания, вероятно, были еще более многочисленными до окончательной кодификации лексического стандарта. Как и исконно верхненемецкие существительные, они могли в нововверхненемецкий (и отчасти уже в средневерхненемецкий) период переходить в другие словоизменительные парадигмы. Этому должна была способствовать неуверенность при отнесении «чужих» лексем по родовому признаку, а также частая редукция и апокопа безударных окончаний, ср.: *Groden m* (срннем. *grode*) 'маршевая низменность' и *Hafen m* (срннем. *havene*) 'порт, гавань'.

Ни одно зафиксированное односложное или корневое двусложное прилагательное не образует степеней сравнения при помощи умлаута корневого гласного.

Лишь глагол *wringen* относится к группе сильного спряжения, что, вероятно, подкрепляется его формальным (основанным на этимологическом родстве) сходством с сильным глаголом *ringen* 'бороться': *wrang*, *gewrungen*. Все остальные глаголы, представленные в выборке, являются слабыми.

Итак, сравнение средненижненемецкой формы с ее реализацией (транспонентом) в лексическом стандарте показывает, что большинство заимствованных корней сохраняет исходную форму. Тем не менее, некоторая часть заимствований подверглась фонетической и, еще реже, орфографической ассимиляции, то есть подверглась изменениям в соответствии со структурными закономерностями заимствующего идиома. Такого рода формы можно отнести как к следствию гиперкорректного употребления исконной нижненемецкой лексики населением с недостаточной языковой компетенцией, так и к тенденциям осознанного пуристического ассимилирующего подхода к «чужеродным» формам.

Сравнение доказывает, что внутренняя форма заимствованного нижненемецкого слова еще различима, что особенно

вероятно в языковой ситуации диглоссии. Практически все представленные в выборке суффиксы являются одно- или двухфонемными («легкими») и имеют полностью идентичный аналог в верхненемецком или подвергаются незначительному фонетическому изменению по принципу звуковой субституции. Параллелизм префиксов, очевидно, осознается и носителями языка более четко в связи с их более «яркой» семантикой. Они во всех случаях заменяются верхненемецкими фонетическими и смысловыми аналогами.

В то же время нижненемецкие заимствования практически полностью включены в систему распространенных (базовых) верхненемецких словоизменительных парадигм. Суффикс множественного числа *-s*, традиционно трактуемый как заимствованный нижненемецкий элемент и распространенный в обиходно-разговорном языке, в нашей выборке почти не представлен.

2.2. Особенности развития исходного значения заимствований

Словарный фонд языка на любом отрезке существования представляет собой систему, составные элементы которой оказываются в зависимости от других элементов системы. Диахроническое развитие лексики можно представить как непрерывную смену связанных отношениями преемственности лексических систем, подчиненную определенным закономерностям. Изменение в составе или структуре элементов лексической системы вызывает подвижки внутри нее, поскольку элементы системы включены в системные отношения друг с другом.

Процесс заимствования особенно показателен с точки зрения иллюстрации системных процессов в лексике. Он обусловлен целым рядом действующих, часто параллельно, причин и подтверждает такую характеристику лексической системы, как ее открытость. Благодаря заимствованию новых элементов,

лексем с существующим в исходной системе набором значений, происходят сдвиги и в структуре значений в заимствующей лексической системе.

Тщательный анализ семантических характеристик слов в исходном и заимствующем языке во многих случаях свидетельствует об их нетождественности. Лексема в исходном языке обладает некой формой, с которой ассоциируется определенный набор значений. Как форма, так и значение лексемы претерпевают изменения в результате переноса в другую систему в большей или меньшей степени. Формальная и содержательная ассимиляция к параметрам заимствующей системы зависит, в первую очередь, от уже существующей структуры, которая принимает одни и отвергает другие элементы. В результате лексема заимствуется в несколько иной форме и, особенно часто, с измененным объемом значений.

В рассматриваемом случае трансферта лексики из нижне-немецкого в верхне-немецкий формальные изменения заимствованных лексем из-за типологической близости идиомов могли быть невелики. Тем больший интерес вызывает констатация изменений семантической структуры лексических единиц в результате заимствования. Для установления степени их тождественности нами было предпринято сравнение объема значений средненижне-немецких лексем, в той мере, в какой он представлен в словаре средненижне-немецкого языка А. Люббена, и объема значений их рефлексов в современном немецком языке, исходя из данных словаря DUW.

При оценке результатов такого сравнения оказывается необходимым учитывать ряд субъективных факторов, к сожалению, снижающих его научную объективность. Во-первых, словарь А. Люббена исходит из имеющихся данных средненижне-немецких памятников, то есть ограничивается зафиксированным корпусом лексем и набором их значений. Многие исследователи указывают на некоторую жанровую односторонность средненижне-немецких источников, на их ориентированность

на утилитарность и формализованность торговых и юридических текстов. Соответственно, он далеко не во всем коррелирует с корпусом словарей современного немецкого литературного языка и с их объемом и корпусной базой. Так, основой для сравнения послужили лишь 675 лексем (или 74,8 % выборки), для которых словарь А. Люббена указывает их средненижненемецкое значение.

Следовательно, *во-вторых*, представляется сложным достаточно обоснованно доказать, что то или иное значение возникает или изменяется в результате воздействия самой заимствующей системы. Вероятно, что в словарь А. Люббена по объективным причинам не включены некоторые значения, которые бы позволили говорить о сохранении или изменении структуры лексико-семантических вариантов заимствованного слова. Только в случае исчезновения исходного значения можно говорить о том, что оно на каком-то этапе развития / функционирования языка оказалось более не востребованным, исчезло или трансформировалось.

В-третьих, данные названных двух словарей являются своего рода двумя крайними точками, фиксирующими начало и конец произвольно выбранного отрезка истории развития значений заимствованных из нижненемецкого слов. Некоторые, часто весьма скудные, фрагментарные указания на значение отдельных лексем встречаются в этимологических словарях или в специальных исследованиях, посвященных истории слов.

Наконец, *в-четвертых*, в случае хронологически позднего заимствования вообще возможно лишь косвенно опираться на данные словаря средненижненемецкого языка, поскольку источником лексики становятся часто весьма отличные от него новонижненемецкие диалекты.

Таким образом, сравнение объемов значений базируется на неравноценных источниках и лишь отчасти учитывает промежуточные стадии развития, или синкретизм значений отдель-

ных лексем. Кроме того, сравнение затрудняется тем, что в случае возникновения полисемии при формировании структуры лексико-семантических вариантов лексемы различные значения иногда возникали в результате разных процессов развития значения. Тем не менее, оно позволяет дать ответ в целом на вопрос о доминирующем направлении, о тенденциях развития значения заимствований.

Традиционно в рамках исследования проблем динамики лексического значения рассматриваются три вида изменения значения на основе логической классификации:

- 1) *расширение значения;*
- 2) *сужение значения;*
- 3) *перенос значения (метафора, метонимия).*

Примеры *расширения значения* в конкретном случае не всегда легко отличимы от переноса значения, поскольку использование слова в переносном смысле как раз и становится причиной расширения объема значения. В качестве критерия для идентификации первого вида развития значения предлагается утрата словом первоначального более узкого значения в пользу более широкого, то есть развитие от конкретного к абстрактному. Но такие примеры в выборке весьма немногочисленны (7 лексем, или около 1 % подвергнувшегося анализу лексического корпуса). Сюда можно отнести глагол, широко распространенный как термин средненижненемецкого юридического языка, *verfahren* (срннем. *vorgaren* – 'проводить расследование, узнавать, спрашивать'), в общенемецком языке получивший более общее значение 'действовать, поступать каким-л. образом'.

Нижненемецкое существительное *lorck* 'жаба' с XVII в. зафиксировано в верхненемецком ареале (в словаре Ю.Г. Шоттеля в 1663 г. *Lorch, m*, однако позднее у Фриша как *Lork*). В 1815 г. оно было использовано Л. Океном в форме *Lurch, m* для обозначения животных отряда земноводных, или амфибий, в том числе включающего и жабу обыкновенную (лат. *bufo bufo*). В этом значении лексема вошла в терминологический аппарат

зоологии, утратив в литературном языке исходное частное значение и обозначая в форме мн. числа *Lurche* амфибий или земноводных в целом.

Несколько многочисленнее в исследованном лексическом материале представлены примеры *сужения*, или *конкретизации* значения (всего 22 единицы из 675 проанализированных, или 3,3 %). Исходное общее значение в этом случае уступает место более конкретному. Так, *Takel n* '(мор.) такелаж; полиспасть' в средненижненемецком означает не только судовое оборудование, но и инструмент любого рода. Существительное *Fleet n* (срнн. *vlet*) изначально означало всякого рода проточный водоем. Благодаря тому, что в севернонемецких городах словом *Fleet* назывались судоходные каналы, по берегам которых стояли жилые или хозяйственные постройки или проходили узкие тротуары, лексема стала использоваться для обозначения исключительно такого рода каналов и прилегающих улочек, например, известные в центре Гамбурга *Nikolaifleet*, *Alsterfleet*, *Bleichenfleet*, *Brooksfleet*, *Kehwiederfleet*, *Dovenfleet*.

Очень часто в примерах сужения значения сфера употребления исходной лексической единицы ограничивается при заимствовании. Она становится частью профессиональной лексики той или иной отрасли. В то же время тенденция к проникновению профессиональной лексики в повседневный обиход делает часть этой лексики довольно употребительной.

Так, существительное *Umsatz m* '(экон.) оборот; (хим., физ.) обмен, превращение, конверсия' приводится в словаре А. Люббена (срннем. *ummesat*) в общем значении 'обмен'. В современном языке оно широко распространено в области коммерции и в этом качестве входит и в основной словарный фонд, а также является термином химической и физической наук, в качестве которого оно не имеет широкого распространения.

Большой объем лексики, относящейся к так называемой «морской лексике» (нем. *Seemannssprache*, профессиональный язык и жаргон морского дела), обуславливает, в частности,

обогащение данной терминосферы лексемами нижненемецкого происхождения, испытавшими конкретизацию значения.

Так, глагол *lichten* (от срннем. *licht*, ср. нем. *leicht* 'легкий') 'поднимать' в современном немецком языке сохраняет только частные значения 'разгружать судно' и 'поднимать (якорь)' в сочетании с существительным *Anker m.*

Глагол *vertonen* (срннем. *vor-tonen* – 'показывать, учить', ср. *Topbank f* 'прилавок' (букв. 'полка для демонстрации товара') получает специальное значение в области морской навигации. В общенемецком языке он обозначает 'изображать береговой ландшафт на морских картах; рисовать с моря вид берегового ландшафта'. Данное значение является узкоспециальным в картографии и распространено значительно менее, чем известные омонимичные глаголы со значением 'перекладывать на музыку' и 'обмазывать глиной' и их производные. Его не регистрируют использованные в данном исследовании этимологические словари, так же как и словари Аделунга, Кампе или Вайганда/Хирта.

Конкретизация значения произошла у существительного *Watt n* 'ватты; береговая полоса, отмель, затопляемая приливом' (от срннем. *wat* 'место, которое можно преодолеть вброд', ср. нем. *waten* 'идти вброд'). Слова *wat* в значении 'брод' и *waten* 'продвигаться по воде' зафиксированы уже в древневерхненемецком. Однако в литературный язык лексема приходит из нижненемецкого лишь в XVII в. (впервые зафиксирована в «Галло-германо-латинском словаре» Н. Дуца в 1664 г.) и получает частное значение – 'североморское мелководье, с которого вода уходит во время отлива'.

Единственным в общенемецком языке сильным глаголом нижненемецкого происхождения является упомянутый *wringen* с исходным значением 'вращать, поворачивать'. Ему соответствует верхненемецкая форма *ringen*. В результате сужения значения глагол приобрел семантику 'выжимать', утратив при этом первоначальное более широкое значение.

Конкретизация значения нижненемецкой лексемы при заимствовании ее в лексическую систему немецкого лексического стандарта может быть объяснена тенденцией к четкости выражения (дифференциации средств номинации) через обогащение лексикона и, с другой стороны, стремлением избежать излишней полной синонимии в случае, если единица с подобным значением в системе уже присутствовала. В относительно сложившейся системе вновь заимствуемая лексика часто вытесняется в сферы с ограничением употребления, в частности в терминологию.

Нивелирующее воздействие лексико-семантической системы обнаруживается также при анализе примеров переноса значения. Вообще примеры переноса значения составляют абсолютное большинство среди всех видов развития лексического значения нижненемецких слов в результате заимствования (среди проанализированных 675 лексем к этому типу развития значения можно отнести 131 единицу, то есть 19,4 %). В эту группу были отнесены все единицы, в семантической структуре которых были выявлены лексико-семантические варианты, возникшие на основе *метафорического* или *метонимического* переноса. Многочисленность этой группы вызвана тем, что в нее вошли как единицы, утратившие в общенемецком языке исходное значение, получив на основе прежнего новое, так и сохранившие исходное и получившие в результате переноса дополнительное значение.

Показательным примером переноса значения может служить пара заимствованных глаголов *blöken* и *bläken*, которые являются фонетическими вариантами, восходящими к срннем. *bleken* 'блеть; лаять'. Вариант *blöken* в современном немецком языке сохранил значение 'блеть', утратив второе значение, которое сохранилось в нижненемецких диалектах. Кроме того, на основе первого значения возникло, очевидно, более близкое ему значение 'мычать'. Вариант *bläken* на основе метафорического переноса получает новое значение 'громко плакать; кри-

чать' с негативной окраской. Исходное значение утрачивается полностью. Так фонетические варианты (обе формы регистрируются в XV–XVII вв. в верхненемецком языке с этимологическим значением 'лаять, блеять') «разводятся» с помощью дифференциации значений.

На основании аналогии между подъемом грузов и пыткой на дыбе возникает разговорный глагол *triezen* '(за)мучить, надоедать; дразнить' (СЛР, с. 684). Нижненемецкий глагол *trissen*, *tritzen* означал 'поднимать или опускать с помощью каната', ср. сринем. *trisse* 'подъемный канат'. Еще словарь Кампе указывал на исходное значение как на нижненемецкий регионализм, но новое значение в словаре не представлено.

Исходное значение сочетается с новым, переносным в лексеме *Finne f.* Сринем. *vinne* приводится в словаре А. Люббена в значении 'плавник (рыбы)'. Словарь DUW уточняет это значение как 'спинной плавник акулы или кита' и добавляет переносное – 'боек (заостренная часть) молотка'. Основанием для возникновения переносного значения стала заостренная форма данной части инструмента, напоминающая плавник рыбы.

Сходство с плохо поддающимся обработке рубанком куском (брусом) древесины, на поверхности которого образуются загибающиеся стружки, послужило образной основой для прилагательного *überspönig* (сринем. *spön* – 'дощечка, стружка, лучина', ср. *Rotspon m* 'красное вино', т. е. красное вино, выдержанное в бочках) со значением 'эксцентричный, сумасбродный'. Прилагательное распространено только на севере Германии, где сохраняется его диалектный аналог *overspöönisch* с дополнительным значением 'высокомерный'.

Формальное сходство послужило основой метафорического переноса при изменении изначального значения лексемы *Tüte f*, восходящей к сринем. *tute* 'рог'. Старое значение представлено в фонетическом варианте *Tüte f* 'гудок, звуковой сигнал', новое значение – 'упаковка в форме воронки, кулек, колпачок' стало применяться, в частности, и к вафельным стаканчикам для мо-

роженного, к легким (бумажным или пластиковым) сумкам прямоугольной формы. Далее по аналогии в разговорном языке возникает значение 'прибор для определения уровня алкоголя в организме'. Еще одно значение – 'тип, человек, воспринимаемый с пренебрежением' (СРЛ, с. 689), вероятно, основывается на семе 'имеющий малую ценность, незначительный, ничтожный' (ср. фам. *Tütendreher m* 'заключенный').

В нашей выборке представлены многочисленные случаи метонимии на основании смысловой (логической, по смежности) связи определенного рода между исходным и новым значением у заимствования. В плане общей типологии исследователи различают метонимию каузального, локального, атрибутивного, темпорального видов, отмечая ее продуктивность и при национально-региональном варьировании немецкого языка [Дубинин, 1993, с. 54–56]⁴².

Так, например, в студенческом жаргоне слово *Ulk m* (срнем. *ulk* – фам. 'несчастье, беда, напасть'; в этом же значении в Бременском словаре Рихая в 1755 г.) в XIX в. получило значение 'веселье, разгульное безобразие', видимо потому, что такого рода студенческое времяпрепровождение оказывалось подлинной напастью для окружающих. Основой для переноса значения в данном случае является смысловое замещение процесса и его результата (СРЛ, с. 692: *ulkig* 'странный, потешный').

Аналогичное развитие значения на основе метонимии наблюдается в лексеме *Beute f* 'добыча, трофей, приз'. Первоначально срнем. *bute* означало 'обмен, дележ' или то, что подвергалось дележу. Поскольку трофей или добыча, как правило, распределялись между всеми добытчиками или раздавались в качестве награды, результат дележа получил то же наименование. Словарь Аделунга приводит, в частности, указание на то, что сочетание *in die Beut kommen* в обиходе региона Люне-

---

⁴² См. также: Бондаренко М.В. Типы метонимического переноса и проблемы их системного описания (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

бурга сохраняло в конце XVIII в. свое прежнее значение 'подлежать разделу, раздаче'.

Метонимический перенос стал основой развития значения лексемы *Bask f* (срнем. *bak* – (деревянная) миска, корыто). В настоящее время лексема имеет несколько значений, причем все они восходят к исходному. Первое значение единицы *Bask f* – 'деревянная миска, в которой подается еда команде корабля'. Отсюда развивается значение 'группа из 6–10 матросов, которые в продолжение всего плавания едят вместе', поскольку раньше они ели из одной большой миски, а в настоящее время просто за одним столом. Такой стол тоже называется *die Bask*. Наконец, тем же словом называется надстройка на носу корабля, где размещались за трапезой матросы. Признаком, на котором основывается перенос значения, каждый раз оказывается пространственная смежность, причем для обозначения корабельного помещения используется уже подвергшееся метонимическому переносу значение. Хотя первое значение не имеет в словаре DUW пометы «устаревшее», очевидно, что на флоте больше не пользуются деревянными мисками.

Аналогичное совмещение исходного значения и переносного значения, возникшего в результате метонимии, наблюдается в структуре лексико-семантических вариантов лексемы *Knick m* 'надлом, сгиб'. Кроме этого, засвидетельствованного еще для средненижненемецкого периода, значения фиксируется второе, переносное значение 'живая изгородь', поскольку ветки образующих ее растений надламывались, чтобы обеспечить их лучшее переплетение. Ср. также разг. *Knickebein, n* 'подвернувшаяся нога' [СРЛ, с. 394].

Процесс заимствования, как показывает сравнение, не обязательно сопровождался изменением исходного значения лексемы. Значительная часть проанализированных случаев демонстрирует полную идентичность значений, указанных в словаре средненижненемецкого языка и в словаре DUW.

Таких семантически устойчивых лексем в результате анализа выявлено 515, что составляет 76,3 % подвергшейся смысловому анализу части исследованной выборки. В первую очередь это существительные и глаголы с конкретным значением или реалии северно-немецкого быта, например: *Hafen m* 'гавань, порт', *Wurf f* 'насыпной обитаемый холм среди приморских маршей'. Региональные реалии часто отмечены словарной пометой (nordd.). Часто параллелизму исходного и современного значений сопутствуют другие пометы, свидетельствующие об ограничениях в их употреблении. Как правило, это профессиональная лексика, основную массу которой составляют термины морского дела (см. *Reep n* 'трос, канат' от срннем. *ger(e)* с тем же значением), обиходно-разговорная лексика или архаизмы (*schmuck* 'красивый, изящный' от срннем. *smuk*).

В аспекте изменения исходного, зафиксированного для средненижненемецкого периода, значения оказалось возможным проанализировать практически 3/4 всего исследованного лексического материала. Результаты анализа представлены в табл. 1:

Таблица 1

Развитие исходного значения нижненемецкой лексики

Тип деривации	Расширение значения	Сужение значения	Перенос значения	Неизменное значение	Всего
Общее число ЛЕ	7	22	131	515	675
% от общего числа ЛЕ	1	3,3	19,4	76,3	100
	всего 23,7				

Таким образом, диахронический семантический анализ (в тех пределах, что оказались возможными) показывает *доминирование устойчивости* структуры лексико-семантических вариантов лексики, заимствованной из нижненемецкого. Такого рода устойчивость, очевидно, связана со специализацией сфер употребления заимствованной лексики (региональный, профессиональный, обиходно-разговорный узусы) и, в связи с этим, с заметной тенденцией к моносемии.

Лишь незначительную роль играют процессы генерализации и конкретизации значения. Как правило, диахроническое развитие значения связано с метафорическим, но, еще чаще, с метонимическим переносом. Метонимия также активно используется для образования новых значений в рамках структуры значений одной лексемы, то есть является важным средством формирования полисемии как в исследуемой лексической сфере, так и в общенемецком словарном фонде.

2.3. Динамика заимствования в хронологическом аспекте

Трансферт лексических единиц из лексической системы языка-источника в таковую принимающего языка лишь в весьма упрощенной форме можно мыслить как одномоментное явление. Новая лексема становится частью системы, лишь получив некоторое распространение в качестве принятого коммуникативным сообществом знака, обладающего определенным содержанием в рамках данной системы. Причем в случае заимствования на первый план, по-видимому, выходит именно невозможность с точки зрения говорящего/пишущего заменить иноязычное слово эквивалентом, существующим в родном языке или созданном по правилам словообразования родного языка.

Причины избирательного предпочтения иноязычной лексики могут быть различными. Наиболее очевидным основанием является изначальное отсутствие в заимствующем языке слова

в связи с отсутствием соответствующего денотата (понятия) в сфере непосредственного опыта коммуникативной общности. Естественно, что, столкнувшись в ходе расширения опыта, вызванного развитием общественных отношений, с новыми понятиями, носители заимствующего языка часто вместе с содержанием нового для них понятия перенимают и его форму. Примеры тому многочисленны даже в языках, традиционно известных сильными пуристическими тенденциями их нормализаторов.

Склонность к употреблению иноязычных слов может быть обусловлена также культурным или экономическим доминированием регионов, где распространен язык-донор, что делает заимствования из него «модными» словами, или социальным престижем дающего языка (в рассматриваемых в данной работе нижненемецком и общенемецком престижность последнего стала одной из важнейших причин утраты нижненемецким статуса литературного языка).

С социолингвистической точки зрения ситуации двуязычия, однако, даже при существенном доминировании одного из идиомов влияние редко бывает однонаправленным. Менее престижный контактирующий идиом становится источником лексики, которая с точки зрения членов данного коммуникативного сообщества более предпочтительна по какой-либо причине по сравнению с аналогом из престижного идиома. Такой причиной может быть подчеркивание своей региональной принадлежности («локальный патриотизм»), наличие у заимствования особого дополнительного денотативного и/или коннотативного значения по сравнению с другими имеющимися сходными по значению лексемами и др.

Таким образом, лексическому заимствованию (понимаемому как включение слова в лексико-семантическую систему языка) должно предшествовать его практическое употребление по крайней мере частью коммуникативной общности по причине престижности/моды, недостатка средств выражения, особен-

ностей передаваемой семантики или, что весьма распространено при языковых контактах, недостаточной коммуникативной компетенции. Такое коммуникативно обусловленное употребление позволяет, по-видимому, говорить о сложности точной хронологической атрибуции заимствований.

Тем не менее, в специальной литературе, и в первую очередь в этимологических и исторических словарях, обычны указания на время появления слова, время заимствования и даже называются конкретные имена исторических лиц, благодаря которым то или иное слово получило распространение в языке (особенно это характерно для словаря Фр. Клуге). Проблема соотношения растянутого во времени процесса ассимиляции заимствования с хронологической канвой требует упоминания методологических особенностей истории языка (в частности, истории отдельных слов).

Этимология опирается в анализе исходных форм и значений, их развития и в хронологической привязке на данные письменных источников, во всяком случае они давали основной материал для исследования до появления звукозаписывающих устройств. Поэтому написанная история слов (словари, научные исследования) есть, по сути, история письменной их фиксации. Конечно, это не касается восстановленных на основе закономерных формальных соответствий праформ, которые не могли быть засвидетельствованы в письменных источниках. Вынужденная ориентация на зафиксированные на письме памятники с необходимостью делает всякую периодизацию (в том числе лексических заимствований) весьма относительной. Такая временная характеристика представляет собой по сути лишь хронологическую атрибуцию письменной фиксации лексики.

Так, схема, предложенная В. Зандерсом (см. Приложение 7), в упрощенной форме показывает зависимость исследовательской базы исторических лингвистических исследований от временной удаленности исследуемого периода. Основной тезис,

выводимый из схемы: чем более ранний период рассматривается, тем меньше сохранившихся памятников, т. е. материала для диахронических исследований. Критерием появления слова становится время его первоначальной письменной фиксации, критерием момента заимствования – время, когда оно впервые фиксируется в заимствующем идиоме.

Этимологические исследования призваны проследить диахроническое развитие слов с формальной и содержательной сторон. Однако не менее важными представляются для них и факты внешней истории. Иногда именно они дают необходимую прямую или косвенную информацию о времени заимствования. Диахрония освоения объектов материальной культуры, роль исторических событий и языковой авторитет личностей могут быть привлечены для косвенной хронологизации лексики.

Нижненемецкий «материал» в общенемецком лексиконе обнаруживает при этом свои особенности и сложности. Так, известная лексема *Kogge* *f* 'ког, (ист.) ганзейское судно' обозначает определенный тип широких, округлых торговых и военных парусных судов с высокими надстройками на носу и на корме, бывший основой морского господства Ганзы в XIII–XV вв. на Балтике и в Северном море. В XIII в. засвидетельствована нижненемецкая лексема, изначально обозначавшая корабль для ловли сельди. До XV в. она вытеснила соответствующую верхненемецкую форму *dvni. (heri)chohho* (ок. 1100 г.), *свн. koske, kuske*. Таким образом, заимствование произошло в период с XIII по XV вв., но более точной даты, по-видимому, получить объективно невозможно.

Рассмотренный пример отражает сложности, возникшие при попытке соотнести заимствование нижненемецкой лексики в немецкий язык с конкретными историческими периодами, эпохами.

Часто источники, содержащие этимологические данные, указывают только время первой фиксации в верхненемецких

памятниках, реже – время фиксации в собственно нижненемецком. Исторический словарь Вайганда/Хирта, как правило, указывает на вокабулярии, словари, и реже художественные произведения, в которых впервые встречается слово. Некоторые из них являются нижненемецкими, прочие верхненемецкими. Появление нижненемецкого слова в верхненемецком источнике представляется лишь косвенным доказательством факта заимствования.

Аналогичный прием был использован при хронологической атрибуции некоторой части многочисленных терминов морского дела. Профессиональная лексика отражена в этимологических и исторических словарях в незначительной степени. Помощь в этом случае оказал словарь морской лексики Фр. Клуге⁴³, который представляет собой обширный справочник с взятыми из источников разного времени примерами, в частности районов Балтийского и Северного морей. Однако и этот словарь исходит хотя и из представительного, но все же ограниченного набора источников и, соответственно, не может претендовать на полную объективность.

Наконец, следует обязательно иметь в виду, что речь, естественно, не может идти о заимствовании лексики из нижненемецкого литературного языка в общенемецкий литературный язык в обыденном понимании. Немецкий общенациональный литературный язык – явление довольно позднее, сформировавшееся в своей основе к XVII–XVIII вв. Нижненемецкий литературный язык вообще, согласно современным исследованиям, на всех этапах своего развития скорее «удобная» абстракция, чем историческая реальность, хотя есть основания, как отмечалось, считать любекскую норму средненижненемецкого своего рода литературной квазиформой. Скорее можно говорить о письменной фиксации в верхненемецких источниках нижненемецкой лексики из-за ее коммуникативной востребованности (нет лексемы

---

⁴³ Первое издание: Kluge Fr. Seemannssprache. Halle, 1911.

с таким значением в своем языке, распространенная лексема, «модное» слово, стилистически маркированная, экспрессивная лексема) или из-за наблюдавшегося в ранней лексикографии стремления составителя словаря охватить максимальное число региональных форм (например, словарь Фриша 1741 г.). Хотя в этом случае вероятность последующего вхождения регионализма в лексический стандарт также зависит от его необходимости для реализации коммуникативных потребностей в рамках литературного языка.

Этимологический анализ исследованного в данной работе материала на основании этимологических словарей Клуге, Пфайффера и этимологического словаря серии Дуден (иногда оказывалось возможным использовать этимологические словари нидерландского, древнескандинавского и фризского языков), а также исторического словаря Вайганда/Хирта и словаря морского дела Клуге позволил приблизительно определить время заимствования 775 лексем, представленных в выборке, что составляет 85,8 % выборки. 128 лексем (или 14,2 %) не имели в словарях никаких данных о хронологии их заимствования. Возможно, причиной этого отчасти является их меньшая распространенность, на что в словаре DUW косвенно указывают словарные пометы (landsch.), (ugs.), (nordd.), например: fuddeln (landsch.) 'плохо работать, халтурить', pütschern (nordd., ugs.) 'отвлекаться от работы по пустякам', küseln (nordd.) 'кружиться, завихряться (о ветре)'. Этимологические словари, не преследуя цель полного охвата лексики общенационального языка, зачастую не включают в свой корпус лексику, имеющую ограниченное распространение, и многие термины.

Атрибуция по времени заимствования следует наиболее распространенному в этимологических словарях способу, т. е. указанию предполагаемого столетия заимствования. Столь широкие временные рамки не всегда оправданны, поскольку, как указывалось выше, время первоначальной письменной фиксации часто известно точно. Если же считать,

что интеграция в лексическую систему заимствующего идиома представляет собой долговременный процесс, то эти рамки представляются более соответствующими специфике рассматриваемого явления.

Исходя из поставленных в данном исследовании задач представляется целесообразным рассмотреть полученные результаты хронологической атрибуции заимствований в связи с динамикой условий, в которых протекал рассматриваемый контактный процесс. Поскольку самые ранние нижненемецкие заимствования отмечены в XIII в., а самые поздние – в XX в., то изменения в динамике заимствования рассматриваются нами исключительно в этих рамках. Никаких данных о более ранних явлениях трансфера лексики в ходе исследования получено не было, что, тем не менее, не исключает их.

Исходя из специфики контактных процессов возможно выделить три периода в заимствовании лексики из нижненемецкого в верхненемецкий.

Первый (ранний) период охватывает XIII–XV вв., т. е. время от первых зафиксированных заимствований до начала активной экспансии языка верхненемецкого типа в нижненемецкий ареал. Граница до конца XV в. для этого периода, несомненно, достаточно условна, поскольку продвижение верхненемецкого в исторический ареал нижненемецкого длится после этого еще около полутора веков. Первый период является, таким образом, временем, когда между нижненемецким и средне-немецким наиболее регулярно существуют лишь пограничные контакты. Северная Германия, многие города которой были объединены в Ганзейский союз, дистанцируясь от Германской империи и конкурируя с ней, ориентирована на протяжении этого периода на балтийский и североморский регион, хотя известно, что и культура южных немецких земель во многом служила образцом для северных земель.

Начало *второго* периода на основании существенного изменения параметров контактного взаимодействия представ-

ляется целесообразным соотносить с постепенным проникновением языка верхненемецкого типа в официальные сферы общения (городские и княжеские канцелярии, школы и церкви) с XVI в. Этот период характеризуется развитием на севере Германии ситуации активной диглоссии, когда языком повседневного, «домашнего» общения оставался локальный вариант нижненемецкого, а официальные сферы коммуникации требовали владения активно экспандирующим языком восточносредненемецкого образца. В начале этого периода для большинства населения верхненемецкий язык был иностранным, о коммуникативном барьере пишет М. Люгер в «Застольных речах» (1540-е гг.). У. Кнооп указывает с опорой на высказывания современников на то, что нижненемецко-верхненемецкий коммуникативный барьер оставался единственным значительным к XVII–XVIII вв. [Кнооп, S. 36]. Постепенно восточносредненемецкий территориальный вариант литературного языка, перерастающий благодаря определенным условиям в основу общенационального литературного языка, проникает в сферы повседневного общения, все больше вытесняя местный нижненемецкий диалект.

К XIX в. намечается приближение к периоду сложения стандартного языка (Standardsprache), что для представлений о немецком национальном языке знаменуется переходом от идентификации нормы с определенным региональным или социальным узусом к более высокому уровню обогащения и нивелирования возникшего в предшествующие два века благодаря сознательным усилиям предстандарта как системы литературного языка (в частности и лексической). На рубеже XVIII и XIX вв. можно провести условную границу, знаменующую приобретение немецким языком в полной мере статуса литературного языка, обладающего такими релевантными признаками, как наддиалектность, полифункциональность, обработанность, стилистическая дифференциация, тенденция к регламентации, нормализаторская практика.

Характерным для начинающегося примерно к XIX в. *третье*-го периода становится все большая экспансия письменной нормы в сферу повседневной устной речи, где традиционно доминирующие позиции занимал диалект и позднее – в разной степени диалектно окрашенные региональные варианты литературного языка. Движущей силой такого развития становятся особенно заинтересованные в наличии единой общенациональной нормы языка (в первую очередь в области лексики, где региональные различия традиционно особенно сильны) администрация, школа, наука, литература и публицистика. Кроме того, кодифицированная и признанная в качестве предписывающего образца норма должна была тормозить процесс трансфера лексики из локальных и региональных диалектных лексических систем.

Предлагаемая общая периодизация, несомненно, достаточно условна. Она основывается на изменении статуса воспринимающего языка по отношению к исходному языку в рамках контактной ситуации, что должно было привести к изменению параметров заимствования. Но при оценке статистических данных должна учитываться и логика схемы В. Зандерса: из-за меньшего количества сохранившихся письменных памятников раннего периода и их не всегда однозначной атрибуции свидетельств более раннего времени заимствования отдельных лексем могло просто не сохраниться. Результаты статистического анализа по предлагаемой трехчастной схеме выглядят следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Заимствование нижненемецкой лексики в различные исторические периоды

Первый период			Второй период			Третий период	
XIII век	XIV век	XV век	XVI век	XVII век	XVIII век	XIX век	XX век
3 (0,3 %)	12 (1,3 %)	42 (4,7 %)	145 (16 %)	175 (19,4 %)	248 (27,5 %)	123 (13,6 %)	27 (3 %)
57 (6,3 %)			568 (62,9 %)			150 (16,6 %)	

Из таблицы 2 видно, что в первый период количество заимствований равномерно растет каждый век в 3–4 раза. С XVI в. темп роста числа заимствований резко замедляется и не превышает на протяжении всего периода 100 %. Наконец в третьем периоде наблюдается сокращение числа заимствованных лексем сразу на 50 %, а в XX в. – на 78 %. Таким образом, равномерный значительный рост числа заимствований до конца XV в. сменяется поначалу замедленным темпом прироста (однако значительным в абсолютных показателях), а затем и вовсе происходит резкое снижение динамики заимствования.

На первый взгляд, полученные цифры подтверждают обоснованность выделения трех периодов заимствования исходя из условий контакта. Стабильно высокий процент заимствований приходится на период, совпадающий с диглоссией на немецком севере, с одной стороны, и подъемом языка верхненемецкого типа в ранг общенационального литературного языка с активно формирующейся по плюрицентрическому принципу нормой. Сдерживающее влияние нормы ощущается на последнем этапе, когда количество лексем из нижненемецкого падает (впрочем, параллельно с числом говорящих на нем и сокращением закрепленных за ним коммуникативных сфер).

В то же время привлекает внимание столь высокий прирост числа заимствований в начальный период, когда языковой контакт, охватывающий довольно широкие массы населения, ограничивается южной пограничной полосой на стыке со средненемецким ареалом. Вероятно, он отчасти объясняется ростом числа сохранившихся письменных памятников, активизацией экономических и культурных контактов по оси «север – юг». В абсолютных числах общее количество заимствований начального периода не достигает даже половины объема заимствованной лексики только XVI в. в этой связи следует упомянуть в дополнение к уже названным причинам заметный подъем книгоиздания, ознаменовавший эпоху Реформации.

Реформация, в свою очередь, оказала огромное влияние не только на религиозные воззрения, но и на языковые предпочтения населения Германии. Языком реформированной церкви в северной Германии стал язык Библии Лютера, который, как известно, сам как уроженец Айслебена владел и нижне-немецким и средненемецким, благодаря чему не раз прибегал к использованию нижненемецких слов в своих высказываниях и в переводах. Только в исследованном словарном материале (согласно данным этимологического словаря Фр. Клуге) представлены 15 лексем, введенных М. Лютером в литературный узус из нижненемецкого, что составляет 1,7 % выборки (то есть практически столько же, сколько за XIII и XIV вв. вместе). К нижненемецким лексемам, ставшим благодаря работам М. Лютера общелитературными, относятся, например: *Lippe f* 'губа' вместо верхненемецкого эквивалента *Lefze f* '(совр.) губа (животных)', *Stoppel f* 'жнивье, стерня; щетина', *Woge f* 'вал, волна', *schüchtern* 'робкий, боязливый'.

С точки зрения выделения тенденций заимствования в зависимости от периода интересным представляется тот факт, что в XX в. из 27 заимствованных лексем нижненемецкого происхождения 25 имеют ту или иную помету об ограниченном употреблении по территориальному признаку (*reg-dd.*), по принадлежности к профессиональной терминосфере (*Seemannsspr.*) или стилистической маркированности (*ugs.*), (*ugs., abwertend.*)

Словарь фиксирует ограниченное распространение (лишь на севере Германии) таких единиц, как *Bickbeere f* 'черника', *Vommel f, m* 'помпон', *Flappe f* '(разг.) кривой рот', *begöschten* 'успокаивать', *kieken* 'искать (глазами), смотреть' и т. д.

К разговорной лексике относятся существительные *Gewese n* 'манера держать себя (бросающаяся в глаза)', *Schnulze f* 'сентиментальная песня (рассказ, постановка)', *Steppke m* 'карапуз'; глагол *quasseln* 'болтать' и прилагательные *bekloppt* и *doof* со значением 'глухой, тупой'.

Словари АД и С фиксируют три лексемы из заимствований XX века. Помета „*im gemeinen Leben*” характеризует две из них как регионализмы, не вошедшие в лексический стандарт. Составители этих словарей, наоборот, предписывают воздерживаться от их употребления; тем не менее, они и в настоящее время фиксируются как употребительные. Лексема *Bickbeere* f 'черника', являющаяся территориальным дублетом многозначного слова *Heidelbeere* 'черника, голубика, ягодник', известна с XVI века, но в лексический стандарт входит, по свидетельству этимологического словаря Фр. Клуге, лишь в XX веке. Единицы *Hümpel* 'стопа, куча' и *Back* f '(деревянная) миска', позднее 'стол для корабельной команды' претерпевают развитие значения (последняя также фиксируется в словаре Камне в другом грамматическом роде).

Столь значительная часть заимствований, употребление которых ограничено тем или иным образом, по-видимому, отражает тенденцию современных лексикографических источников к включению такой лексики в корпус словаря наряду с общелитературной. Одновременно можно говорить о практически полном отсутствии заимствований нейтральных в указанных отношениях лексем.

Для сравнения: из 42 лексем, характеризующихся как заимствования XV в., только 2 имеют соответствующую помету как коллоквиализмы: *Schwiemel* m 'головокружение, обморок; хмель' и *blaffen* 'тявкать, лаять'. *Bönhase* m '(ист.) ремесленник-одинок (не входящий в цеховую организацию); кустарь-самоучка' распространено на севере Германии. Словарь АД, однако, отмечает, что около трети лексем имеет ограниченное Нижней Саксонией распространение, то есть они получают статус общелитературных уже после XVIII в., например: *Laken* n 'простыня'.

Интерпретация данных проведенной хронологической атрибуции сталкивается с целым рядом объективных трудностей, таких как различное количество сохранившихся источ-

ников, зафиксировавших факт заимствования, сама относительная доказательность фиксации в этих источниках как свидетельства включения чужой лексики в лексическую систему ассимилирующего языка. Тем не менее, выделение периодов заимствования на основании различия условий трансферта лексики находит оправдание в общей динамике количества таких единиц. Одновременно учитывается аспект релевантности заимствования для общения в сложившемся уникальном коммуникативном сообществе, узус которого также непосредственно участвовал в формировании общенационального языка.

2.4. Нижненемецкий как язык-посредник

Специфическое географическое положение в центре германского лингвоареала создало для нижненемецкого исторически особые условия для языковых контактов. Уже при гипотетическом выделении праязыковых ареалов диалектных группировок общегерманского пересечение основных границ между диалектными областями приходится на северно-немецкую зону, на будущий ингвеонский регион, то есть на основную часть ареальной базы будущего нижненемецкого. Благодаря этому уже на раннем этапе здесь существовала выгодная возможность контактов (устье Рейна, равнинная приморская зона) со всеми остальными диалектными ареалами. В дальнейшем развитие нижненемецкого на раннем и особенно среднем этапе его истории в значительной степени связано с контактными процессами, которым благоприятствовали как центральное положение нижненемецкого, так и обширные политические и торгово-экономические, транзитные связи региона.

Свидетельством обширных контактов нижненемецкого может служить заимствование в него лексики из других языков. При этом заимствование лексики в нижненемецкий вовсе не обязательно происходило в условиях непосредственного пограничного контакта нижненемецкого с языками-источниками.

Исторические данные свидетельствуют о распространении нижненемецкого на многочисленных территориях вне пределов его замкнутого континентального ареала на севере Германии. В ряде случаев очевидно, что та или иная лексема была заимствована в результате дистантных контактов в рамках обширной торговой деятельности участников Ганзейского союза.

В свою очередь часть заимствованной в нижненемецкий лексики, ассимилированная в его лексико-семантическую систему, оказалась позднее включенной в лексический стандарт уже как нижненемецкая лексема. Можно утверждать, что в этом случае нижненемецкому отводится роль языка-посредника, аккумулировавшего довольно значительное количество заимствованной лексики, которая находит применение при формировании общенемецкой лексической нормы.

При этом представляется целесообразным провести различие между поведением нижненемецкого в условиях языковых контактов и позднейшим верхненемецко-нижненемецким лексическим взаимодействием. Это обусловлено рядом причин. *Во-первых*, очевидна нетождественность временных характеристик, определяющих два рассматриваемых процесса. Период активных языковых контактов между нижненемецким и другими соседними языками является более ранним по времени и может, в основном, считаться завершенным ко времени упадка активной деятельности Ганзейского союза (т. е. к XV–XVI вв.), которая послужила причиной большинства языковых контактов и одновременно основой престижности нижненемецкого. Однако нижненемецкий и позднее исполнял роль посредника на пути иноязычной лексики в лексическую систему литературного немецкого языка. *Во-вторых*, различными представляются модели самого контактного взаимодействия. Нижненемецкий в качестве языка-посредника обогащает свою лексическую систему в первую очередь в процессе внешних контактов в результате торгово-экономической деятельности. Внешние контакты не ведут к полному или даже частичному

вытеснению одного контактирующего языка другим из традиционных сфер общения, то есть к смене языка, хотя перестройки в лексической системе в отдельных случаях могут оказаться значительными.

Уже в Средневековье нижненемецкий включается также в процесс внутренних контактов. В XII в. на колонизированные восточные земли приглашаются нидерландские поселенцы, в первую очередь крестьяне. С восточной колонизацией связано контактное взаимодействие со славянами (после 900 г.), приведшее к возникновению новых восточных колониальных диалектов и практически полной языковой ассимиляции существовавших в этом регионе славянских языков (древнеполабского и, в значительной мере, кашубского и сорбского). Внутренние контакты ведут в ситуации доминирования нижненемецкого к смене языка с включением реликтов субстрата в словарь победившего языка (например, нидерландизмов из диалектов крестьян-переселенцев или славянизмов из языка исторически ранее заселявших восточно-немецкие земли этносов).

Взаимодействие нижненемецкого с немецким литературным языком (а до формирования и кодификации его норм в XVII–XVIII вв. в той или иной мере обработанными формами литературного предстандарта) всегда протекало в условиях внутренних контактов за счет распространения языка верхненемецкого типа в ареале распространения нижненемецкого поначалу в письменной сфере. Процесс вытеснения нижненемецкого начинается уже в XVI в. и ведет к возникновению ситуации диглоссии, когда один из контактирующих идиомов (верхненемецкий) приобретает за счет другого (нижненемецкого) доминирующие позиции в ряде социально престижных коммуникативных сфер. Данные современных исследований свидетельствуют о том, что в ареале распространения нижненемецких диалектов произошла консервация ситуации диглоссии. Полное вытеснение нижненемецкого из всех комму-

никативных сфер не было достигнуто, хотя движение в этом направлении вновь ускорилось в последнее время за счет абсолютного доминирования общенемецкого языка как в официальном, так и в обиходном общении.

Лексический материал, лежащий в основе анализа в данном исследовании, дает, в частности, представление о направлениях и масштабе языковых контактов нижненемецкого с языками, с которыми он имел непосредственное или дистантное взаимодействие. Обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа лексем, которые были выявлены в качестве заимствований в немецкий литературный язык из нижненемецкого, то есть из 903 единиц, 123 лексемы являются, в свою очередь, заимствованиями в нижненемецкий из других языков. Это составляет 13,6 % всего исследованного материала.

Однако вероятно, что было бы неверно делать только из количественных показателей вывод об исключительной контактной активности нижненемецкого. Следует также принимать во внимание семантику такого рода лексикки, транслируемой через нижненемецкий узус. В данном случае необходимо выяснить, заимствуются ли новые для лексико-семантической системы языка-реципиента денотаты и вместе с ними соответствующая лексическая единица (*Sach- und Wortentlehnung*) или заимствованные лексемы имеют уже представленное в системе значение, что ведет к перестройке существующей системы (*Wortentlehnung*). Если речь идет о заимствованиях первого типа, то в процессе их более поздней интеграции в лексическую систему литературного немецкого языка естественно могли заполняться аналогичные лакуны, то есть они могли заимствоваться по тем же причинам, что и ранее в нижненемецкий.

Наиболее значительную часть заимствований, в которых нижненемецкий выступает как язык-посредник, составляют заимствования из *нидерландского*. Они также могут быть разделены на заимствования непосредственно из нидерландского и на заимствования, для которых нидерландский язык в свою

очередь выступает в качестве языка-посредника. Первая группа состоит из 36 лексем, что составляет 29,2 % от всех иноязычных заимствований, представленных в исследованном материале, и 4 % от общего объема выборки. Вторая группа представлена 22 лексемами, то есть составляет соответственно 17,9 % и 2,4 %. Всего из нидерландского в нижненемецкий было заимствовано 58 лексических единиц (47,1 % и 6,4 % соответственно).

Г. де Смет выделяет два канала провикновения нидерландизмов в нижненемецкий: устный и письменный [HNSL, S. 731–753]. В рамках устного канала им рассматриваются три пути заимствования. Первый путь связан с участием нидерландских переселенцев вместе с немцами в колонизации восточных, занятых прежде славянами земель, начиная с XII в. Точные места поселений выходцев из Нидерландов в наше время определить оказывается достаточно трудно из-за последующих процессов диалектного смешения. Однако данные исторических свидетельств и значительное количество диалектной лексики нидерландского происхождения указывают на район стечения рек Эльба и Хафель, а также на возвышенность Флеминг, то есть на земли к западу и юго-западу от Берлина, как на основные области заселения нидерландских колонистов.

Лексика, принесенная с запада в основном переселенцами-крестьянами, охватывает такие тематические группы, как сельскохозяйственная деятельность, инструментарий, организация крестьянского подворья, животные и растения сельскохозяйственного назначения, а также, не в последнюю очередь, особенности местности и гидротехнические сооружения. В частности, уже с начала XII в. жители Нидерландов привлекались к мелиорации маршевых низменностей у рек Эльба и Везер. Однако этимологический словарь Фр. Клуге указывает лишь на лексему *Segge* f'осока' как на слово, взятое из языка нидерландских переселенцев. Вероятно, что она явилась конкретизацией рода разнообразных многолетних трав, растущих по сырым местам (также камыш, сыть и др.).

В эту группу, вероятно, можно отнести лексему *Pantine f* 'тапочка, деревянный башмак' (из фр. *patin* 'обувь на толстой или на деревянной подошве' через нидерл. *patijn*), что косвенно подтверждается ее распространением в восточно-нижненемецком ареале и весьма ранним временем заимствования – уже к XV в. Семантика такой лексемы, как *Miete f* 'скирда, стог; покрытая сверху соломой яма с овощами, бурт' (из лат. *mēta* 'конусообразный стог' [Л, с. 483]), также позволяет предположить ее заимствование в нижненемецкий по этому пути (нидерл. *mijt* 'стог, скирда; куча, груда (зерна); штабель, поленница' [НС, с. 436]).

Второй путь представляет собой дистантное заимствование в силу экономического и культурного превосходства Нидерландов в период их расцвета в XV–XVIII веках. Интенсивные нидерландско-нижненемецкие контакты в результате торговых связей возникают уже с началом ганзейского периода в истории нижненемецкого не позднее XIV в. Через этот канал в первую очередь заимствуется лексика, связанная с морским делом, а также торговыми связями. В выборке значительное число нидерландских заимствований представляет собой именно термины морского дела. Сюда относятся детали корабельного такелажа (голл. *takelage*), например: *Giekbaum m* '(мор.) гик', *Gording f* '(мор.) гордень', *Kausch(e) f* 'коуш (приспособление для укрепления стального подъемного каната в виде кольца с пазом)', *Talje f* '(мор.) таль, компактная подъемная лебедка' и причальные устройства типа *Duckdalbe f* '(мор.) швартовый пал; причальная свая, подпорная стена или эстакада'.

К среднидерландскому восходят также глаголы *labsalben* (срнидерл. *lapsalven* букв. 'смазывать при помощи ветоши'), '(мор.) смолить; смазывать жиром (части такелажа)', *lavieren* (срнидерл. *laveren, loveren*, букв. 'поворачивать к ветру') 'лавировать; изворачиваться'.

В эту группу, вероятно, можно также отнести глагол *ramponieren* (из фр. *ramponner* 'схватить с силой', через срнидерл. *ramponeren*) 'сильно повреждать, портить, приводить

в негодность'. Глагол *ramponieren* был заимствован в немецкий язык во второй половине XVIII в. как понятие, распространенное в языке моряков, в XIX в. начинает употребляться в связи с товарами и лишь позднее в расширительном значении независимо от предмета – также и в разговорном языке в значении 'подорвать (авторитет, здоровье)' [СРЛ, с. 574].

С развитым мореплаванием связаны понятия, обозначающие особенности рельефа береговой полосы, такие как *Кар* *n* 'мыс' (из нидерл. *kaar*, в свою очередь заимствованного из лат. *sarut* через ит. *saro* и далее фр. *sar*), *Klippe* *f* 'утес, риф, подводный камень'. С морскими традициями связано понятие *Карлакен* *m* '(мор.) вознаграждение капитану за провоз груза' (срнидерл. *kar(re)laken* изначально 'материал па новую шанку'). К нидерландским названиям морепродуктов восходят *Granat* *m* '(зоол.) маленькая креветка' (из флам. *grenat*) и распространенная на нижней Эльбе в области Дитмаршен лексема *Kraut* *m* '(собр.) крабы, креветки' (из срнидерл. *crevet*).

Третий путь, согласно Г. де Смету, представляло собой контактное заимствование в зоне пограничного взаимодействия, предпосылкой которого было культурное и экономическое превосходство голландских провинций начиная с конца XVII в. Именно в «золотом» XVII веке Нидерландская республика стала одной из наиболее передовых европейских держав с развитыми торговлей и мореплаванием. Этот путь Г. де Смет называет "Negotie en Religie", т. е. путь "торговли и религии", и подчеркивает его отличие от дистантных заимствований в результате торгово-экономической деятельности на морских путях на Северном и Балтийском морях. Сюда он включает, в частности, проникновение нидерландизмов в нижненемецкий в результате переселения подвергавшихся религиозным преследованиям радикальных сторонников реформированной церкви и сект в Восточную Фрисландию.

Сильные позиции нидерландского купечества и тесные экономические, политические, а в отдельных областях одновре-

менно и религиозные связи с западными соседями обусловили трансляцию множества лексем в приграничные нижненемецкие диалекты. Однако Г. де Смет указывает на тот факт, что большинство заимствованных по этому пути слов не получают дальнейшего распространения на восток и закрепляются в говорах на узкой полосе от Восточной Фрисландии на севере до области к западу от Мюнстера на юге. По этому пути вероятно заимствование в XVIII в. нидерл. *Polder m* 'обвалованная низина; низина, лежащая ниже уровня моря', получившее распространение на пограничных с Нидерландами восточно-фризских прибрежных низменностях.

Это же понятие обозначает лексема *Koog m* 'прибрежная полоса, отделенная от моря плотинами', также заимствованная из нидерландского (ср. нидерл. *sooch*, изначально означавшее 'возвышенность перед дамбой', уже в XV–XVI вв. на нижней Эльбе – *koch*) и распространенная в основном на североморском побережье Шлезвиг-Гольштейна. Корень *Koog*- прослеживается, в частности, в названии города Куксхафен (в 1570 г. зафиксированное в форме *Koogshaven*, т. е., по-видимому, 'гавань на отвоеванных у моря землях' либо 'гавань на возвышенности'). В литературный язык слово *der Koog* попадает благодаря литературной деятельности Т. Шторма (1817–1888) в конце XIX века.

Кроме устного канала заимствования для средненижненемецкого периода оправдано выделение канала заимствования через письменные источники. Однако в отличие от первого канала, сохранявшего свою актуальность в течение нескольких столетий подряд, нидерландский мог оказывать влияние на письменно-литературную форму нижненемецкого лишь до времени угасания нижненемецкого территориального варианта письменно-литературного языка и смены его в официальных сферах языком верхненемецкого типа. Этот процесс в основном завершается к концу XVI вв.

Влияние нидерландского на письменную форму нижненемецкого также осуществлялось различными путями. Наиболее раннее влияние отмечается в ранних ганзейских текстах, в основном из Гамбурга, поскольку город довольно рано поддерживал с Фландрией торговые отношения и, в частности, заимствовал оттуда свое корабельное право. В дальнейшем существенную роль могла сыграть ганзейская контора в Брюгге, центре фламандской торговли, язык которой демонстрирует множество местных черт. Средневековое графство Фландрия как высокоразвитый регион, активно вовлеченный в морскую торговлю в бассейне Атлантики и непосредственно граничащий с развитой северофранцузской Пикардией, существовавшее затем в составе Нидерландов и впоследствии разделенное между Бельгией и Францией, стало проводником романской лексики в нижненемецкий ареал.

С торговой деятельностью Ганзейского союза связано заимствование лексемы *Kontor* и 'контора; торговое представительство'. Французское существительное *comptoir* 'касса, прилавок' (от фр. *compter* 'считать') приходит в XIV в. через пикардийскую форму *contor* в средненидерландский. Уже в XV в. эта лексема зарегистрирована в средненижненемецком сначала в значении 'пульт, прилавок', затем немного позже в значении 'торговое представительство, ганзейская контора'. Из исторических источников ганзейские конторы известны как крупные заграничные торговые представительства, фактории. Условно крайними точками, обозначающими пределы распространения торговой деятельности Ганзы, считаются ганзейские конторы в Лондоне (Стальной двор), Великом Новгороде (Петрово подворье), норвежском Бергене (*Tyskebrygge*) и фламандском Брюгге.

Глагол *liefern* 'поставлять, доставлять' также к 1400 г. получает распространение в качестве понятия ганзейской торговли. Он восходит к лат. *libero*, *-are* 'освобождать' [Л, с. 450], приобретшему в средневековой латыни значение 'отдавать, отсылать', которое сохранилось во фр. *livrer* и было из французского за-

имствовано как срнидерл. *leveren*, затем срннем. *leveren*. Уже в XV–XVI вв. форма *li(e)bern / li(e)iern* встречается в верхненемецких текстах.

Существительное *Rosine f* 'изюминка' попадает в нижненемецкий благодаря сосредоточенной в Гамбурге посреднической торговле изюмом из Голландии. Срнидерл. *rosine* заимствуется в диалектной пикардийской форме *rosin* из старофранцузского и восходит к лат. *rasēmus* 'ягода, виноградаина, лоза' [Л, с. 648].

Латынь и восходящие к ней романские языки являются основными языками-источниками при заимствовании новой лексики в нидерландский, которая позднее проникает в нижненемецкий и в процессе формирования лексической системы немецкого литературного языка находит в ней свое особое место.

В ряде случаев географический путь заимствования проходит через нижнефранкскую область на нижнем Рейне. Так, раннее романское заимствование стфр. *haste* (фр. *hâte*), германское по происхождению, приходит в нидерландский в форме *haast*, откуда через нижнефранкский попадает в нижненемецкий. В верхненемецком источнике слово *Hast f* 'спешка, суэта' впервые употреблено поэтом Г. Ролленхагеном в 1595 г.

Лат. *cortīna* 'свод' → 'занавеска, полог' (нем. *Gardine f* 'гардина, занавеска') [Л, с. 205], встречающееся в этом значении еще в латинской Библии (*Vulgata*), дает диалектную французскую форму *gordene*. К ней восходит средненидерландская лексема *gordine*, которая в конце XV в. зафиксирована в области Клевве и в Кельне в форме *gardyn* со значением 'полог кровати'. В XVII в., впервые в словаре Г. Хениша, эта лексема приобретает статус литературной.

Лексема *Uhr f* 'час, часы' восходит к лат. *hōra* 'время' и к греч. *ώρα* 'час, время' [Л, с. 366]. Позднелатинская форма *ora* 'предел' через стфр. *(h)ore* приходит в средненидерландский, где она зафиксирована как *ure*. С XIV в. это заимствование распространяется из нижнерейнской области как вверх по Рейну, так

и далее в самой нижненемецкой области. Параллельно вплоть до XVI в. существует форма (h)ore (у Лютера как hor(a)). Значение 'часы' является более поздним (в нидерландском языке с XVI в.).

В качестве термина нижнерейнской торговли в нижненемецкий около 1400 г. попадает лексема *Profit* *m* 'прибыль, барыш, выгода'. Направление ее распространения до этого момента следует уже рассмотренной выше схеме от латинского прототипа *profectus* 'прибавление, преимущество' [Л, с. 622] через фр. *profit* 'прибыль' и срнидерл. *profit*. В верхненемецком она появляется не раньше середины XVI в.

В трех случаях романская лексика послужила не источником формального заимствования, а образцом собственно нижненемецких новообразований на романской семантической основе. Существительное *Gegner* *m* 'противник, оппонент; неприятель' (срннем. *gegene*) представляет собой кальку с лат. *adversarius* 'противник' [Л, с. 30] на основе срнинем. глагола *gegenen* 'идти навстречу, встречать', получившую в XIV в. распространение в языке права северной Германии. В верхненемецком эта лексема встречается лишь с XVII в.

Глагол *schwanen* 'казаться', употребляющийся в сочетании с дательным падежом логического субъекта, например, *mir schwant / es schwant mir* 'я предчувствую, мне кажется', согласно этимологическим данным словаря Duden-DUW, является калькой с лат. *mihi olet* 'я чую, чувствую', основанной на созвучии латинского глагола *oleo*, -*re* 'чуть, нюхать' и существительного лат. *olor* 'лебедь' и омонимичного ему *olor* 'запах' (ннем. *swan*, отсюда срнинем. *swanen* 'предчувствоваться, ощущаться') [Л, с. 535, 536]. Несколько другое толкование представлено в этимологическом словаре Фр. Клуге. В нем форма *swanen* возводится к перемещению границы слога в конструкции типа: *es (Gen.) wanet mir*. Предположение о том, что данное выражение основывается на мифологическом представлении о лебеде как птице, предсказывающей будущее, отмеченное в историческом

словаре Вайганда-Хирта, авторами современных этимологических словарей не разделяется. В верхненемецком языке глагол *schwaben* представлен уже в первой половине XVI в.

Подобным образом одно из значений лексемы *Sicht* f' 'предъявление (векселя)', возникшее еще в ганзейский период, восходит к итальянскому торговому термину *a vista* 'по предъявлении' и встречается в формулировках XV–XVI вв. типа *up sichtt* 'по предъявлении', *acht dage nae sichtte der handt schryfft* 'через восемь дней по прочтении письма'. Вслед за нижненемецким это значение в XVI в. приходит в верхненемецкий, например, *nach Sicht des Wechselbrieffs* 'по предъявлении векселя'. В XVII в. развивается новое значение 'срок погашения векселя' (ср. нем. *Wechsel auf lange / kurze Sicht* '(ком.) долгосрочный/краткосрочный вексель'), на основе которого возникает устойчивое сочетание *auf lange/kurze Sicht* 'с расчетом на долгий/краткий срок'.

В рамках североморского языкового ареала нижненемецкий уже в дописьменную эпоху на стадии его формирования из племенных диалектов был включен в контакт с фризским языком. Однако древнефризский до XIII в. представлен лишь небольшим количеством рунических надписей, топонимов и антропонимов. Поэтому для доказательства факта заимствования оказывается возможным привлечь лишь достаточно поздний материал. В то же время языковые контакты с фризскими диалектами должны были быть достаточно обширными, особенно учитывая их изначальное повсеместное распространение по всей прибрежной территории Северного моря от устья Рейна до нынешней датско-немецкой границы.

В исследованном материале представлены 7 лексем, заимствованных из *фризского*, что составляет 0,8 % от общего объема исследованного материала и 5,7 % от количества лексем, для которых нижненемецкий стал промежуточным этапом в ходе их интеграции в лексическую систему общенемецкого языка. Но более точная географическая атрибуция фризских заимствований оказалась возможной только в двух случаях.

В восточно-фризских диалектах в области между реками Эмс и Везер распространена лексема *Kugge f*, обозначающая особого рода сеть, предназначенную в основном для придонного лова ракообразных. Вдоль североморского побережья Шлезвиг находятся затопляемые во время штормового прилива острова Халлиген, название которых происходит от северно-фризского слова *halig* 'затопляемый остров' (от сев.-фриз. *hall* 'сухой, высохший'). Лексема *Hallig f* 'не защищенный от волн островок', вошедшая в литературный стандарт к XVIII в., в немецком языке обозначает исключительно природный феномен особых островов такого рода в Северном море.

Прилагательное *deftig* 'увесистый; грубый; сильный; дельный' появляется во фризско-голландских диалектах в XVII в. в первоначальном значении 'статный', затем – 'важный, весомый' и быстро распространяется на восток вдоль побережья и вверх по течению Рейна. Значение 'сильный', по мнению издателей-редакторов этимологического словаря Фр. Клуге, могло возникнуть под воздействием созвучного немецкого прилагательного *kräftig*.

Из фризского в нижненемецкий и нидерландский приходит лексема дрфриз. *eiland* (*Eiland n* '(поэт.) остров'). Фризское слово состоит из элемента *ei* 'остров' (ннем. *o[ge]*, *och*, *oie* (ср. названия восточно-фризских островов *Nordern-ey*, *Lange-oog*, *Spieker-oog*; дрисл. *ey*, дат. *ø*) и уточняющего элемента *-lant* 'земля'. Свн. *ouwe*, сочетающее значения 'вода', 'земля у воды, влажный пойменный луг', имеет, таким образом, срннем. Соответствие с вариантами *eiland*, *elant*, *olant*, *einlant* и *eiglant*, вошедшее в XVII в. в литературный язык.

Лексемы *Bake f* 'бакен, буй' (из фриз. *baken*, *beken*), *Schlot m* 'небольшой отводной канал за внутренней дамбой' (дрфриз. *slat*, срннем. *slot*) и *Siel m, n* 'водоспуск, (канализационный) коллектор' свидетельствуют о знакомстве жителей северной Германии именно благодаря фризам с некоторыми навыками

каботажного мореходства и особенностями строительства гидротехнических сооружений на морском побережье.

Отличие от словарей DUW и этимологического словаря нидерландского языка Де Фриза, этимологические словари Duden и Фр. Клуге помечают как фризскую лексему Fracht *f* 'груз, грузоперевозка', вошедшую в литературный язык в XVI–XVII вв.

Исторически племена германцев-ингвеонов находились с древнейших времен в ближайшем соседстве и в наиболее непосредственном общении на побережье Северного моря и в Ютландии с германцами-скандинавами.

Контакты нижненемецкого со *скандинавскими* языками представлены девятью лексемами, что составляет лишь 1 % всего объема выборки, или 7,3 % лексического фонда, вошедшего в немецкий литературный язык при посредничестве нижненемецкого. Большинство из них отражает специфику связей северной Германии со Скандинавией, основывавшихся на морской торговле. Так, кораблестроительный термин Kielschwein *n*, представленный в русском языке в англоязычной форме 'кильсон', заимствован из шведского композита kölsvin (более ранняя форма kölsvill из сканд. kjolr 'киль' и syll/svill 'несущая балка, порог') в форме kolswinn/kolsem. В XVIII веке он встречается в верхненемецком еще в форме Kielschwin.

Лексемы Förde *f* 'узкий, мелководный залив, фиорд' (в литературном языке из нижненемецкого лишь в XIX в.) и Riff *n* 'риф, подводный камень' (от сканд. rif 'ребро', заимствование XVII в.) характеризуют черты типичного для Скандинавии прибрежного ландшафта, мелководья и гидрологии, осложняющие судоходство.

Лексема Daune *f* 'пух' (от сканд. dünn) представлена как сама по себе, так и в более частотном композите Eiderdaune *f* 'гагачий пух' (исл. æðardúnn из сканд. æðr 'гага'). Дифтонгизированная форма Daune *f* появляется впервые в XVIII в., но до этого в словаре Ю. Шоттеля отмечено еще как Dunen.

С рыболовным и китобойным промыслом в Северном и Норвежском морях и рыбной торговлей связано заимствование лексем *Dorsch* *m* 'навага; треска' (из исл. *þorskr*, вероятно родственного русск. 'треска'), *Wall* *m* 'восемьдесят штук' (дршв. *val* 'палка, шест', т. е. количество рыбы, которую можно подвесить для вяления на одну палку) и *Walrat* *m, n* 'спермацет (добываемое из головы кита воскоподобное вещество, применяемое в фармацевтической и косметической промышленности)'. Последняя лексема под влиянием срннем. *rat* 'помощь, совет' в нижненемецком была переосмыслена как *walrat* из дат.-норв. *hvalrav* < сканд. *raf* 'амбра', поскольку данное вещество считалось также целительным средством⁴⁴.

Наконец, шесть лексем представляют собой заимствования, пришедшие из *славянских* языков. Все они представляют собой заимствование иноязычного слова вместе с соответствующим денотатом. Историческую реалию средневекового права представляет собой архаизм *Staure* *f* 'публичное телесное наказание, порка у позорного столпа, бичевание; розга'. Данная лексема очевидно восходит к слав. *стѣльгъ '(позорный) столп', что косвенно подтверждается срннем. *sture* 'колонна или столб, к которой привязывается преступник для публичного бичевания'⁴⁵. На раннее проникновение в нижненемецкий указывает фиксация лексемы в древнефризском, например, в местном правовом уложении: *Frisa skilun wesa uter stok and uter stupa* («Фризы не должны подвергаться битью палками и публичному бичеванию»).

Отражением славяно-германских контактов в результате речного судоходства на Эльбе является заимствование лексемы *Prahm* *m* 'паром, баржа' (из дрчеш. *prám*, ср. русск. паром в полногласной форме) для обозначения особого типа плоско-

⁴⁴ Амбра (от араб.) – воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота и используемое в парфюмерии (как закрепитель аромата духов).

⁴⁵ Возможно, что это применялось как наказание в отношении нечестных иноземных купцов-иноверцев.

донного судна для перевозки грузов по реке. Этимологический словарь В. Пфайффера указывает на использование этого типа судов и в ганзейской торговле, с чем связывает распространение лексемы на побережье Северного и Балтийского морей и словарь де Фриза.

Развитие ганзейской торговли в России, с которым связано и существование принадлежавшего сообществу немецких купцов Петрова подворья в Великом Новгороде, обусловило возможность взаимодействия нижненемецкого напрямую с древнерусским. В результате торговой деятельности нижненемецкий обогатился целым рядом русских слов [подробнее: Сквайрс, Фердинанд, 2002]. Тем не менее, основная масса этих заимствований уже ко времени формирования лексической нормы немецкого языка обозначала понятия, более не соответствовавшие уровню развития материальной культуры. Вероятно, что поэтому в исследованном лексическом материале представлены только две лексемы, для которых географически определенным языком-источником является русский. Так, название промысловой рыбы срнем. *serte*, *czerte* заимствуется в XVIII в. в форме *Zärte f'* (зоол.) сырть, рыбец (семейство карповых). К торговле продуктами кожевенного производства восходит срнем. *juften*, позднее *juchten* 'юфть (специально выделанная кожа крупного домашнего скота)'. В немецком языке лексема *Juchten m, n* приобретает значение 'березовый деготь', т. е. вещество, схожее по запаху с юфтью, обрабатываемой дублением. В русском языке слово 'юфть', в свою очередь, появилось из тюркско-татарского, куда оно пришло из персидского языка – *guft* 'пара', поскольку кожи дубились попарно.

Вероятно, что из сорбского языка было в XV в. заимствовано название *Zander m* 'судак'. Эта ценная порода рыбы отряда окунеобразных, которая широко распространена в реках между Эльбой и Вислой, в нижнесорбском называется *zapag*, *zandor*, а в верхнесорбском *sandak*. Словарь Люббена указывает для средненижненемецкого форму *sandat*. В конце XVIII в.

у И.Г. Фосса употребляется форма *Sandart*, что может объяснить последующее отпадение конечного *-t* как пример апокопы.

П. фон Поленц высказал мнение, что нижненемецкий благодаря типологической близости также «подготовил базу» для проникновения начиная с XVII в. заимствований из *английского* в общенемецкий литературный язык, в частности в ситуации влияния на немецком севере английской революции 1640–1649 гг., через посредничество Гамбурга, где рано возникла британская торговая колония, и Ганновера, состоявшего в сепаратной унии с Великобританией⁴⁶ [Polenz, S. 139].

Достаточно высокий процент лексики, вошедшей в немецкий язык через посредничество нижненемецкого, свидетельствует о значительной контактной и посреднической активности последнего. Семантика «транслированных» заимствований показывает, что немецкий язык в основном ассимилирует в свою лексико-семантическую систему единицы, необходимые для описания до того времени недоступных и потому новых объектов действительности. За счет одновременного заимствования денотата и обозначающего его слова заполняются лакуны в системе. При этом не происходит значительной реорганизации уже существующей лексической системы, поскольку заимствованное понятие не было представлено в исходной системе.

Абсолютное доминирование нидерландской и «транслируемой» через нидерландский язык иноязычной лексики, вероятно, не находит достаточного объяснения исключительно в структурной близости с нижненемецким. Очевидным представляется факт культурного доминирования (что подтверждается ролью нидерландского при распространении романской лексики) и экономического влияния, начинающегося с ганзейского периода. Освоение новых реалий в процессе торгово-экономической деятельности отражается в специфике семан-

---

⁴⁶ В 1741–1901 гг. представители так называемой ганноверской династии английских королей были с 1698 г. также курфюрстами Ганновера.

тической структуры заимствованной лексики. Определенное значение, очевидно, имеют и временные границы контакта. Так, активное взаимодействие нижненемецкого с фризским и славянскими языками по причинам экстралингвистического характера можно считать уже законченным к концу средне-нижненемецкого периода.

Выводы к главе 2

1. Типологическая близость рассматриваемых верхне- и нижненемецкого идиомов обусловила существенное сходство в дистрибуции согласных фонем, определяющих консонантный контур корня слова. Небольшие отклонения основываются либо на гиперкорректном употреблении (явлении, типичном для Missingsch), либо на толерантности заимствующей верхненемецкой системы. Параллелизм систем шумных согласных и их аналогичная дистрибуция скрывает отсутствие проведения второго (верхненемецкого) передвижения согласных.
2. Аналогичным образом сходство систем гласных фонем предопределило незначительную фонетическую ассимиляцию гласных. В целом немногие нижненемецкие корнесловы подверглись ассимилятивному преобразованию при заимствовании их в общенемецкий язык.
3. В морфологическом плане нижненемецкие заимствования ассимилируются благодаря включению в широко употребительные словоизменительные парадигмы общелитературного языка. Ряд существительных сохраняет вариативные формы грамматического рода и множественного числа. Подстановка верхненемецких аффиксов на место нижненемецких свидетельствует о прозрачности внутренней формы лексических единиц в период ассимиляции.
4. Основная масса (около 3/4 от их общего количества) нижненемецких заимствований сохраняет исходное (или одно из исходных) значение в структуре лексико-семантической си-

стемы немецкого литературного языка. Обнаруженные случаи конкретизации и генерализации исходного значения многочисленны. Развитие значения происходит в основном путем метонимического переноса наименования на основе получившего семантическую самостоятельность лексико-семантического варианта исходной леммы.

5. Степень интенсивности контактных процессов, отражающихся на количестве заимствований, свидетельствует о значительном влиянии динамики внешней истории взаимодействия ниже- и верхненемецкого. В соответствии с этим стабильный прирост числа заимствований в период вытеснения верхненемецким нижненемецкого из официальных сфер общения сменяется резким подъемом во время целенаправленного отбора общенемецкого лексического фонда. После успешной кодификации предстандарта в общенемецких словарях наблюдается последующее сдерживающее влияние нормы на дальнейшее заимствование из регионального словаря.
6. Интенсивные языковые контакты нижненемецкого с языками граничащих с ним регионов или в результате торгово-экономической деятельности и колониальной активности Ганзы с XVI века обусловили его посредническую роль при трансляции иноязычной лексики в общенемецкий язык. Наибольшую интенсивность имели контакты с особенно сходным в типологическом отношении нидерландским языком.

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

3.1. Тематические группы заимствованной лексики

Функционирование лексических единиц, как исконных, так и заимствованных, непосредственно связано с их местом в лексико-семантической системе языка, в частности, в его литературной форме. Это место характеризуется целым рядом параметров, определяющих уникальность каждой лексемы как средства выражения (обозначения) определенного содержания в той или иной коммуникативной ситуации. К таким параметрам относится семантическая структура лексемы, включающая иногда десятки лексико-семантических вариантов (ЛСВ), определенная стилистическая окраска всего набора значений или отдельных значений многозначного слова, территориальная и функциональная атрибуция лексической единицы.

Необходимым условием включения заимствования в лексико-семантическую систему заимствующего языка, влекущим за собой, в частности, формальную ассимиляцию, словообразовательную продуктивность (активность) и частотность употребления, является развитие заимствования семантической самостоятельности в заимствующей системе. Под семантической самостоятельностью понимается отсутствие или устранение полной синонимии в паре «заимствованное слово» – «исконное слово». Для прочного включения иноязычной лексемы в лексическую систему необходимо наличие дифференциальных сем, отличающих заимствованную единицу от исконной с аналогичной (близкой) семантикой, в структуре ее значений. Структурная дифференциация внутри лексико-семантической системы способствует обогащению

словарного фонда языка, увеличивая тем самым его возможности в плане выражения новых понятий и связанных с ними функционально-стилистических характеристик [Степанова / Чернышева, с. 68, 63].

Внутриязыковое требование семантической самостоятельности заимствования является фактором, регулирующим действие тенденции к дифференциации средств выражения. Свое место в заимствующей системе находят такие лексические единицы, которые обозначают новые для данного коммуникативного сообщества понятия развивающегося человеческого опыта или которые представляют уже существующие понятия по-новому, акцентируя стилистические или функциональные аспекты употребления лексемы. Иногда обе эти движущие силы заимствования действуют одновременно.

Заимствование новых для конкретного языкового сообщества понятий связано с меньшей степенью освоения отдельных сфер действительности в практическом и, соответственно, языковом опыте социума. Отсюда возникают тенденции заимствования лексики с той или иной семантической доминантой, способствующей возникновению новых и переструктурированию уже существующих тематических групп лексики.

Как уже было показано, интеррегиональное лексическое взаимодействие между нижненемецким и языком верхненемецкого типа эволюционирует от межъязыкового в сторону внутриязыкового, межуровневого лексического трансферта, упрощенного их исходной типологической близостью в рамках западногерманского ареала, из-за чего заимствованные единицы довольно быстро теряют для носителя языка-реципиента иноязычный характер. Поэтому заимствуемая из нижненемецкого языка лексика в силу проницаемости границ между стратами функциональной парадигмы общенемецкого языка дифференцирована в широком диапазоне: от локально-диалектного до литературного узуса. При этом наблюдается и обычная для рассматриваемого процесса обогащения лексической системы

тенденция заимствования лексики с определенной семантической доминантой.

Семантический анализ представленных в нашей выборке единиц свидетельствует о наличии определенных тенденций в заимствовании нижненемецкой лексики исходя из ее семантического наполнения⁴⁷. Наиболее значительной и семантически дифференцированной является группа нарицательных существительных с конкретной семантикой. В ней выделяются следующие тематические подгруппы, степень цельности которых различна.

1. Наименования человека (антропосфера). Внутри этой группы лексемы подразделяются на подгруппы в зависимости от дополнительных дифференциальных сем: а) названия некоторых профессий, ремесел и должностей: *Böttcher m* 'бочар, бондарь', *Bönhase m* '(ист.) ремесленник-одиночка (не входящий в цеховую организацию); ремесленник-нелегал', *Imker m* 'пчеловод, пасечник', *Lotse m* 'лоцман', *Reeder m* 'судовладелец, владелец пароходства' (от *Reede f* '(мор.) рейд'); б) обозначение человека (также оценочное) с определенным социальным статусом: *Pracher m* '(назойливый) нищий', *Kossal(e) m* 'крестьянин-бедняк'; в) обозначение человека по физическим (внешним) или морально-нравственным и физическими характеристикам⁴⁸: *Hüne m* 'богатырь, витязь, исполин', *Geck m* 'фат, франт, щеголь; шут', *Flaz m* '(разг.) невежа, олух', *Rekel m* 'грубиян, хам', *Schuft m* 'подлец, плут', *Fant m* 'юнец, молокосос; хлыщ', *Bangbüx(e) m* 'трус', *Nackedei m* 'голыш (о ребенке)'; г) обозначения человека по возрастным, поведенческим, родственным признакам: *Nichte f* 'племянница', *Gög n / Göre f* 'ребенок, малыш (-ка), (дерзкая) девочка'.

---

⁴⁷ Отдельной темой является исследование ономастических единиц (антропонимы, топонимы и др.) нижненемецкого происхождения в общенемецком языке. См.: Kunze R. dtv-Atlas Namenkunde. München, 1999.

⁴⁸ Лексемы этой группы широкозначны и словообразовательно активны.

2. Наименования отдельных предметов домашнего обихода и крестьянского быта. К этой группе в первую очередь относятся обозначения: а) традиционного крестьянского инструментария, домашней утвари и предметов: *Wocken t* 'прялка', *Laken n / (редко) t* 'простыня, полотно', *Inlett n* 'наперник, наволочка', *Staket n / Stakete f* 'штaketник, частокол', *Schorpen t* 'кружка, полуштоф (также как мера жидкости, напитка)', *Forke f* 'вилы (для сена или навоза)', *Spind t/n* '(узкий) одностворчатый шкаф'; б) деталей, частей одежды и обуви: *Schlips t* 'галстук', *Pantine f* 'деревянный башмак', *Biese f* 'выпушка, кант; строчка; нашивка'.
3. Наименование некоторых веществ и продуктов питания. В эту группу входят: а) обозначения технических и прочих веществ хозяйственного назначения: *Teer t* 'смола, деготь, вар', *Grus t* '(геол.) штыб, каменноугольная или рудная мелочь', *Walrat t / n* 'спермацет', *Lake f* 'рассол, маринад', *Grude f* 'буругольный кокс; зола', *Hede f* 'пакля, очески, кудель', *Pökel t* 'рассол', *Schlick t* 'наносный грунт, ил, взвесь', *Daune f* 'пушинка', pl. пух', *Bärme f* 'дрожжи', *Tran t* 'ворвань', *Klei t* 'песчано-известковая, иловатая глина', *Torf t* 'торф'; б) наименования строительных материалов (типичных для этой отрасли в северных регионах): *Fliese f* 'кафель, изразцовая плитка', *Pancel n* 'панель, филенка', *Klinker t* 'глиняный, высокопрочный кирпич'; в) наименования продуктов питания: *Stulle f* 'бутерброд, ломоть', *Schmand / Schmant t* 'сливки, пенка на молоке', *Rippenspeer t / n* 'копченая грудинка', *Bückling t* 'копченая сельдь', *Schnaps t* 'шнапс, водка', *Brause f* 'лимонад, шипучка'.
4. Наименования растений, злаков и плодов (в частности так называемых заморских). Это: *Hafer t* 'овес', *Kellerhals t* 'волчник', *Nelke f* 'твоздика', *Apfelsine f* 'апельсин', *Raps t* 'рапс', *Walnuss f* 'грецкий орех'.
5. Наименования животных, птиц, насекомых и рыб. В эту группу входят как родовые обозначения собственно особей

определенного отряда, породы: а) животных (в частности, морских и домашних): *Robbe f* 'тюлень', *Bulle m* 'бык', *Dogge f* 'дог', *Schnucke f* 'овца мелкой породы', *Auster f* 'устрица'; б) птиц: *Möwe f* 'чайка', *Drossel f* 'дрозд', *Ergel m* 'селезень'; в) насекомых: *Bremse f* 'слепень', *Drohne f* 'трутень'; г) рыб: *Blei m* 'лец', *Rochen m* 'скал', *Butt m* 'камбала речная', *Zander m* 'судак', *Zärte f* 'сырть', *Kabeljau m* 'треска', *Stint m* 'корюшка', *Schellfisch m* 'пикша', так и обозначение представителей животного мира с дополнительными внутривидовыми характеристиками (возраст, пол): *Gössel n* 'гусенок', *Welpe m* 'щенок, волчонок, лисенок', *Sicke f* 'самочка (птиц)'. К практике северонемецкого откормочного скотоводства восходит и фиксируемое с XIV в., а также закрепленное Лютером прилагательное *fett* 'жирный, тучный' (внем. соответствие *feist*) [Polenz, S. 69].

6. Наименование судов различного типа и назначения: *Prahm m* 'паром, плот, баржа', *Kogge f* 'ганзейское военно-торговое судно', *Kahn m* 'челн', *Boot n* 'лодка'.
7. Наименования частей судового такелажа, а также корабельных снастей, частей и деталей судовой надстройки, корабельных помещений: *Tau m* 'канат', *Takel n* 'тали, гини', *Bord n* 'полка', *Luke f* 'люк', *Kajüte f* 'каюта', *Kombüse f* 'камбуз', *Mars m* 'марс', *Steven m* 'штевень', *Stag n* 'штаг', *Fallreep n* 'заборный трап', *Deck n* 'палуба', *Koje f* 'койка'. Активное освоение такой сферы деятельности, как морское дело, ведет к заметному обогащению верхненемецкой мореходной и судостроительной номенклатуры из аналогичной развитой терминосферы в нижненемецком. С мореходством связаны и такие обозначения, как *Luv f / n* 'навстрелная сторона', *Lee f / n* 'подветренная сторона', *Wrack n* 'обломки (корабля)', *Etmaal n* 'морские сутки, расстояние, проходимое кораблем за сутки, суточное плавание'.
8. Наименования различных устройств, построек и технических сооружений: *Bremse n* 'тормоз', *Krampe n* 'скоба,

дверной крючок', *Muffe n* 'муфта, втулка', *Klappe n* 'клапан, заслонка', *Schacht m* 'шахта, шахтный ствол', *Kabuff n* 'темный чулан', *Abort m* 'уборная, туалет', *Verlies n* 'подземелье, темница'. К этой группе относится и ряд понятий из сферы гидротехнического строительства и портовых сооружений: *Deich m* 'плотина, дамба', *Buhne f* 'полузапруда, буна, шнора', *Siel m / n* 'водоспуск, (канализационный) коллектор', *Höft n* 'мол, волнорез'.

9. Наименование форм ландшафта, особенно типичных для прибрежной, низменной части северной Германии: *Börde n* 'плодородная равнина'; *Marsch f* 'марши, прибрежная низменность'⁴⁹; *Watt n* 'ватты, затопляемая приливом береговая полоса'; *Moor n*, *Morast m* 'болото, топь'; *Holm m* 'островок (речной), возвышение'; *Eiland n* 'остров, островок'; *Kap n* 'мыс'; *Wick f* 'бухта'; *Klippe f* 'риф'; *Hafen m* 'гавань; порт'; *Geest f* 'геест, высокий коренной берег'; *Hallig f* 'не защищенный от волн островок'; *Lehde/Lede f* 'пустошь'; *Priel m* 'русло, образовавшееся в маршевой низменности'; *Förde f* 'узкий залив, фиорд'; *Haff n* 'отделенный от моря косой залив'; *Koog m* 'прибрежная полоса, отделенная от моря плотинами'. Примыкают к этой тематической группе лексемы, обозначающие состояние моря, ветер на море: *Dünung f* 'мертвая зыбь, свободная волна', *Passat m* 'пассат', *Flaute f* 'штиль, безветрие'.
10. Термины коммерческо-правовой деятельности, исторически связанные со спецификой и доминирующей ролью северно-немецкого региона в морской торговле: *Sicht f* 'срок (предъявления)', *Makler m* 'маклер, брокер', *Gilde f* 'гильдия, корпорация', *Fracht f* 'груз, плата за перевозку груза', *Kontor n* 'контора (купеческая)', *Profit m* 'выгода, прибыль', *Bodmerei f* 'ссуда под залог судна и груза'. С XV в. фиксируются вос-

---

⁴⁹ Типичные для северной Германии, Дании и Нидерландов марши – полосы низменных побережий, затопляемые во время приливов воды, иногда расположенные ниже уровня моря и отделяемые от него полосой дюн.

ходящее к традиции торговли *Stapel m* 'склад' и *Pranger m* 'позорный столб, порицание' [Polenz, S. 69].

11. Названия болезней и их симптомов: *Tripper m* 'триппер, гонорея', *Quaddel f* 'волдырь, папула', *Scharbock m* 'цинга, скорбут', *Pocke f* 'оспа, оспина'.
12. Названия спортивных снарядов. Данная группа обязана своим включением в лексический стандарт «отцу гимнастики XIX века» (*Turnvater*) Фридриху Людвигу Яну (1778–1832), который родился в Мекленбурге и для которого родным языком был нижненемецкий. Его деятельности в области физкультуры современная гимнастика обязана введением таких снарядов, как бревно, перекладина, брусья, гимнастический конь. Для своей книги по физкультуре “*Deutsche Turnkunst zur Einrichtung der Turnplätze*” (1828 г.) Ф.Л. Ян использовал в качестве спортивных терминов единицы, обозначавшие сходные понятия в нижненемецком: *Hantel f* 'гантель, гиря', *Holm m* 'жердь (брусьев), перекладина', *Reck n* 'турник, жердь', *Riege f* 'группа, команда'.

Таким образом, в тематических группах/подгруппах конкретных существительных находит отчетливое отражение северо-немецкая региональная этнокультурная специфика.

Абстрактные существительные в выборке представлены значительно меньшим количеством единиц и их семантика не отражает каких-либо территориальных особенностей, что вполне естественно. Это: *Zwist m* 'раздор', *Eintracht f* 'единодушие', *Glück n* 'счастье', *Beute f* 'добыча, жертва (в исходном значении: обмен, дележ)', *Halfte f* 'половина'. Исконным северонемецким правовым термином является *Gerücht m* 'слух' ← 'обвинительный возглас' [Polenz, S. 69].

Среди глаголов труднее выделить определенные направления и группы в тематике заимствований. Это условно выделяемые:

1. Глаголы с морской семантикой (часто с пометой *Seemannsspr.*): *peilen* 'целеновать; определять уровень', *stauen*

'грузить, размещать в трюме', *feren* 'спускать, отдавать', *hissen* 'поднимать (флаг, парус)', *entern* 'брать на бордаж, взбираться (на реи)', *kentern* 'опрокидываться, поворачиваться (о течении, ветре)', *kielen* / *kielholen* 'килевать, креновать (о судне)', *gojen* 'грести'.

2. Глаголы говорения и звукоподражательные глаголы (в основном разговорные или территориально ограниченные лексемы): *brabbeln* 'невнятно говорить, бормотать', *flunkern* 'привирать, пускать пыль в глаза', *klönen* 'болтать, беседовать', *quatschen* 'болтать', *schnacken* 'беседовать', *stottern* 'заикаться'; *piepen* 'пищать', *blöken* 'мычать, мекать', *bimmeln* 'звонить, брнчать', *dröhnen* 'греть, гудеть', *rattern* 'стучать'. Глаголы, обозначающие создание акустического ощущения, шума, звука, обычно претерпевают расширение значения и означают не только сам процесс звучания, но и, например, передвижение объекта, сопровождаемое подобным звуком.

3. Глаголы, детализованно обозначающие передвижение: *schlittern* 'скользить (по льду)', *humpeln* 'хромать, идти прихрамывая', *trappen* 'идти (короткими шагами и создавая шум)'.

4. Глаголы, обозначающие специфическую деятельность: *fahnden* 'выслеживать, производить розыск', *staffieren* 'снаряжать, оснащать', *schraffieren* 'штриховать, шраффировать', *bohnen* 'натирать пол', *schmuggeln* 'заниматься контрабандой'.

Однако очевидно, что значительная часть глагольных заимствований не образует групп с определенной тематической доминантой. Большинство глаголов в своей семантике содержит определенную дифференцированность действия, которая обеспечивает им место в существующем синонимическом ряду сходных глаголов, например: *stöbern* 'искать (приводя все в беспорядок)', *tippen* 'дотрагиваться, касаться (легко)', *lärpern* 'пить (маленькими глотками)'. Подобная разветвленная дифференциация / детализация понятий характерна в целом для разговорной и диалектной речи. Не случайно многие из таких гла-

голов имеют помету (ugs.) или (landsch.), то есть не относятся к нейтральному, общеупотребительному слою лексики.

Что касается нижненемецких заимствованных *прилагательных*, то они, наоборот, в своем большинстве относятся к нейтральному слою лексики и обозначают в основном физические и интеллектуальные качества человека: *schlicht* 'простой', *schlapp* 'вялый', *runk* 'гибкий, стройный', *flink* 'быстрый, юркий', *dreist* 'смелый, дерзкий', *deftig* 'грубый, сильный', *mausetot* 'мертвехонький, совершенно безжизненный', *dämlich* 'придурковатый', *drall* 'упитанный', *lasch* 'вялый, ленивый', *niedlich* 'милый', *schüchtern* 'робкий', *schlau* 'хитрый', *barsch* 'грубый, резкий'.

Два прилагательных пришли из юридического лексикона: *echt* (первоначально 'соответствующий закону') и отглагольное *berüchtigt* (от *berüchtigen* 'обвинять, ославлять')⁵⁰.

Заимствованные прилагательные редко обладают специфически «нижненемецкой» семантикой. Так, прилагательное *leck* 'протекающий, пропускающий воду' восходит к морской лексике.

Две единицы характеризуют особенности природных условий на севере Германии: *diesig* 'туманный, мгlistый (об атмосфере)' и *brackig* 'солончатый, не пригодный для питья'.

Таким образом, основной объем заимствований по тематике составляют конкретные существительные, значительная часть из которых действительно обозначает северно-немецкие реалии, что, по-видимому, стало определяющим для их включения в лексико-семантическую систему общенемецкого языка ввиду их актуальности. Для глаголов и прилагательных этот фактор представляется значительно менее весомым. Очевидно, они, как и часть существительных, в основном были заимствованы не в силу объективного отсутствия аналогичных единиц в общенемецком языке, а для расширения и дифференциации набора его денотативных, выразительных средств. В соответствии с этим их семантика характеризуется наличием

---

⁵⁰ Ср. выше *Gerücht m.*

дифференцирующих сем, гарантирующих им место в лексико-семантической группе, или они отличаются функционально ограниченным употреблением.

3.2. Профессиональная лексика нижненемецкого происхождения

В структуру словарной статьи толковых словарей современного немецкого литературного языка входят пометы, отражающие принадлежность той или иной лексемы к различным профессиональным языкам. Профессиональная лексика фиксируется в словарях наряду с основным, неспециализированным словарным фондом. Необходимость в фиксации подобной лексики вытекает не только из желания сделать доступными развивающиеся в определенной профессиональной традиции (в частности, научной) сферы деятельности людей. Не в меньшей степени она обусловлена интенсивным проникновением профессионального опыта, а значит и соответствующей лексики, в сферу повседневного общения современных представителей немецкоязычного коммуникативного сообщества. Необходимый кругозор языковой личности в настоящее время неизбежно включает в себя знания из самых разных областей.

Концепция формирования лексического корпуса толковых словарей немецкого языка учитывает данную тенденцию. В такой словарь не только помещается лексика широкого круга терминологических систем с объяснениями значения. Подобного рода единицы, как правило, снабжаются соответствующими пометами. Маркирование профессиональной лексики осуществляется, однако, еще не всегда последовательно. Так, использованный нами для отбора корпуса данного исследования словарь DUW в комментарии, посвященном принципу построения словарной статьи, представляет следующий принцип маркирования: „Das Wörterbuch grenzt das Allgemeinsprachliche vom Fach- und Sondersprachlichen ab und kennzeichnet genau die

Береiche, in denen die Wörter verwendet werden. Wörter, aus deren Bedeutungsangaben die Zugehörigkeit zu einem Fachgebiet deutlich hervorgeht, werden im Allgemeinen nicht besonders gekennzeichnet“ [DUW, S. 10].

Таким образом, в целом ряде случаев единственным показателем принадлежности слова к профессиональному языку должна служить его семантика. Но действительно четко отграничить профессиональную лексику, в особенности учитывая ее активное вхождение в повседневный опыт посетителей языка, представляется затруднительным и вряд ли целесообразным.

Словарь DUW включает в свой корпус далеко не весь спектр лексики, которая в широком смысле может быть названа профессиональной. Его авторы не ставят перед собой задачу максимально ее охватить, т. к. этой цели призваны служить терминологические словари и справочные издания. В словарь DUW включены лишь лексические единицы профессиональной сферы, не замкнутые лексиконом профессиональных групп, чаще всего встречающиеся в неспециальной или научно-популярной литературе, “sofern sie für die Allgemeinheit von Bedeutung sind” [DUW, S. 7]. Иными словами, толковый словарь не включает термины в узком смысле, а скорее речь идет о профессионализмах и, иногда, о релевантных для общенационального узуса профессиональных жаргонизмах. Для него характерно также отсутствие четких, принятых в спецтерминологии дефиниций, ср.:

Mulm, der; -[e]s [niederd. molm] (Fachspr.): *a) pulveriger Humusboden; b) verfaultes, getrocknetes u. zu Pulver zerfallenes Holz*; – гнилая древесина, (древесная) труха; рыхлая земля; пыль, песок, порошок.

Han|tel, die; -, -n [niederd. hantel = Handhabe]: **1.** (Turnen) *Gerät zur Gymnastik od. zum Konditionstraining, bestehend aus zwei durch einen Griff verbundenen Kugeln od. Scheiben*: mit der H. turnen. **2.** (Gewichtheben) *Eisenstange, an deren Enden Gewichte in*

Form von Scheiben angebracht sind; Scheibenhantel; – гантель, гиря; разновеска; штанга.

В приведенных примерах не даются четкие характеристики объекта, которые можно получить в справочных изданиях, однако данных толкований достаточно, чтобы получить представление об основных свойствах рассматриваемых известных объектов.

Особенно наглядны примеры толкования лексики технического характера, где дефиниция необходимо должна включать максимум информации, ср.:

Pe[gel], der; -s, – [aus dem Niederd. < mniederd. pegel = Eichstrich; Pegel]: **1. a)** *Messlatte, Messgerät zur Feststellung des Wasserstandes; b)* *Pegelstand*. **2.** (Technik, Physik) *Logarithmus des Verhältnisses zweier Größen der gleichen Größenart;* – (хим., физ.) уровень; (гидр., стр.) водомерная рейка, футшток; водомерный пост, указатель уровня воды.

Проблема включения заимствованной лексики в профессиональные языки связана с вопросом оправданности самого лексического заимствования с точки зрения обогащения уже существующей на определенном этапе системы. Как уже было указано, нижненемецкое слово со значением, которое уже представлено в верхненемецком, как правило, испытывает развитие значения, чему иногда сопутствует его терминологизация. Например, срннем. *kote, kute* 'копыто, коготь; лодыжка (у лошади)' приобретает специальное значение: **Kö[te]**, die; -, -n [aus dem Niederd. < mniederd. kōte] (Fachspr.): *hintere Seite der Zehe bei Rindern u. Pferden.* – (вет.) мычка, щетка (под копытным сгибом).

Словарь DUW достаточно широко включает пометы, относящие лексику к 182 различным профессиональным сферам (от акустики до зоологии). Кроме того, наиболее общей является помета (fachspr.), не указывающая на конкретную профессиональную область. Пометы такого рода помещаются в круглых скобках либо сразу после этимологических помет, если они относятся ко всем значениям лексемы, либо после цифры или

буквы, если они характеризуют одно из значений многозначного слова.

Лексика нижненемецкого происхождения вошла далеко не во все представленные в словаре DUW профессиональные языки. Только 24 из 182 помет (13,2 %) встречаются в сочетании с этимологическими данными о нижненемецком происхождении лексемы. Соответственно необходимо выяснить, какие профессиональные языки, релевантные для общенемецкого узуса, подверглись наиболее значительному влиянию со стороны нижненемецкого.

Очевидно, что наиболее значительным количеством единиц представлена группа понятий, самым широким образом охватывающих область морского дела и кораблестроения. Наряду с лексикой горного дела, морская лексика считается в немецкой лингвокультуре одним из старейших профессиональных языков. В столь широкой предметной области оказалось необходимым внутреннее дробление. В словаре DUW она представлена четырьмя пометами: (Seemannsspr.), (Seew.), (Meeresk.), (Schiffbau). В корпусе словаря DUW даются следующие дефиниции указанных понятий:

See|manns|spra|che, die: *Fach- u. Berufssprache der Seeleute;*

See|we|sen, das <o. Pl.>: *Bereich u. Einrichtungen der Schifffahrt;*

Me|res|kun|de, die: *Wissenschaft vom Meer und den Eigenschaften des Meerwassers; Ozeanographie;*

Schiff|bau, (auch:) Schiffsbau, der <o. Pl.> (bes. Fachspr.): *Bau von Schiffen.*

Помета (Seemannsspr.) маркирует, таким образом, слова, составляющие лексикон моряков. Близка по значению помета (Seew.), однако четкой границы между этими двумя пометами на первый взгляд не заметно. Помета (Meeresk.) маркирует термины океанографической науки, а (Schiffbau) – кораблестроения.

В количественном отношении абсолютно доминирует группа лексем с пометой (Seemannsspr.) – 53 единицы. Эта группа включает в себя в основном номенклатуру частей корабельного такелажа, помещений и частей корпуса корабля. Например,

1. *Такелаж, парусное вооружение, части корабельной надстройки* (20 единиц):

Sten|ge, die; -, -n [aus dem Niederd. < mniederl. stenge, eigtl. = Stange] (Seemannsspr.): *Verlängerung eines Mastes*. – стеньга.

Кеер, die; -, -en [aus dem Niederd. < mniederd. kep] (Seemannsspr.): *Rille, Kerbe (in einer Boje, einem Block, Mast o.Ä.), die einem darumgelegten Tau Halt gibt*. – (мор.) кип.

Wiel|ing, die; -, -e [zu niederd. wiel, mniederd. wel] (Seemannsspr.): *um das gesamte Boot herumlaufender, ganz oben an der äußeren Bordwand befestigter Fender*. – кранец.

2. *Помещения на корабле, части его корпуса* (3 единицы):

Kom|bü|se, die; -, -n [niederd. kambüse < mniederd. kabuse = Bretterschlag auf dem Deck, der zum Kochen u. Schlafen dient; Н. u.] (Seemannsspr.): *Schiffsküche*. – камбуз, (корабельная) кухня.

Kiel|schwein, das [niederd. kilswin < schwed. kölsvin, älter: kolsvill = Kielschwelle] (Seemannsspr.): *innerhalb des Schiffskörpers angebrachter Holz- od. Eisenträger zur Verstärkung des Kiels*; – (мор.) кильсон.

3. *состояние моря, ветра, погода на море* (6 единиц):

kab|beln <sw. V.; hat> [... 2: (niederd.) Wellen schlagen, gegeneinander laufen (von Wellen)]: ... 2. (Seemannsspr.) *kabbelig sein*: die See kabbelt; – быть беспокойным (о море).

ken|tern <sw. V.> [niederd. kenteren, eigtl. = auf die (andere) Seite legen, zu Kante]: ... 2. (Seemannsspr.) *(von Strömungen o. Д.) anfangen, sich in umgekehrter Richtung zu bewegen* <hat>: der Wind kentert; die Flut kentert (*die Ebbe setzt ein*); mit kenterndem Wasser (*bei einsetzender Ebbe*) auslaufen; – поворачиваться (о течении, ветре).

Глаголы с указанной пометой в основном обозначают действия, производимые на корабле командой, или особенности движения корабля (11 единиц):

wri|cken, wrig|geln, wrig|gen <sw. V.; hat> [aus dem Niederdt., eigtl. = (hin und her) drehen, biegen] (Seemannsspr.): *(ein leichtes Boot) durch Hinundherbewegen eines am Heck eingelegten Riemens fortbewegen.* – галанить (грести кормовым веслом).

lab|sal|ben <sw. V.; hat> [aus dem Niederdt. <niederl. lapsalven, eigtl. = mit einem Lappen ab-, einreiben] (Seemannsspr.): *bestimmte Teile der Takelage mit Teer u. Fetten gegen Witterungseinflüsse schützen.* – (мор.) смолить.

Пометы (Seew.) в словаре DUW имеют лишь 12 единиц, причем их семантика весьма схожа с лексикой, помеченной как (Seemannsspr.). Здесь также представлены понятия, обозначающие детали корабля, членов команды, термины навигации, ср., например:

Maat, der; -[e]s, -e[n] [aus dem Niederdt. <mniederd. mat(e) = Kamerad]: **1. (Seemannsspr. früher)** *Gehilfe des Steuermanns od. des Bootsmanns auf Segelschiffen.* **2. a)** <o. Pl.> *Dienstgrad des Unteroffiziers bei der Bundesmarine;* **b)** *Inhaber dieses Dienstgrades.* – унтер-офицер флота, старшина.

Schie|mann, der; -[e]s, ...männer [niederdt. schemann, mniederd. schimman, Н. u.] (**Seew. früher**): *Bootsmannsmaat*; Матрос.

Приоритет в выборе данных двух помет остается неясным. По-видимому, выбор является достаточно произвольным с доминированием пометы (Seemannsspr.). Маркирование при помощи (Seew.) лексем *reilen* 'пеленговать', *Boje f* 'буй', *Pricke f* 'веха (на реке)', *Lotse m* 'лоцман' не объясняет критерия разделения этих помет.

Более последовательным представляется маркирование терминов кораблестроения при помощи пометы (Schiffbau). Но таких единиц в выборке представлено всего 4, например: **Hell|ling**, die; -, -en u. Helligen, auch: der; -s, -e [aus dem Niederdt. <mniederd. hellinge = Schräge, Abhang] (Schiffbau): *Bauplatz für den Bau von Schiffen mit einer od. mehreren zum Wasser geneigten Ebenen für den Stapellauf.* – (мор.) эллинг.

Примечательно, что 1 из 4 единиц является одновременно понятием авиастроения. Кроме того, 1 лексема с пометой (Seew.) и 1 с пометой (Seemannsspr.) одновременно имеют помету (Flugw.) и (Fliegerspr.) соответственно, что говорит о наследовании авиастроением частично опыта судостроения: **Spant**, das, Flugw. auch: der; -[e]s, -en <meist Pl.> [aus dem Niederdt., wohl zu mniederd. span = Spant, zu spannen] (Schiffbau, Flugw.): *wie eine Rippe geformtes Bauteil zum Verstärken der Außenwand des Rumpfes bei Schiff od. Flugzeug*. – (мор., ав.) шпангоут.

Всего одной единицей представлена помета (Meeresk.), при этом только во втором значении: **Sog**, der; -[e]s, -e [aus dem Niederd. < mniederd. soch, eigtl. = das Saugen, zu saugen]: **1.** (*in der nächsten Umgebung eines Strudels od. Wirbels od. hinter einem sich in Bewegung befindenden Fahrzeug auftretende*) *saugende Strömung in Luft od. Wasser*; **2.** (Meeresk.) *Strömung, die unter landwärts gerichteten Wellen seawärts zieht*. – (океан.) подповерхностное течение в волноприбойной зоне, направленное в море.

Непосредственно примыкает к этой группе помет помета (Wasserbau) – гидротехническое строительство (3 единицы), например: **Lahnung**, die; -, -en [aus dem Niederd., zu mniederd. lane = schmaler Weg] (Wasserbau): *niedrige Dammanlage zur Landgewinnung im Watt*. – лексема не представлена в БНРС.

Помету (techn.) имеют 8 лексических единиц нижненемецкого происхождения, 6 существительных и 2 глагола:

Schäkel, der; -s, – [aus dem Niederd., wohl Vkl. von Schake, vgl. ostfries., niederd. schakel] (Technik): *ringähnlich geformtes, nicht geschlossenes od. U-förmiges Teil, dessen beide Enden mit einem Bolzen geschlossen werden können u. das zum Verbinden zweier Kettenglieder, bes. der beiden Enden einer Kette, dient*; – серьга, ушко; скоба.

schwel|en <sw. V.; hat> [aus dem Niederd. < mniederd. swelen]: ...**2.** (Technik) (*bes. Stein- u. Braunkohle*) *unter Luftabschluss erhitzt*

zen (wobei Schwelkoks, -gase, Schwelteer gewonnen werden); – накалять (без доступа воздуха).

К терминиферу геологической науки относятся 6 лексем, из которых 5 обозначают особого рода геологические формы в месте контакта с водной средой:

Soll, das; -s, Solle [aus dem Niederd., eigtl. = (sumpfiges) Wasserloch] (Geol.): *kleine, oft kreisrunde [mit Wasser gefüllte] Bodensenke (im Bereich von Grund- u. Endmoränen)*; – лексема не представлена в БНПС.

Kolk, der; -[e]s, -e [aus dem Niederd. < mniederd. kolk = Vertiefung] (Geol.): *a) durch strudelndes Geröll entstandene Vertiefung in einem Flussbett, an Küsten od. am Untergrund von Gletschern; b) in Vertiefungen stehendes braun gefärbtes Wasser (in Hochmooren)*. – промоина, вымоина; омут.

Пометой (fachspr.) объединены 8 лексем различной семантики, более четкая атрибуция которых по узко профессиональной сфере также возможна. Остается, в частности, не совсем понятным, почему для лексем *köpen* 'выбирать (животных-производителей)' и *Köte f* 'мычка, щетка (под копытным сгибом)' в DUW не была использована помета (Landwirtschaft).

Для остальных 16 помет на основе отнесенности к определенным профессиональным сферам количество входящих в них лексем варьируется от одной до пяти. Общее количество нижненемецких лексем, входящих в различные профессиональные языки, составляет 122 единицы. В масштабе всей выборки объем профессиональной лексики составляет около 13 %. Однако для незначительного количества многозначных лексем зафиксированы значения, относящиеся к различным профессиональным языкам.

Распределение лексики нижненемецкого происхождения согласно отраслевым пометам DUW можно представить в виде таблицы 3.

**Распределение нижненемецкой лексики
по терминосферам**

<i>Помета</i>	<i>Количество примеров</i>
Archit.	2
Bauw.	2
Bergmannsspr.	2
Bot.	3
chem.	1
fachspr.	8
Fischereiw.	1
Fliegerspr.	2
Flugw.	1
Geogr.	1
Geol.	6
Jägerspr.	5
Kaufmannsspr.	1
Kinderspr.	1
Meeresk.	1
Pharm.	1
Rechtsspr.	1
Schiffbau	4
Seemannsspr.	53
Seew.	12
Soldatenspr.	1
techn.	8
Textilind.	2
Wasserbau	3
Всего	122

Маркирование профессиональной лексики с помощью словарных помет проводится в словаре DUW довольно непоследовательно. Вполне произвольным можно считать то, что, напри-

мер, лексема *Stack m* снабжена пометой (Seew.), а не (Wasserbau). В то же время лексема *Buhne f* не маркирована вовсе. При этом немаркированная лексема снабжена подробной дефиницией, а маркированная отправляет пользователя словаря к немаркированной:

Stack, das; [-e]s, -e [mniederd. stak, wohl verw. mit Stake(n)] (Seew.); *Buhne*; – буна (один из видов гидротехнических сооружений).

Buh|ne, die; -, -n [aus dem Niederd. < mniederd. bune]: *im rechten Winkel zum Ufer ins Wasser hineinragende dammartige Konstruktion aus eingerammten Pfählen, aus Steinen o.Ä., die die Strömung regulieren u. die Ablagerung der vom Wasser mitgeführten festen Stoffe fördern soll.* – (гидр.) полузапруда, буна, шпора.

Таким образом, около 1/10 части от общего объема нижне-немецких заимствований дополнили состав профессиональных языков. Особенно широко представлена сфера «морской» лексики, куда входят термины как мореходства, судостроения, так и океанографии. К этой сфере в целом, как было указано выше, можно отнести четыре типа помет с общим числом лексем 70, т. е. более половины. Тематически с ней в значительной мере соприкасаются лексемы, объединенные пометой (Geol.) и (Wasserbau), что говорит о преимущественном использовании литературным языком специфических реалий северной Германии в сферах, где нижне-немецкий обладал хорошо развитой и устоявшейся номенклатурой понятий.

Одновременно приходится констатировать, что составители словаря DUW недостаточно последовательны, вероятно, по вполне объективным причинам, в маркировании профессиональной лексики. Не всегда прозрачны различия в отнесении внешне равнозначных лексем соответственно к маркированной по данному признаку или общеупотребительной лексике. Аналогичная неуверенность лексикографов заметна и в распределении смысловой нагрузки помет (Seemannsspr.) и (Seew.).

3.3. Стилистическая дифференциация заимствованного словарного фонда

Проблема адекватного маркирования в лексикографических источниках стилистических особенностей употребления лексических единиц сохраняет свою актуальность даже на современном уровне развития лексикографии. Исследователи отмечают, что в толковом словаре стилистические пометы имеют наименее последовательный и объективный характер [Käge, S. 110; Bergenholtz, Mugdan, S. 74]. Причина этого усматривается в первичности для стилистической оценки ориентации на отношения «говорящий – слушатель», а не на содержательную, предметную сторону. Поэтому колебания в атрибуции такого рода, как правило, наиболее заметны. В то же время отмечается, что наблюдаемые различия между толковыми словарями часто обусловлены различиями в применяемых их авторами моделях стилистических уровней.

Серия словарей Duden придерживается единой и достаточно устоявшейся для национального узуса системы стилистической стратификации [Wiegand, S. 155].

Обычной практикой является отсутствие стилистических помет для лексики нейтрального стиля, составляющей большую часть корпуса словаря. Двуязычный большой немецко-русский словарь, составленный под руководством О.И. Москальской, в рамках данной иерархии вычленяет высокую и поэтическую лексику в слое стилистически выше нейтрального, а также разговорную и грубую – среди сниженной лексики. Одноязычный толковый словарь DUDU предлагает более дробную стилистическую характеристику как высокого, так и сниженного стилистического уровня. В высоком уровне он выделяет лексику, употребляемую образованными носителями языка, а среди сниженной лексики – фамильярно-разговорную (salopp) и вульгарную, бранную (vulgär).

**Маркирование стилистической окраски лексики
(в словарях серии Duden и в БНРС)**

Стилистические слои	Объяснение согласно DGW	Приблизительный эквивалент (по БНРС)
gehobene (geh.) Sprache dichterische (dichter.) Sprache	gepflegte Ausdrucksweise Wörter, die vorzugsweise in der Dichtung vorkommen und heute fast durchgängig veraltet sind	(высок.) высокий стиль (поэт.) поэтическое слово, выражение
bildungssprachlich (bildungsspr.)	gebildete Ausdrucksweise	
normalsprachliche Wörter (-)	die Wörter bilden den überwiegenden Bestandteil des Wortschatzes und sind im Stilwert neutral	
Umgangssprache (ugs.)	üblich im alltagsprachlichen, besonders im familiär- vertraulichen, mündlichen Verkehr, auch in Öffentlichkeit anzutreffen, hat Eingang in Literatur gefunden	(разг.) разговорное слово, выражение
(salopp)	Wörter, die einer burschikosen, z.T. recht nachlässigen Ausdrucksweise angehören	
(derb)	Wörter, die einer groben und gewöhnlichen Ausdrucksweise angehören	(груб.) грубое слово, выражение
(vulgar)	Wörter, die zu einer niedrigen und obszönen Ausdrucksweise gehören	

Кроме упомянутых стилистических слоев в толковом словаре лексемы снабжаются указаниями на дополнительные стилистические оттенки. Сюда входят данные, еще более точно указывающие на особенности употребления единицы. В словаре DUW к ним, в частности, относятся такие пометы, как: (scherz. – шутл.), (spött. – ирон.), (abwertend – неодобр.), (Schimpfwort – бран.) и др.

В результате анализа выборки оказалось, что среди лексики нижненемецкого происхождения практически не представлены слова высокого стиля и бранные слова, то есть крайние точки шкалы стилистической дифференциации. Высокий стиль представлен семью лексемами с пометой (geh.) и двумя лексемами с пометой (dichter.), причем одна из этих лексем характеризуется лишь дополнительным поэтическим значением наряду с основным нейтральным:

schmach|ten <sw. V.; hat> [aus dem Niederd. < mniederd. smachten] (geh.): **1.** *Entbehrung (bes. Durst, Hunger) leiden: in der Hitze s.; im Kerker s.; Jmdn. s. lassen.* **2.** *leidend nach jmdm., nach etw. verlangen; sich schmerzlich sehnen: nach einem Tropfen Wasser s.; nach der Geliebten s.; – томиться, изнемогать, изнывать; тосковать; жаждать.*

Born, der; -[e]s, -e [aus dem Niederd. < mniederd. born, mit Umstellung des r aus Bronn] (dichter.): *Brunnen, Wasserquelle: ein kühler B.; Ü (geh.): ein unerschöpflicher B. der Freude; aus dem B. seines Wissens schöpfen; – (поэт.) источник, ключ, родник.*

Kiel, der; -[e]s, -e [aus dem Niederd. < mniederd. kil, kel; wahrsch. verw. mit Kehle im Sinne von „halsförmig Geschwungenes]: ...**2.** (dichter. veraltend) *Boot, Schiff.* – в этом значении нет в БНРС.

Словарь DUW не фиксирует ни одной лексики нижненемецкого происхождения с пометой (bildungsspr.). Иными словами, нижненемецкий словарный фонд составляет здесь менее 1 % от общего объема выборки, что приблизительно эквивалентно соотношению количества такого рода лексики

в словаре и полного объема представленной в словаре лексики.

Нейтральная лексика представлена в словаре DUW 503 лексическими единицами, что составляет не менее 55,7 % выборки. Необходимо отметить, что по причине использования электронной обработки данных в число нейтральных в стилистическом отношении лексем не попали единицы, хотя бы одно из значений которых снабжено словарной пометой, свидетельствующей о ее разговорной, фамильярной или грубой окраске. С учетом того, что целый ряд лексем в основном значении, указанном в словаре первым, относится к нейтральному слою лексики, процент таких слов объективно более высок, ср.:

schmo|ren <sw. V.; hat> [aus dem Niederd. < mnd. smoren, eigtl. = ersticken]: **1. a)** *kurz anbraten u. dann in Brühe, Fond in einem zugedeckten Topf langsam gar werden lassen*: das Fleisch im eigenen Saft s.; **b)** *(von angebratenem Fleisch, Fisch, Gemüse) in Brühe, Fond o. Ä. in einem zugedeckten Topf langsam garen*: der Braten schmort auf dem Herd, in der Pfanne; ***jmdn. S. lassen** (ugs.; jmdn. [in einer unangenehmen Situation] *längere Zeit im Ungewissen lassen*); **etw. s. lassen** (ugs.; etw. *längere Zeit unbeachtet liegen lassen, nicht bearbeiten, nicht verwenden*). **2. (ugs.)** [in unangenehmer Weise] *großer Hitze ausgesetzt sein [u. schwitzen]*: in der prallen Sonne s. **3. (Ugs.)** *sich infolge zu hoher Spannung (2) o. Ä. stark erhitzen [u. durchglühen]*: das Kabel schmort.

Весьма значительным оказывается слой сниженной лексики нижненемецкого происхождения. Как и в случае с высоким стилем, один из типов стилистических помет этого уровня в выборке не представлен вовсе. Ни одной лексемы с пометой (vulgär), т. е. ни одной вульгарно-непристойной единицы, не зарегистрировано.

Самый значительный слой сниженной лексики имеет словарную помету (ugs.) – 367 ЛЕ, т. е. 40,6 % выборки. О возможности неоднозначной трактовки данной пометы уже говори-

лось в связи с ее актуальностью как диатопической функциональной характеристики. Кроме того, краткое описание содержания пометы, данное в таблице в начале данного раздела, обращает внимание на все большее взаимопроникновение обиходно-разговорной и литературной страт национального языка, показателем чего является, например, меньшая избирательность при употреблении разговорных единиц в литературном дискурсе. Поэтому часто именно помета (ugs.) маркирует значения слова, производные от основного нейтрального значения и отличающиеся от него по стилистической окраске:

dö|sen <sw. V.; hat> [aus dem Niederd., dafür mhd. dosen = schlummern] (ugs.): **1.** *leicht, nicht tief schlafen; sich in einem Zustand von Halbschlaf befinden*: ich schloss die Augen und döste. **2.** *halb wie im Traum vor sich hin blicken, ohne seine Aufmerksamkeit auf jmdn. od. etw. zu richten*: im Unterricht döste er. – (разг.) дремать, клевать носом.

Kü|ken, (österreich.) Kücken, das; -s, – [aus dem Niederd. < mnie-derd. küken, urspr. lautm.]: **1.** *Junges von Geflügel (bes. des Huhns)*: K. aufziehen. **2.** (ugs.) *kleines Kind; junges unerfahrenes Mädchen*. **3.** (Technik) *in einen Hahn (3) eingebauter, drehbarer, kegelförmiger Teil zum Öffnen u. Schließen*. – цыпленок; молодая наивная девушка; (техн.) пробка (крана).

Еще одним аспектом маркирования лексемы как разговорной является ее преимущественно устное употребление, что зачастую сопряжено с дополнительной эмоциональной нагрузкой. Поэтому помета (ugs.) иногда получает уточнение типа (abwertend) или (scherzh.), например:

däm|lich <Adj.> [aus dem Md., Niederd., zu niederd. dämelen = nicht recht bei Sinnen sein] (ugs. abwertend): **a)** *dumm, einfältig*: -es Gerede; ein -es Gesicht machen; du bist ganz schön d., wenn du auf diesen Vorschlag eingehst; **b)** *dumm, ungeschickt*: stell dich nicht so d. an; – придурковатый, глуповатый.

Krab|be, die; -, -n [aus dem Niederd. < mniederd. krabbe = kleiner Meerkrebs, eigtl. = krabbelndes Tier]: ... **2.** (ugs. scherzh.) *in Art u. Wesen munteres, drolliges, niedliches Kind, Mädchen.* – карапуз, малыш.

Всего помету (ugs. abwertend) в исследованной выборке имеют 20 единиц, а помету (ugs. scherzh.) – 15 ЛЕ. Другие типы обозначения дополнительных стилистических характеристик, такие как (Schimpfwort), (spött.) в выборке не представлены.

Фамильярно-разговорная лексика маркируется в словаре пометой (salopp). В содержание этого понятия входит также его преимущественное применение к сфере устного общения. Кроме того, дефиниция понятия *salopp* в словаре DUW подчеркивает такие стороны понятия, как «непринужденность» и «несоблюдение общественно принятых форм поведения». Последнее значение, очевидно, является ключевым в различении объема понятий (*salopp*) и (ugs.). Если обиходно-разговорные формы часто вполне допустимы в широкой социальной коммуникации, то лексика, маркируемая как (*salopp*), предполагает известную дистанцию к нейтральному узусу, например:

Pu|te, die; -, -n [aus dem Niederd., zu put, put]: **1.** *Truthenne (bes. als Braten):* eine P. braten. **2.** (*salopp* abwertend) *dumme, eingebildete weibliche Person:* sie ist eine alberne Person; – индейка; (разг.) гусыня (о человеке).

ab|murk|sen <sw. V.; hat> [urspr. Studentenspr., zu niederd. murken = töten < mniederd. morken = zerdrücken] (*salopp*): *umbringen:* er hat seine Frau abgemurkst. – убить, прикончить, укокошить.

Всего в выборке представлено 20 ЛЕ, снабженных пометой (*salopp*).

Одновременно авторы словаря Бергенхольц, Мугдан [В, М, S. 74] выступают за менее дробное членение уровня сниженной лексики, утверждая, что различия между (ugs.) и (*salopp*), (*derb*) и (*vulgär*) не носят принципиального характера, в связи

с чем дистрибуция по принципу стилистической маркированности получает искусственный характер. Подобное сокращение числа подуровней предпринято, в частности, и в БНРС.

Только 4 лексемы нижненемецкого происхождения имеют в словаре DUW помету (derb), у двух из них лишь одно из значений (на основе метонимического переноса) снабжено данной пометой:

Tit|te, die; -, -n [aus dem Niederd. < mniederd. tittle, niederd. Form von Zitze] (derb): *weibliche Brust*.

Knü|pel, der; -s, - [aus dem Niederd., (Ost)md., zu mniederd. knop = Knopf; in niederd. Lautung im Hochdeutschen vermischt mit älterem Klöppel = Gerät zum Klopfen]: **1. a)** *kurzer, dicker Stock...*; **b)** *etwa armdickes Rundholz in bestimmter Länge*; **c)** (Metallbearb.) *vierkantiger gewalzter Stahl. ...4.* (derb) *Penis*.

Общая статистика по стилистической маркированности представленной в выборке лексики выглядит следующим образом:

Таблица 5

**Стилистическая маркированность
нижненемецких заимствований**

Стилистические слои	Количество	%
gehobene (geh.) Sprache	7	0,8
dichterische (dichter.) Sprache	2	0,2
bildungssprachlich (bildungsspr.)	-	-
normalsprachliche Wörter (-)	503	55,7
Umgangssprache (ugs.)	367	40,6
(salopp)	20	2,2
(derb)	4	0,4
(vulgar)	-	-

Следует еще раз подчеркнуть, что к слою нейтральной лексики нами были отнесены исключительно лексемы, ни в одном из значений не имеющие указаний на стилистические ограничения. Нередки случаи, когда в структуре словарной статьи кроме основного нейтрального значения приводятся значения с другими стилистическими характеристиками, в первую очередь значения с пометой (ugs.).

В силу известной субъективности абсолютной стилистической характеристики слова вне контекста достаточно расплывчатыми выступают границы, разделяющие лексику нижненемецкого происхождения нейтрального, разговорного и фамильярного слоев. В приведенных ниже примерах определяющей при выборе стилистического маркера, по-видимому, является семантическая структура лексемы:

klö|nen <sw. V.; hat> [wahrsch. lautm., alter niederd. klönen = tönen; durchdringend od. weitschweifend reden] (nordd.): *gemütlich plaudern*. – болтать, беседовать.

schna|cken <sw. V.; hat> [(m)niederd. snacken] (nordd.): **a**) *reden, sprechen*: er schnackt am liebsten Platt, in Mundart; **b**) *sich mit jmdm. gemütlich, zwanglos unterhalten, plaudern*: mit dem Nachbarn S. – болтать, разговоривать; рассказывать.

quat|schen <sw. V.; hat> [zu niederd. quat = schlecht, böse (verw. mit Kot)]; **1.** (salopp abwertend) **a**) *viel u. töricht reden*: ihr sollt [im Unterricht] nicht dauernd q.; quatsch nicht so dumm!; quatsch nicht, Krause! (berlin.; *sei still!*); **b**) *etw. von sich geben* (9): dummes Zeug q. **2.** (salopp abwertend) (*über jmd. nicht Anwesendes*) *in geschwätziger Weise [abfällig] reden*: es wird so viel gequatscht. **3.** (salopp) *etw., was geheim bleiben sollte, weitererzählen*: wer hat denn da wieder gequatscht? **4.** (salopp) *sich unterhalten* (4): mit jmdm. zusammen q. – (разг.) нести ерунду, болтать вздор.

quas|seln <sw. V.; hat> [aus dem Niederd., zu niederd. quassen = schwatzen, zu: dwas, mniederd. dwas = töricht] (ugs., oft abwer-

tend): *unaufhörlich u. schnell reden; schwatzen*: hör auf zu q.!: mit jmdm. q.; quassel nicht so viel!; <mit Akk.-Obj.: > dummes Zeug q.; – болтать [нести] вздор; судачить.

Все четыре лексемы содержат в своем значении сему «говорить», при этом quasseln и quatschen обладают в силу наличия дополнительных негативных сем «много», «без остановки», «бессмысленно» маркировкой (ugs.) и (salopp), употребляясь при этом в аналогичных контекстах, ср.:

dummes Zeug quatschen / quasseln;
quatsch / quassel nicht so dumm / viel.

Таким образом, не менее половины нижненемецких заимствований в современном немецком литературном языке обладают нейтральной стилистической окраской. Вторую по абсолютному количеству группу образует лексика обиходно-разговорного стиля. Нейтральная в своем основном значении единица может иметь производные значения как более высокого стилистического уровня, так и, значительно чаще, стилистически сниженного уровня вплоть до грубого.

Не совсем однозначной и объективной по причинам внутриязыкового характера является дистрибуция лексики в рамках достаточно дробной системы словарных помет в словаре DUW. В особенности неоднозначной является атрибуция лексики к обиходно-разговорному слою, который в силу коммуникативной специфики оказывается открытым в направлении как нейтрально-литературной, так и фамильярной лексики.

Относительность самого отнесения нижненемецкой лексики к определенному стилистическому пласту осложняет также решение вопроса о ее роли в формировании северно-немецкого регионального варианта литературного немецкого языка и северно-немецкого просторечия.

3.4. Нижненемецкие заимствования с территориально ограниченным употреблением

Контактное взаимодействие между нижненемецким и экспандирующим в его языковой ареал языком верхненемецкого типа привело не только к интеграции большого количества лексических единиц в общенациональный стандарт. Некоторая часть диалектной лексики не получила повсеместного распространения и не вошла в основной словарный фонд, сохранившись, однако, в северно-немецком региональном узусе (чаще только в устном употреблении). Исторический ареал распространения нижненемецкого, несмотря на переход к использованию языка верхненемецкого типа в практически всех коммуникативных сферах, остается консервативным в плане сохранения части исконной лексики. Иными словами, северно-немецкий региональный вариант немецкого языка отличается двойственной ориентацией. С одной стороны, его основу, несомненно, формирует верхненемецкий языковой тип, а с другой – многовексовая региональная традиция сохраняет активность до настоящего времени.

Проблема статуса северно-немецкого регионального варианта немецкого языка предполагает определение его параметров по сравнению с литературной нормой, в частности – представляет ли он собой локальный вариант литературного языка или некую форму обиходно-разговорного языка с некоторым количеством унаследованных местных элементов? Вслед за тезисом У. Бихеля о том, что такое явление, как *Umgangssprache* (разговорный язык, обиходно-разговорный язык, просторечие), практически не поддается определению как промежуточный уровень в рамках функциональной иерархии *Hochsprache* – *Umgangssprache* – *Mundart*, приходится констатировать, что этот феномен также не един и может рассматриваться дифференцированно в зависимости от аспекта изучения.

Прежде всего, северно-немецкий вариант немецкого языка, как было отмечено, двунаправлен и его ареальную базу составляют исторические районы исконного распространения нижненемецкого. В то же время такое сопоставление также условно и понятия «нижненемецкий» и «северно-немецкий» даже с точки зрения лингвистики не обязательно тождественны. Очевидно, что в отличие от понятия «нижненемецкий», ассоциируемого с определенным языковым типом, «северно-немецкий» – понятие ареальной лингвистики. В его сферу могут входить не только рефлексy самих по себе достаточно различных нижненемецких диалектов, но также и других взаимодействовавших с нижненемецким автохтонных языков (например, фризского). Более того, частью северно-немецкого регионального варианта могут быть верхненемецкие элементы, распространение которых ограничено северной Германией.

Из этого следует, что такая диатопическая характеристика слова, как «северно-немецкий» (нем. norddeutsch в словаре DUW толкуется как 'происходящий из северной Германии, характерный для северной Германии' и снабжается пометой **nordd.**), не предполагает по умолчанию нижненемецкого происхождения лексики. В рамках данного исследования лексика, снабженная пометами, говорящими о ее территориально ограниченном распространении, была включена в корпус исследования лишь в случае, если имелись ясные данные о нижненемецком как ее источнике.

Кроме пометы (**nordd.**) к географическому ареалу нижненемецких диалектов можно отнести такие пометы, принятые в словаре DUW, как (**nordwestd.**), (**nordostd.**). О территориально ограниченном употреблении свидетельствует и помета (**landsch.**), особенно в сочетании (**landsch., bes. nordd.**). Однако лексика такого рода также была учтена нами, только если ее сопровождают этимологические данные о нижненемецком происхождении. Вследствие этого существует опасность того, что часть релевантного для данного исследования материала

не вошла в корпус исследования просто из-за отсутствия соответствующих этимологических данных.

В пользу необходимости такого ограничения говорит следующее наблюдение. В словаре DUW 361 лексема имеет помету (nordd.), не сопровождающуюся хотя бы одной ссылкой на нижненемецкое происхождение [niederd.], [aus dem Niederd.], [mniederd.], [mnd.] или [asächs.]. Из них часть является лексемами, производными от представленных в нашей выборке или их вариантными формами. Ср.:

mang <Präp. mit Dativ u. Akk.> [mhd., mniederd. mang, manc, asächs. an gimang, eigtl. = Akk. von: gimang = Schar, Haufen] (nordd., berlin.): *mitten unter, zwischen*: m. den Büchern; m. die Leute gehen. – между, (по)среди.

mit|ten|mang <Adv.> (nordd., bes. berlin. ugs.): *mittendrin*: m. sitzen. – (по)среди.

Первый вариант представлен в выборке и включен во все статистические данные на ее основе, но второй – согласно принятой в работе методике – в основной корпус исследования не входит.

Некоторые лексические единицы такого рода имеют четкое указание на происхождение из языков, сопредельных нижненемецкому ареалу, или этимологические данные полностью отсутствуют. Следующие примеры свидетельствуют о том, что словарный фонд северно-немецкого регионального варианта немецкого языка не всегда расширялся исключительно за счет нижненемецкой лексики. Обращает на себя внимание использование в БНРС, как отмечалось, только одной пометы для характеристик «северно-немецкий» и «нижненемецкий» (н.-нем. – *нижненемецкие диалекты*). Ср.:

Baas, der; -es, -e [niederl. baas < mniederl. baes, Н. u.] (nordd., bes. Seemannsspr.): *Herr, Meister, Aufseher, Vermittler*. – (н.-нем.) хозяин, наниматель; мастер, надсмотрщик.

Fo|ße, die; -, -n [frz. (carte) fausse = schlechte Karte] (nordd.): *minderwertige Karte im Kartenspiel*. – (карт.) фоска.

Pa|le, die; -, -n [Н. у.] (nordd.): *Schote*. – стручок.

В последнем примере указание на распространение единицы в северной Германии не подкрепляется указанием на ее региональное происхождение. Косвенно на нижненемецкое происхождение указывает ее фиксация в РНВ в словарной статье **Paal**, *f.*, *Hülse, Schote* (bes. von Erbsen und Bohnen), однако этот словарь, к сожалению, не содержит какой-либо этимологической информации.

Всего словарь DUW приводит 243 лексические единицы, у которых пометы (nordd.), (nordwestd.) или (nordostd.) сочетаются с ясной этимологической характеристикой [niederd.], [mniederd.], [mnd.] и т. п. Статистические данные распределения сочетаний этимологических и диатопических помет представлены в табл. 6.

Таблица 6

Севернонемецкие регионализмы в литературном стандарте

Этимологическая и диатопическая помета	Количество
nordd. + niederd.	46
nordd. + mniederd.	160
nordd. + niederd. < mniederd.	30
nordd. + mnd.	3
nordostd. + niederd.	3
nordwestd. + niederd.	1

Основную массу северно-немецких регионализмов составляют, таким образом, единицы с «подтвержденными» средне-нижненемецкими источниками (см. три вида сочетаний помет). Ср.:

klö|nen <sw. V.; hat> [wahrsch. lautm., älter niederd. klonen = tönen; durchdringend od. weitschweifend reden] (nordd.): *gemütlich plaudern*. – болтать, беседовать.

ban|nig <Adv.> [wohl mniederd. bannich = gebannt, verdammt] (nordd.): *ungewöhnlich, außerordentlich, sehr*: sich b. freuen. – очень, весьма, чрезвычайно.

prü|nen <sw. V.; hat> [zu niederd. *prün* < niederd. *pren* = Nadel, Pfriem] (nordd. ugs. abwertend): *grob, schlecht [zusammen]nähen*. – (неаккуратно) сшивать.

Kru|ke, die; -, -n [mnd. *kruke*, wohl verw. mit *Krug*] (1) (bes. nordd.): 1. *größeres krug-, flaschenähnliches Gefäß aus Ton, Steingut*: eine K. Schnaps. 2. (bes. nordd., berlin. *salopp*) *liebesschrullige Person*: eine *ulkige K.* – большой глиняный кувшин; бутыл; тип (о человеке).

Дисбаланс количества лексических единиц, помеченных как северно-немецкий регионализм с подтвержденным этимологическими данными нижненемецким происхождением, и такими регионализмами, где местное происхождение, по крайней мере, не подтверждено убедительно, показывает, что северно-немецкий вариант немецкого языка обязан своим лексическим своеобразием далеко не только нижненемецкому.

В то же время корпус толкового словаря современного немецкого языка не может быть взят за основу оценки степени влияния традиционных диалектов региона на региональный вариант языка. Он включает лишь необходимый минимум региональной лексики, ориентированный как раз на тех, кто не входит в рассматриваемую коммуникативную группу. Несомненно, что абсолютное количество диалектных единиц в речи носителя языка, близкого к диалектной среде, может значительно превышать представленную в словаре выборку, а некоторые жители северной Германии, наоборот, ситуативно обходятся минимальным количеством таких единиц.

Г. Нибаум утверждает, что словарь *Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache*, использующий аналогичную *DUW* систему помет, разделяет с их помощью три уровня функциональной парадигмы региональных вариантов. Для нижненемецкого ареала он выделяет: а) уровень стандарта (*standardsprachliche Ebene*) с диатонической характеристикой (nordd.), б) уровень просторечия (*umgangssprachliche Ebene*) с пометами (nordd., ugs./*salopp*), (nordostd.), (nordwestd.)

и в) уровень, близкий к диалекту (mundartnahe Ebene) с пометами (niederd.) и (ostniederd.) [Niebaum, S. 320–321].

Незначительное количество (4 единицы) лексем с более точной локальной атрибуцией (nordostd.), (nordwestd.) явно недостаточно для утверждения их просторечного характера и скорее дает повод предположить, что словарь DUW избегает точной локальной характеристики северно-немецких регионализмов.

Не находит убедительного подтверждения в фактическом материале и точка зрения Г. Нибаума о том, что словарь как-то особо помечает диалектные единицы. Это опровергает непоследовательность использования помет (ostniederd.) и (westniederd.) то как этимологических, то как диатопических характеристик лексем. Ср.:

Ke|scher, Käscher, der; -s, - [aus dem Niederd. (ostniederd.) < mniederd. kesser, Н. u.]: *um einen Ring mit Griff gespanntes Netz zum Fangen von Fischen, Krebsen, Insekten* – сачок.

Plin|se, die; -, -n [aus dem Slaw., vgl. sorb. blinc] (ostmd., ostniederd.): **a)** [mit Kompott gefüllter] *Pfannkuchen*; **b)** *Kartoffelpuffer*. – блинчик, блин (свернутый в трубочку).

Стилистическая дифференциация лексических средств, маркированных как северно-немецкие регионализмы, является вторым аспектом, затрудняющим рассмотрение северно-немецкого регионального варианта как единого феномена. Как уже отмечалось, помета (nordd. ugs./ nordd. salopp) свидетельствует о принадлежности лексемы к региональному обиходно-разговорному языку, то есть фактически подтверждает существование в функциональной парадигме языка региона страта с меньшей степенью нормативной регламентации и более близкого к локальной диалектной базе.

Одновременно с функциональной характеристикой (имплицитно включающей коммуникативные сферы, обслуживаемые одним из стратов) помета (ugs.) несет указание на стилистическую маркированность и, соответственно, включает снабжен-

ную ей лексему в шкалу стилистической окраски. Такая двусторонность словарной пометы имеет свою внутреннюю логику. Действительно, базирующееся на территориальной диалектной основе просторечие значительно более открыто в сторону диалекта, и от литературной нормы его отличает широкое использование диалектных единиц, иногда предпочитаемых литературному аналогу благодаря их экспрессивности. Ср.:

Bre|gen, (auch:) **Brägen**, der; -s, – [aus dem Niederd. < mniederd. bregen] (nordd.): **1.** *Hirn vom Schlachttier*. **2.** (ugs. scherzh.) *Schädel: die Sonne scheint mir auf den B.*; – мозги (животного, тж. пренебр. о человеке).

Не менее важным может быть создаваемая благодаря употреблению местной лексики ситуация принадлежности определенному кругу, ощущения культурной и социальной идентичности. Такую принадлежность как раз выдает использование локальных форм вместо более формальных, литературных в ситуации «свой, местный, близкий к диалекту» – «чужой, общеупотребительный, литературный». Ср.:

lütt <Adj.; -er, -este> [niederd.; vgl. mhd. lütze(l), ahd. luz(z)il] (nordd. ugs.): *klein*: ein -er Junge. – маленький.

ver|kla|ren <sw. V.; hat> [mniederd. vorklaren] (nordd. ugs.): [*mühsam*] *erklären, klarmachen*: das muss man ihm erst mal v.; – объяснять.

Исходя из взаимного наложения функционального и стилистического планов в просторечии не всегда однозначны и критерии маркирования северно-немецких регионализмов нижненемецкого происхождения. Остается, в частности, непонятным, насколько наличие пометы (ugs.) зависит от семантического наполнения лексемы. Так, в приведенных ниже примерах во всех трех случаях содержатся одинаковые семы:

Mod|der, der; -s [mniederd. modder, zu Moder] (nordd. ugs.): *schlammiger Schmutz*; *Schlamm*, *Morast*; – ил, тина, грязь; топь.

Mud, der; -s [mniederd. mudde, zu Moder] (nordd.): *Schlamm*, *Morast*; – ил, тина.

Mo|rast, der; -[e]s, -e u. Moräste [aus dem Niederd. < mniederd. moras, maras, mniederl. marasch < afrz. maresc, verw. mit Marsch]: **a)** *schlammiges Stück Land; sumpfiges Gelände; Sumpff[land]*: ein ausgedehnter, wegloser M.; das Land ist voller Sümpfe und -e/Moräste; **b)** <o. Pl.> *schlammiger Boden; Schlamm*: dunkler, zäher M.; im M. versinken; – болото, топь, тряси́на.

Сочетание помет (nordd.) и (ugs.) подразумевает существование в северной Германии специфического функционального страта, северно-немецкого варианта обиходно-разговорного языка. С учетом диахронии развития языковой ситуации в этом регионе несомненна унаследованная из автохтонного идиома локальная специфика этого страта. Основную проблему разграничения уровней функциональной парадигмы в региональном узусе (которое в конечном итоге оправдывает дополнительное маркирование лексической единицы в словаре) толковый словарь решает весьма условно. Просторечие характеризуется также частотностью употребления определенных языковых средств, комбинацией лексических средств с языковыми средствами других уровней.

Таким образом, для лексики нижненемецкого происхождения словарь DUW, по-видимому, дает через помету (ugs.) совмещенную двойную характеристику лексемы. С одной стороны, она указывает на преимущественное употребление единицы в обиходно-разговорном языке, характеризующемся на севере Германии разной степенью близости к диалектам нижненемецкого типа. С другой стороны, она маркирует стилистическую характеристику лексемы, ее принадлежность к субстандарту. Территориальная маркированность в известной мере предполагает стилистическую сниженность по отношению к стандарту.

Основываясь на лексикографических данных, можно сделать вывод о существовании на севере Германии такого феномена, как *северно-немецкий региональный вариант немецкого языка*. Он базируется на литературной форме немецкого языка и со-

держит незначительное количество лексических особенностей, унаследованных в первую очередь из местных нижненемецких диалектов. Северно-немецкий вариант значительно ближе к литературной норме даже на уровне обиходно-разговорного языка. Так, например, для сравнения – лексические особенности швейцарского национального варианта немецкого языка представлены в словаре DUW более чем 1700 единицами, а южно-немецкий региональный узус представляют более 800 единиц. Статистические показатели подтверждают, что влияние традиционных диалектных лексических систем на литературный стандарт на севере Германии значительно слабее, чем в южных регионах немецкой языковой области.

Открытость прежде более замкнутых коммуникативных сфер, урбанизация, мобильность населения и динамика социальных групп и сообществ в современную эпоху, вероятно, скажется на употребительности некоторых лексических слоев, близких к диалектному узусу. Их фиксация уже сегодня отчасти является «данью» устоявшейся и отчасти консервативной лексикографической традиции.

3.5. Словообразовательная продуктивность нижненемецких заимствований

Важным показателем адаптации иноязычного лексического материала является продуктивность заимствованных корней в рамках заимствующей системы. Исходное заимствование в результате словообразовательных процессов, таких как аффиксация, словосложение, конверсия и др., формирует набор дериватов, количество которых колеблется в широких рамках. Иногда исходная форма заимствования известна и очевидны процессы, в результате которых на основе существующих в немецком языке типов словообразования формируется гнездо слов, объединенных одним исходным заимствованием. Так, производный от нижненемецкого существительного глагол

оказывается исходной формой для суффиксального образования нового существительного:

pie|sa|cken <sw. V.; hat> [aus dem Niederd., wohl zu niederd. (ossen)pesek = Ochsenziemer, also eigtl. = mit dem Ochsenziemer schlagen] (ugs.): *jmdm. hartnäckig mit etw. zusetzen; jmdn. [unaufhörlich] quälen, peinigen*: die Stehmücke, der Zahnarzt hat mich ganz schön gepiesackt; *jmdn. mit peinlichen Fragen p.*; – (н.-нем., разг.) пилить, дожимать (кого-л.)

Pie|sa|cke|rei, die; -, -en: *das Piesacken*.

В конкретных случаях заимствования часто оказывается затруднительным или даже невозможным определение точной исходной формы. Этимологические словари не указывают, например, к какому лексико-грамматическому классу относилось исходное заимствование, представленное ннем. корнем *gammel* – 'старый, негодный'. Это могло быть существительное *Gammel m* 'ненужные вещи', или глагол *gammeln* 'портиться', а еще вероятнее – не сохранившееся в немецком языке прилагательное *gammel* 'старый' (ср. дат. *gammel*, шв. *gammal* с тем же значением). На его основе возникают дериваты, относящиеся к разным частям речи и часто подвергавшиеся процессам развития значения в новой заимствующей системе. Ср.: *gamm(e)lig* 'старый, бросовый, негодный'.

Схема образования гнезда производных слов может в данном случае выглядеть следующим образом. Нижненемецкое прилагательное *gammel* выступает основой образования глагола *gammeln* с широким значением 'стареть, становиться старым' (в этом значении отмечено уже в срннем. *gammelen*). В результате сужения значения глагол получает значение 'портиться от долгого хранения (о продуктах)'. Глагол в этом значении становится основой для производного прилагательного *gamm(e)lig* 'испорченный (о продуктах)'. Напрямую от прилагательного *gammel* в результате развития значения или от глагола *gammeln* образуется существительное *Gammel m* с перво-

начальным значением 'нечто старое', а затем в значении 'хлам, бесполезные вещи'.

Второе значение глагола 'слоняться без дела', появившееся в 1960-е гг. в русле европейского движения хиппи как социального явления, характеризует бесцельное времяпрепровождение молодых людей, стремление отказаться от навязываемой обществом системы ценностей путем отказа от работы, планов карьерного роста и общественного признания. Это значение стало основой образования отглагольных имен деятеля *Gammler m* 'бродяга, асоциальный элемент' и соответствующей формы для подобных лиц женского пола *Gammlerin f*, а также существительного с абстрактным суффиксом **-tum** для обозначения этого социального явления в целом: *Gammlertum n* 'бродяжничество, асоциальное поведение'.

Вероятным представляется и заимствование целого словообразовательного гнезда, существовавшего в исходном идиоме (например, *gammel, gammeln* и, возможно, *der Gammel*, представленные в диалектном словаре), так что каждый его элемент «предохраняет» все однокоренные слова от изоляции в заимствующей системе и, тем самым, вытеснению из нее. В случае такого типа контактного взаимодействия идиомов, как диглоссия, он тем более вероятен, что большинство жителей контактного ареала на определенном историческом этапе являются носителями обеих взаимодействующих лексических систем. Степень влияния исходной системы естественно уменьшается с потерей исходным идиомом своей коммуникативной значимости.

Как и в приведенном выше примере, нередко случаи, когда исходная форма словообразовательного гнезда в заимствующем идиоме не сохранилась или были заимствованы уже собственно производные единицы. Производная лексема в таком случае сама становится исходной единицей словообразования. Иногда этимологическое значение при заимствовании претерпевает изменение и утрачивается. Семантическая дистанция

между этимологией и производным словообразовательным гнездом может оказаться значительной. Так, прилагательное *flink* 'быстрый, проворный, юркий' в нижненемецком имело значение 'блестящий, сверкающий'. В этом значении оно приводится в верхненемецких словарях начиная с XVI в. вплоть до словаря Аделунга, в котором дополнительно появляется значение 'бодрый, быстрый' и указание на локальное распространение лексемы, а исходное значение маркировано как устаревшее. Исходное значение в современном немецком языке утрачивается полностью, второе значение становится основным, а на его основе возникает производное сложное прилагательное *wieselflink* 'юркий, как ласка' (*Wiesel* и '(зол.) ласка).

Нижненемецкий вариант глагола *gucken* – *kieken* 'смотреть, глядеть' сохраняет прозрачную внутреннюю форму, в частности, в производном конверсиве *Kickindiewelt* *m* (букв. «посмотри на мир», ннем. *Kiekinnewelt*) 'маленький ребенок, неопытный человек', подвергшемся лишь незначительной ассимиляции благодаря понятной для носителя языка структуре конструкции. Полной ассимиляции подверглось понятие *Ausguck* *m* '(мор.) наблюдательный пункт, марс, так называемое «воронье гнездо»' (ннем. *utkiek/kiekut*). Наоборот, вовсе не ассимилировалось понятие *Spökenkieker* *m* (букв. «видящий привидения, духов») 'ясновидящий, духовидец; (ирон.) странный человек'. Единица *kieken* с территориально ограниченным употреблением оказалась непродуктивной в общенемецком языке, но стала смысловой опорой заимствования из диалекта других лексем, обеспечивая «прозрачность» их внутренней формы.

С точки зрения степени адаптации нижненемецкой лексики в литературном языке верхненемецкого типа представляет интерес степень ее продуктивности, т. е. среднее количество производных от одного корня лексем, зафиксированных в словаре современного немецкого языка. Статистические подсчеты такого рода даже в рамках корпуса одного словаря достаточно трудоемки, поэтому в данном исследовании проводился лишь

выборочный подсчет производных форм. Для анализа были произвольным образом отобраны 90 лексем (т. е. 1/10 объема выборки), для каждой из которых на основе словаря DUW было подсчитано количество производных лексических единиц. Результаты анализа представлены в табл. 7.

Таблица 7

Продуктивность нижненемецких корней

<i>Количество дериватов</i>	<i>Встречаемость в выборке</i>	<i>%</i>
0	29	32,2
1	12	13,3
2	7	7,8
3	14	15,6
4	8	8,9
5	3	3,3
6	3	3,3
7	5	5,6
8	2	2,2
9 и более	7	7,8

Статистика показывает, что около 1/3 нижненемецких лексем после заимствования подверглись своего рода «консервации», т. е. дериваты на их основе не возникали вовсе либо не были включены в корпус словаря DUW, т. е. не являются сколь-нибудь релевантными для коммуникации в рамках общенемецкого литературного языка. Практически 3/4 заимствованных корней имеют до 4 дериватов, что в целом свидетельствует об их невысокой продуктивности.

Особенно часто малопродуктивными являются лексемы с территориально ограниченным распространением, например:

1. Нет дериватов

mack|lich <Adj.> [1: mniederd. makelik] (nordd.): 1. *ruhig, gemächlich*. 2. (Seemannsspr.) (*vom Schiff*) *ruhig auf dem Wasser liegend*; – удобный, сподручный; спокойный, идущий ровно, без качки (о судне).

2. Исходная лексема с двумя дериватами

Feim, der: -[e]s, -e, **Fei|me**, die; -, -n, **Fei|men**, der: -s, – [mniederd. vime] (nordd., md.): *großer, aufgeschichteter Haufen von Heu, Stroh, Getreide od. Holz*; – скирда (хлеба); стог (сена).

fei|men <sw. V.; hat> (nordd., md.): *zu Feimen aufschichten*. – скирдовать; складывать в стога.

Stroh|feim, der. **Stroh|fei|me**, die, **Stroh|fei|men**, der: vgl. Feim.

Определенную тенденцию к изолированности в лексической системе литературного языка проявляют северно-немецкие реалии. Очевидно, что они были включены в корпус словаря с целью реализации авторами лексикографической концепции, предполагающей максимальный охват релевантной для современной коммуникации лексики. Пользователю словаря не составит труда определить значение базирующегося на данной лексеме композита или аффиксального образования. Ср.:

Schaar, das; -[e]s, -e [aus dem Niederd. < mniederd. schare = Küste] (geol.): *Sandriff*. – лексема не представлена в БНРС.

В случае, когда при определении такого значения могут возникнуть затруднения, в словаре приводятся значения производных лексем:

Koog, der: -[e]s, **Köge** [mniederd. koch < mniederl. cooch, Н. u.] (niederd.): *dem Meer abgewonnenes, eingedeichtes Land*; **Polder**. – прибрежная полоса, защищенная от моря плотинами.

Som|mer|koog, der: *nur durch einen Sommerdeich geschützter Koog (der bei Sturmtiden überflutet wird)*.

Дополнительная стилистическая экспрессивная окраска, наоборот, часто способствует спецификации значения внутри синонимического ряда и, тем самым, формированию

производных лексем, относящихся к различным лексико-грамматическим классам. Так, глагол *fummeln* 'обшаривать, ощупывать; возиться' становится производящей основой для однокоренного глагола с приставкой *herum-*, обычно означающей беспорядочность, разноразличность, охватность действия, для прилагательного *fummelig* 'трудоемкий, требующий внимания к деталям (о работе)' и целого ряда существительных:

Fum|mel, der; -s, – [niederd., zu *fummeln*] (ugs.): *Kleid [aus billigem u. leichtem Stoff]*; – безаффиксное образование со значением 'легкое, дешевое платье', в БНРС также 'старое, заношенное платье'.

Fumm|ler, der; -s, – (ugs.): *jmd., der fummelt*. – имя деятеля с суффиксом *-er*.

Fum|melei, die; -, -en <Pl. selten> (ugs.): *das Fummeln* (1, 2); – суффиксальное образование с суффиксом *-ei*, обозначающим повторяемость, продолжительность действия с дерогативным оттенком.

Ge|fum|mel, das; -s (ugs.abwertend): [*dauerndes*] *Fummeln*. – приставочное образование с приставкой *ge-*, часто придающей дополнительное значение повторяемости, длительности действия с отрицательным оттенком.

Rat|ze|fum|mel, der; -s, – [unter Anlehnung an *ratzen* zu *radieren* u. *fummeln*] (Schülerspr.): *Radiergummi* – композитное образование с переносным значением заимствованного элемента.

Некоторые термины также имеют тенденцию к образованию многочисленных производных лексем. Так, нижненемецкий корень *achter-* со значением 'задний; сзади' представлен в 8 производных лексемах. Все они относятся к терминосфере морского дела. Данный корень, таким образом, является своеобразным терминологическим маркером:

Ach|ter|deck, das [vgl. *achterlich*] (Seemannsspr.): *Hinterdeck*; – (мор.) кормовая часть верхней палубы.

ach|tern <Adv.> [vgl. achterlich] (Seemannsspr.): *hinten*: das Wasser läuft a. ab, nach a.; – (мор.) сзади, за кормой, по корме, на корме.

Лексема Kiel *m* имеет в словаре DUW 7 производных лексем, а Fock *f* – 5 лексем. Лексема Fracht *f* представлена 21 дериватом, причем 19 существительными и двумя глаголами, так как производными образованиями от терминов преимущественно являются композиты, состоящие из данного термина и уточняющего его корневого элемента.

Дериватов, как правило, не имеют архаизмы и устаревающие слова (в выборке – помеченные как (veraltet) или (veraltehend) 24 единицы). Самым продуктивным из них является устаревший глагол *freien* '(поэт.) жениться, выходить замуж; сватать(ся)', для которого словарь DUW фиксирует 5 производных лексем, причем все они также маркируются как устаревшие, кроме лексемы *Freierfüße pl.*, употребляющейся исключительно в составе устойчивого сочетания *auf Freierfüßen gehen* '(разг.) искать невесту, собираться жениться'.

Обычно самыми продуктивными являются наиболее частотные слова, которых среди заимствований из нижненемецкого довольно немного. Как правило, это заимствования ранней поры, полностью ассимилированные и утратившие для носителей немецкого языка свой иноязычный характер. Обращает на себя внимание то, что лишь менее 10 % заимствованных из нижненемецкого в литературный стандарт корней имеют более 10 производных слов, распространенных в такой степени, чтобы быть включенными в корпус толкового словаря. Поэтому, учитывая невысокую продуктивность большинства нижненемецких корней, представляется обоснованным утверждать, что заимствования из нижненемецкого в общенемецком языке относятся в основном к периферийным слоям лексики. Многочисленные в немецком языке приставочные отглагольные образования от корней, зафиксированных в результате этимологического анализа, представлены в незначи-

тельном количестве. Не велико и количество сложных слов, возникших на базе нижненемецких корней.

3.6. Некоторые аспекты идиоматизации

Современные идиоматические словари немецкого языка значительно различаются по объему и принципам отбора лексики, что затрудняет фронтальное исследование нижненемецких заимствований в аспекте их идиоматизации в общенемецком стандарте. Данный интереснейший сегмент немецкой идиоматики не является, тем не менее, достаточно исследованным. Их изучение чрезвычайно перспективно и с позиций когнитивной лингвистики (языковая ментальность, концепты и др.).

Лексикологи-нормализаторы в основном обращают внимание на нижненемецкие варианты общенемецких ФЕ и УСК, например, с парным сочетанием: *sich über Tod und Teibel unterhalten, über Tod und Teufel reden „d. h. über alles Mögliche“* [Fleischer, S. 51], или *ein hanebucher Kerl* 'грубый, неотесанный человек', *hanebüchen* '(разг.) неслышанный, наглый, нахальный, грубый' от нем. *Hanebuche* (вариант нем. *Hain(e)buche f* '(бот.) граб обыкновенный').

Нижненемецкие единицы отмечаются в лингвокультурологических изысканиях также как компоненты формирования национально-культурной специфики содержания общенемецких ФЕ, особенно с коннотациями в диахронии. Так, они нередко являются отономастическими образованиями, например, антропонимами. Ср. известное в XIX в. гамбургское обозначение-прозвище человека, который всегда откладывает выполнение какого-то дела, как *Hans Namiddag*, образованное на основе имени, встречающемся в фольклоре и в немецкой идиоматике с XIV в., или образное название Северного моря *der blanke Hans, der blaue Peter* «морской флаг», а также названиями единичных предметов, например, *die grüne Minna*

«арестантский полицейский фургон (в Берлине, Киле, Кельне)» и *der grüne August* (в Гамбурге).

Общеизвестно в немецкой лингвокультуре оттопонимическое обозначение провинциальной, захолустной, неизвестной местности и наивных нравов как *in (aus, nach) Buxtehude sein (wo die Hunde mit dem Schwanz bellen)*, образованное от названия маленького городка в Нижней Саксонии под Гамбургом [R, Bd. 1, S. 287]. Форменная верхняя рубаша немецких моряков называется *Kieler Hemd*, поскольку известный с XIII века Киль является важнейшим портом на Балтийском море [Мальцева, с. 119, 124–125, 134].

Общеизвестно также фамильярное, снисходительное обращение „*Bruder Sachse!*“, фиксирующее древние межэтнические конфронтации внутри немецкой народности. Впрочем, в современном этносознании немцев эксклавирование, особые оценки жителей севера Германии именно как соотечественников-приморцев или северян уже не слишком выражены.

Отметим характерную метонимизацию, распределение и грамматическую маркированность значений лексем:

- 1) *Nord m* как «(поэт.) полночь; полноточные страны»;
- 2) с компонентом *Nord-*: *nordisch* «северный → скандинавский»; *nördlich* «северный, к северу, севернее → скандинавский»; *norddeutsch* «северогерманский, севернонемецкий, (лингв.) нижненемецкий»; *Nordland n, Nordländer pl.* «Север, страна Севера, скандинавские (Северные) страны» → «северянин, житель Севера, (ист.) норманн»; *Norden m* «север (направление; употр. без артикля), север (как территория) → Северные страны, Скандинавия (включая и континентальную Данию); *Nordküste f* «северный берег, побережье». Устаревшими следует признать отмечаемое в XVIII веке *Norde m „Nordländer“* и *Nordmark f* как обозначение Альтмарка и Шлезвиг-Гольштинии;
- 3) с компонентом *niederdeutsch*: «нижненемецкий (о диалектах), севернонемецкий»; *Niederdeutsch(e) n* «нижненемец-

кие диалекты»; Niederdeutsche *m, f* «житель, -ница Северной Германии»; Niederdeutschland *n* «Северная Германия» [БНРС, т. II, с. 149, 154–155].

- 4) с компонентом Sachs-: Sachse *m* «саксонец, житель Саксонии; (ист.) сакс»; Sachse *m* «батрак-отходник»; sächselt *n* «говорить с саксонским акцентом» [БНРС, т. I, с. 280].

Характерная «геоцентрированность» этносознания немцев выражена и в ФЕ Nord, Süd, Ost, West, zu Hausn ist das Beste „в гостях хорошо, а дома лучше», в обозначении восточного географического соседа – России в XIX веке как der nordische Koloss, или в ФЕ in Nord und Süd „überall“ [Sy, S. 408].

Интересно также отметить разговорное, шутливое обозначение политического деятеля Баварии родом с севера ФРГ как Nordlicht *n*, образованное от наименования северного (полярного) сияния, которое имеет фиксируемые в литературном стандарте синонимы – нем. по происхождению Nordflüs *n* [СРЛ, с. 525] и устаревшее Nordschein *m*. Отметим также устаревшее название компаса как Nordweiser *m*.

Мы в основном ограничимся фрагментарными данными фундаментального пятикратно изданного словаря ФЕ и паремий Л. Рериха, впервые опубликованного в 1973 году [R, S. 1–5]. Спектр отмеченных фразеологизмов нижненемецкого происхождения или ФЕ, где нижненемецкие лексемы выступают как ядерные или производные, достаточно разнообразен. При этом вся ФЕ чаще всего не всегда является исконно нижненемецкой (севернонемецкой), а исходная форма нем. единиц как заимствований является «стертой».

Л. Рерих отмечает в своем словаре появление выражения производного от названия Ганзейского союза – (Dat.) hanseln (*hansen, verhansen*) со значением „necken, zum besten haben“ и датирует его 1259 г. [R, Bd. 2, S. 663]. Он связывает идиом с развитием Ганзы и приписывает ему первоначальное значение „die Aufnahme in eine Schar“, т. к. в див. и в гот. hansa „Schar“, отмечая и позднейшие субстантивные формы Verhansen *n*, Han-

selrecht *n*, Hänself *n*, Hänselfei *f*, Gehänselfe *m* с ироническим и шуточно-ритуальным значением: „ein derbes, spöttisches Nicken; scherzhafte Aufnahme in die Gesellschaft“ в лексиконах студентов, столяров и моряков. Более позднее значение устойчиво пейоративно: „j-m zum Narren haben“.

От нижненемецкого по происхождению существительного Lotse *m* 'лоцман' образован глагол lotsen (ср. ФЕ j-n durch etwas hindurchlotzen) со значением „j-m über seine schlimmsten Schwierigkeiten hinweghelfen“, проникший из лексикона моряков в общенациональный фонд [R, Bd. 3, S. 976].

От нижненемецкого Tüte *f* образованы разговорные выражения nichts auf der Tüte haben, schwach auf der Tüte sein с общим значением „mittellos sein“, а также берлинские идиомы wie Tüte schmecken, wie Tüte mit Ei schmecken со значением „sehr gut schmecken“ [R, Bd. 5, S. 1625]. Примечательно, что от общенемецкого соответствия Zitze *f* «сосок, (фам.) сиська» образование ФЕ не активно.

С нижненемецкой лексемой Kieker *m* „Fernrohr, Fernglas, Lupe“, восходящей к kieken „sehen“, образовано датируемое XVIII веком выражение j-n / etwas auf dem Kieker haben „sein Augenmerk auf j-m richten, j-m beobachten, j-n überwachen, j-n verdächtigen“, употребительное, в частности, в сленге школьников [R, Bd. 3, S. 835] и в разговорной речи. Ср. также образную ФЕ in die Röhre (in den Mond) kieken «остаться с носом (ни с чем)» [СРЛ, с. 370].

Известное выражение j-m einen Knüppel zwischen die Beine (in den Weg) werfen базируется на нижненемецкой лексеме Knüppel *m* «дубинка (диал. также «продолговатая булочка»)» и имеет достаточно ясное в своей мотивированности значение „j-m hemmen, Schwierigkeiten machen, j-m (im übertragenen Sinne) hindern“ [R, Bd. 3, S. 861].

В общенемецком популярны выражения Quatsch verzapfen „Unsinn machen, blödsinniges Zeug reden“, или Quatsch mit Soße „abzulehnende Sache“, Mach keinen Quatsch! „sei vorsichtig, beson-

nen⁵¹, обнаруживающие семантику исходного нижненемецкого (проникло через посредство берлинского говора) *quat, quatsken*⁵¹ „schlecht, böse (reden)“ [R, Bd. 4, S. 1214].

Известные немецкие ФЕ *im Teer sein* „betrunken, missverstanden sein“, *im Teer sitzen* „in Not (Verlegenheit) sein“, *die Sache ist geteert* „etwas ist gut ausgeführt“ лишь косвенно регионально маркированы, фиксируясь в берлинском полудиалекте [R, Bd. 5, S. 1605–1606].

Нижненемецкое *Sint m* «корюшка» (ее отловом занималось в основном беднейшее население Приморья) стало основой многих северонемецких метафорических ФЕ и пословиц, ср.: *sich freuen wie ein Stint* „sich sehr seines Lebens freuen“, *Er ging ein Stint zu angeln und hat einen Lachs gefangen* „einem widerfährt ein unerwartetes Glück“, *besoffen (betrunken usw.) wie ein Stint sein* т.е. „im sinnlosen Zustand“, а также уничижительного обращения, принятого у северян, „So ein Stint!“ [R, Bd. 5, S. 1558–1559].

Выводы к главе 3

1. Значительная часть лексических единиц (в основном существительных), заимствованных в общенемецкий литературный язык из нижненемецкого идиома, входит в тематические группы, объединенные общей отчетливой тематической доминантой. В основном они отражают реалии северных приморских регионов, не входивших в сферу непосредственного повседневного опыта жителей внутренних районов Германии. Наиболее многочисленную группу составляют лексические единицы, относящиеся к области мореплавания и кораблестроения. Нижненемецкие лексемы составляют также часть терминологической номенклатуры предметных областей, связанных с морем (или гидротехни-

---

⁵¹ В XVI веке фиксируется шутовое обозначение жителей севера Германии как *Quatländer*.

кой) и потому получивших особое развитие в приморских регионах: мореходное дело, океанография, гидротехническое строительство.

3. Заимствования из нижненемецкого активно пополняют тематические группы, концентрирующиеся в сфере повседневного опыта и традиционной хозяйственной деятельности (сельскохозяйственный инструментарий, постройки, инструменты и орудия, материалы, обозначения представителей животного мира). Абстрактная лексика представлена довольно незначительно.
2. Около 10 % нижненемецких заимствований дополнили терминологические системы в рамках литературного лексического стандарта. Явную количественную доминанту образуют терминосферы, связанные с техникой, необходимой в приморской зоне, а также геологические особенности ландшафта прибрежной полосы. Обращает на себя внимание тематическое совпадение основных областей лексико-семантической системы, пополнявшихся за счет заимствования из нижненемецкого, включенных в терминологическую номенклатуру и не помеченных в словарях как специальные термины.
3. Соотношение нейтральной и стилистически маркированной лексики среди заимствований из нижненемецкого оказывается практически равным. Почти вся заимствованная лексика, не относящаяся к нейтральному стилю, является частью регионального варианта обиходно-разговорного языка, значительно более толерантного к диалектным единицам, чем общенациональный литературный язык. Обиходно-разговорный страт представляется открытым как в сторону литературного узуса, так и в сторону диалекта, что обуславливает отсутствие четких критериев отграничения лексики с разговорной окраской от нейтральной и грубой.

4. Немецкий язык на севере Германии характеризуется лексическими особенностями, позволяющими говорить о существовании особого регионального варианта и представленными примерно в 1/4 выборки. Проникновение в него локальных элементов лексики выражено значительно слабее, чем в южнонемецком ареале, что свидетельствует о меньшей выраженности локальных черт и его большей близости к общенациональной форме языка.
5. Нижненемецкие заимствования в литературном языке в основном отличаются незначительной продуктивностью. В словообразовательные процессы активно вовлечены лишь немногие лексемы, относящиеся к основному словарному фонду. Особенно показательно незначительное количество нижненемецких лексем, произведенных по широко употребляемым в немецком языке словообразовательным моделям (образование композитов для существительных и прилагательных, производные приставочные глаголы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гетерогенность и неполнота словарного состава, включенного в современные одноязычные толковые словари немецкого языка, отражает сложность и противоречивость процессов его становления и пополнения. Возникающие в позднем Средневековье тенденции создания надрегionalной (следовательно, общей для различных диалектных ареалов и зон со своими территориальными вариантами письменно-литературного немецкого языка) литературной формы базировались на необходимости преодоления «внутринемецких» языковых барьеров и создания общенационального, полифункционального средства коммуникации с высокой степенью социальной престижности.

На пути тенденций унификации немецкого языка стояло многообразие региональных диасистем со сформировавшимися функциональными парадигмами и с собственными целенаправленными попытками селекции языковых средств для наддиалектных страгов. Одна из таких диасистем сформировалась на севере Германии на ареальной основе нижненемецких диалектов, отличающихся по структурным характеристикам от диалектов остальных немецких регионов. Нижненемецкий территориальный вариант письменно-литературного языка, будучи в первую очередь языком деловой коммуникации некогда могущественного Ганзейского союза, обладал значительным уровнем обработанности и гомогенности.

Политико-культурная переориентация на южные регионы Германии, придание им статуса метрополии и сокращение коммуникативных сфер использования нижненемецкого письменно-литературного идиома приводила к началу экспансии восточносреднемецкого, а затем на его основе – общенемецкого в верхний страт диасистемы нижненемецкого ареала. Полярные страги этой системы принадлежат к двум несколько отличным языковым типам. Нижненемецкие диалекты, поав

под «кровлю» верхненемецкого литературного страта, не оказали существенного влияния на формирование лексической системы общенационального языка. Таким образом, нижненемецкому ареалу отводится периферийная роль в становлении лексического стандарта.

Тем не менее, перманентный процесс заметного лексического взаимодействия нижненемецкого с языком верхненемецкого типа начинается уже с XIII в., т. е. задолго до перехода северной Германии к использованию общенемецкого языка в качестве литературного. Из нижненемецкой области приходят в общенемецкий словарный фонд реалии приморского региона, связанные с особенностями местного ландшафта и природы, развитого мореплавания, строительства гидротехнических сооружений и др. Через нижненемецкий «транслируется» значительное количество иноязычной лексики, в первую очередь нидерландской, что объясняется отсутствием резких языковых границ и многочисленными миграциями нидерландского населения в нижненемецкие и другие сопредельные области Германии.

Изменение количества заимствований в зависимости от исторического периода свидетельствует о стимулирующей роли нижненемецко-верхненемецкой ситуации диглоссии для процесса заимствования, которая совпадает по времени с активными усилиями по выработке надрегиональной лексической нормы. Постепенное проникновение общенемецкого литературного языка в большинство коммуникативных сфер и одновременно завершение кодификации общенемецкого лексического стандарта ведут к резкому сокращению числа нижненемецких заимствований в XIX–XX вв.

Периферийная роль нижненемецкого в процессе складывания немецкого литературного языка определяет функциональные особенности значительной части заимствованной из него лексики. Она преимущественно пополняет участки лексико-семантической системы с определенной тематической доми-

нантой («морская лексика»), что находит отражение и в ее отборе для терминологической номенклатуры. Впрочем, многие из этих единиц стали интернационализмами именно через посредство немецкого языка.

Около половины нижненемецких заимствований (в особенности поздние заимствования, отмечаемые после завершения кодификации лексической нормы) обладают сниженной стилистической окраской. Значительным является и пласт лексики, имеющей распространение только в ареале нижненемецких диалектов и характеризующей региональный вариант немецкого языка. Кроме того, лексика нижненемецкого происхождения, как правило, отличается в литературном языке невысокой продуктивностью.

В совокупности эти факты свидетельствуют о том, что лексический общенемецкий стандарт лишь в незначительной степени включает рассматриваемую лексику и, базирясь на иной территориальной доминанте, оказывает сдерживающее влияние на проникновение периферийной регионально маркированной лексики в основной словарный фонд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бах А. История немецкого языка / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 343 с.
2. Браун Ф. Нижненемецкий язык // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон» / под ред. К.К. Арсеньева и др. СПб., 1897. Т. 42. С. 44–45.
3. Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
4. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку: в 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 204 с.
5. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1983. 199 с.
6. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984. 247 с.
7. Дубинин С.И. Исторические истоки лексического своеобразия немецкого литературного языка в Швейцарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1987. 26 с.
8. Дубинин С.И. Функционально-семантические характеристики существительных с метонимическим значением в национальных вариантах немецкого языка // Проблемы функциональной лингвистики и активные формы преподавания иностранных языков: тезисы докладов и сообщений научно-практич. конференции. Астрахань: Изд-во АГПИ им. Кирова. 1993. С. 54–56.
9. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего Средневековья: юго-западный ареал. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 200 с.
10. Дубинин С.И. Принципы создания первых немецких словарей и региональный лексический узус XVI века // Материалы

международ. конференции, посвященной научному наследию профессора М.Д. Степановой. М.: ИЯ РАН – МГЛУ, 2001.

11. [Е.М. и М.С.] Нижненемецкий язык // Литературная энциклопедия / под ред. А.В. Луначарского и др. М.: Советская энциклопедия, 1934. Т. 8. С. 15–17.
12. Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М. –Л.: Наука, 1964. 314 с.
13. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.
14. Зеленецкий А.Л. Истоки немецкого языка. – Калуга: Институт языкознания РАН, 1992. Ч. 1. 66 с.; Ч. 2. 139 с.
15. Ивлева Г.Г. Тенденции развития слова и словарного состава (на материале немецкого языка). М.: Наука, 1986. 136 с.
16. Ипатов А.Н. Меннониты: вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978. 213 с.
17. История Германии: в 3 т. (ИГ). / под ред. Б. Бонвеч и Ю.В. Галлактионова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Т. I. 360 с.
18. Линский С.С. Лексикографическая практика как отражение соотношения гомогенности и вариативности лексики литературного языка // Типология германских литературных языков / под ред. В.П. Ярцевой. М.: Наука, 1976. С. 108–118.
19. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.
20. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск: Изд-во АН БССР, 1963. 250 с.
21. Мейе А. Основные особенности германской группы языков (репринт). М.: УРСС, 2003. 165 с.
22. Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
23. Миронов С.А. История нидерландского литературного языка (IX–XVI вв.). М.: Наука, 1986. 199 с.
24. Немецкая диалектография: сборник статей / под ред. В.М. Жирмунского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 245 с.

25. Нериус Д. К становлению национальной нормы немецкого литературного языка в XVIII веке // Актуальные проблемы языкознания ГДР. М.: Прогресс, 1979. С. 243–258.
26. Никулина Т.С. Социально-политическая борьба в ганзейском городе в XIV–XVI вв. (по материалам Любека). Куйбышев: Изд-во КГУ, 1988. 80 с.
27. Ольшанский И.Г. Лексикография немецкого языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1979. 136 с.
28. Раевский М.В. Фонетика немецкого языка. М.: Изд-во МГУ, 1997. 312 с.
29. Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 549–598.
30. Семенюк Н.Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: Институт языкознания РАН, 2000. 183 с.
31. Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 452–501.
32. Сквайрс Е.Р. Процессы развития ареальной базы нижненемецкого языка Ганзы // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996. № 6. С. 129–145; 1997. № 1. С. 34–43; 1997. № 2. С. 98–110.
33. Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М.: Диалог-МГУ, 1997. 157 с.
34. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002. 368 с.
35. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1975. 272 с.
36. Топорова Т.В. Германские языки // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. С. 13–42.
37. Уфимцева А.А. Лексика // Общее языкознание: внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 394–455.
38. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М.: Высшая школа, 1992. 175 с.

39. Чемоданов Н.С. Нижне-немецкий язык // Большая советская энциклопедия / под ред. О.Ю. Шмидта и др. М.: Советская энциклопедия, 1939. Т. 42. С. 80–81.
40. Шильдт И. Проблемы образования нормы в немецком литературном языке (1470–1730) // Актуальные проблемы языкознания ГДР. М.: Прогресс, 1979. С. 233–243.
41. Ahlmann G. Zur Geschichte des Frühneuniederdeutschen in Schleswig-Holstein – im Spiegel der Gelegenheitsdichtungen des 17. und 18. Jahrhunderts. Uppsala, 1991. 203 S.
42. Arndt E., Brandt G. Luther und die deutsche Sprache. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1983. 231 S.
43. Bahr J. Regeln zur Praxis der historischen Lexikographie // Praxis der Lexikographie: Berichte aus der Werkstatt / Hrsg. von H.Henne. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1979. S. 38–65.
44. Behaghel O. Die deutsche Sprache. Halle (Saale): Niemeyer Verlag, 1958, 313 S.
45. Beckers H. Die Zurückdrängung des Ripuarischen, Niederdeutschen und Niederländischen durch das Hochdeutsche im Kölner Buchdruck nach 1500 // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1989. № 112. S. 43–72.
46. Bergenholtz H., Mugdan J. Grammatik im Wörterbuch: Probleme und Aufgaben // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II. Heft 3-6/80. Hildesheim, New York: G. Olms Verlag, 1982. S. 17–36.
47. Bergenholtz H.; Mugdan J. Der neue „Super-Duden“: Die authentische Darstellung des deutschen Wortschatzes? // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie VI. Heft 84–86. Hildesheim, New York, Zürich: G. Olms Verlag, 1986. S. 1–149.
48. Besch W. Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache. Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie: ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. Halbbd. 2 S. 961–990.

49. Besch W. Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Schriftsprache / Standardsprache // Dialektologie: ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin; New York, 1983. Halbbd. 2 S. 1781–1810.
50. Besch W. Schriftsprache und Landschaftssprachen im Deutschen // Rheinische Vierteljahrsblätter. Bonn, 1973. Jg. 43. S. 323–343.
51. Besch W. Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. München: Francke Verlag, 1967. 426 S.
52. Besch W. Standardisierungsprozesse im deutschen Sprachraum // Sociolinguistica: Internationales Jahrbuch für Europäische Soziolinguistik / Hrsg. von U. Ammon u.a. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1988. S. 186–208.
53. Besch W., Wolf N.R. Geschichte der deutschen Sprache. Berlin: E. Schmidt, 2009. 347 S.
54. Bichel U. Zur Fragwürdigkeit der Einordnung von “Umgangssprache” zwischen “Mundart” und “Hochsprache”. Ketzereien zum Thema: Aufbau einer Gesamtsprache // Festschrift für G.Cordes zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Fr. Debus und J. Hartig. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1976. Bd. 2. S. 18–33.
55. Bichel U. Beobachtungen und Überlegungen zum Thema: “Missionsch” Sprachform und literarische Verwendung // Gedenkschrift für H. Wesche / Hrsg. von W. Kramer, U. Scheuermann, D. Stellmacher. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1979. S. 7–29.
56. Bichel U. Lexik des Mittelniederdeutschen // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, O. Reimann, St. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. Band 2.2. S. 1260–1272.
57. Bielfeldt H.H. Die Wege der Wortentlehnungen aus dem Russischen ins Niederdeutsche // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1963. № 86. S. 17–27.
58. Braunmüller K. Voraussetzungen für die Übernahme mittelniederdeutscher Sprachstrukturen in die skandinavischen Sprachen // Niederdeutsch und die skandinavischen Sprachen / Hrsg.

- von K. Braunmüller und W. Diercks. Heidelberg: Winter, 1993. S. 137–160.
59. Brox F. Die Einführung der neuhochdeutschen Schriftsprache in Münster. Bibliographie zum mittelniederdeutsch – neuhochdeutschen Schreibsprachenwechsel / Hrsg. von Fr. Brox. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte, 1994. 90 S.
  60. Burger H. Phraseologie in den Wörterbüchern des heutigen Deutsch // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie III. Hildesheim, New York, Zürich: G. Olms Verlag, 1983. Heft 1–4/82. S. 13–66.
  61. Dahl E.-S. Das Eindringen des Neuhochdeutschen in die Rostocker Ratskanzlei. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. 241 S.
  62. Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Dialektforschung / Hrsg. von W. Besch, U. Knoop, W. Putschke, H.E. Wiegand. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. 2170 S.
  63. Dill G. Johann Christoph Adelungs Wörterbuch der "hochdeutschen Mundart": Untersuchungen zur lexikographischen Konzeption. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: P. Lang, 1992. 473 S.
  64. Deutsche Wörterbücher des 17. und 18. Jahrhunderts: Einführung und Bibliographie / Hrsg. von H. Henne. Hildesheim: G. Olms, 2001. 204 S.
  65. Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart, 1989. 516 S.
  66. Dubinin S. Zur Rezeption und Akzeptanz der deutschen Sprache in Russland // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch GUS 2005 / Hrsg. von J. Bäcker. Moskau; Bonn: DAAD, 2005. S. 27–43.
  67. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. Das Mittelhochdeutsche. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt's Enzyklopädie, 1965. Bd. II. 266 S.
  68. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. Das Frühneuhochdeutsche und das Neuhochdeutsche. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt's Enzyklopädie, 1986. Bd. 2. 268 S.

69. Eichinger L.H. Ist Regionalität eine sinnvolle Kategorie in der Sprachwissenschaftsgeschichte? // „...Im Gefüge der Sprachen“: Studien zu System und Soziologie der Dialekte. Festschrift für R.Hinderling zum 60. Geburtstag / Hrsg. von R. Harnisch. Stuttgart: Steiner, 1995. S. 31–50.
70. Elst, G. van der. Aspekte zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. Erlangen: Verlag Palm & Enke, 1987. 169 S.
71. Erben J. Zur Normierung der neuhochdeutschen Schriftsprache // Festschrift für K.Bischoff zum 70. Geburtstag / Hrsg. von G.Bellmann, G.Gifler, W. Kleiber. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1975. S. 117–129.
72. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1982. 250 S.
73. Foerste W. Einheit und Vielfalt der niederdeutschen Mundarten. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1960. 16 S.
74. Foerste W. Geschichte der niederdeutschen Mundarten // Deutsche Philologie im Aufriss: unter Mitarbeit zahlreicher Fachgelehrter / Hrsg. von W. Stammeler. Berlin; Bielefeld: E. Schmidt Verlag, 1952. Bd. 2. S. 1905–2062.
75. Gabriellson A. Die Verdrängung der mittelniederdeutschen durch die neuhochdeutsche Schriftsprache // Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft / Hrsg. von G. Cordes und D. Möhn. Berlin, 1983. S. 119–152.
76. Gabriellson A. Das Eindringen der hochdeutschen Sprache in die Schulen Norddeutschlands im 16. und 17. Jahrhundert // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1932–1933. № 58–59. S. 1–79.
77. Gernentz H.J. Das Vordringen des Hochdeutschen in Norddeutschland: ein Beitrag zur Entstehung der deutschen Hochsprache // Arbeiten zur deutschen Philologie VI (Német Filológiai Tunulmányok VI). Debrecen, 1972. S. 27–39.
78. Gernentz H.J. Die niederdeutsche Sprache und Literatur in der Zeit der frühbürgerlichen Revolution // Zeitschrift für Phonetik,

- Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Berlin: Akademie-Verlag, 1976. Heft 2. S. 107–128.
79. Gernentz H.J. Niederdeutsch – gestern und heute: Beiträge zur Sprachsituation in den nördlichen Bezirken der DDR in Geschichte und Gegenwart. Rostock: Hinstorff Verlag, 1980. 331 S.
  80. Gernentz H.J. Zum hochdeutsch-niederdeutschen Austauschprozeß bei der Ausbildung der deutschen Literatursprache // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band 33. Heft 3. S. 318–329.
  81. Gloy K. Sprachnormen als „Institutionen im Reich der Gedanken“ und die Rolle des Individuums in Sprachnormierungsprozess // Norm und Variation / Hrsg. von K.J. Mattheier. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: P. Lang, 1997. S. 27–36.
  82. Goossens J. Niederdeutsch: Sprache und Literatur. Neumünster, 1973. 230 S.
  83. Goossens J. Zum Verhältnis von mundartlichem und umgangssprachlichem Wortschatz in Niederdeutschland // Gedenkschrift für H. Wesche / Hrsg. von W. Kramer, U. Scheuermann, D. Stellmacher. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1979. S. 39–51.
  84. Goossens J. Ausgewählte Schriften zur niederländischen und deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 2000. 564 S.
  85. Haas W. „Die Jagd auf Provinzial-Wörter“. Die Anfänge der wissenschaftlichen Beschäftigung mit den deutschen Mundarten im 17. und 18. Jahrhundert // Dialektologie des Deutschen: Forschungsstand und Entwicklungstendenzen / Hrsg. von K. Mattheier, P. Wiesinger. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. S. 329–365.
  86. Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft (HNSL) / Hrsg. von G.Cordes und D.Möhn. Berlin, 1983. 836 S.
  87. Hartweg F., Wegera K.-P. Frühneuhochdeutsch: eine Einführung in die deutsche Sprache des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 190 S.

88. Haugen E. Die skandinavischen Sprachen. Hamburg: H. Buske Verlag, 1984. 640 S.
89. Heeroma K. Hauptlinien der Ostniederländischen Sprachgeschichte // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1957. № 80. S. 51–65.
90. Hermann-Winter R. Notwehr ist erlaubt: Niederdeutsch im Urteil von Verehrern und Verächtern / Texte aus Mecklenburg und Pommern vom 16. bis zum 20. Jh. Rostock: K. Rech Verlag, 1995. 319 S.
91. Hermann-Winter R. Urteile über Niederdeutsch aus dem 18. und 19. Jahrhundert // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1992. № 115. S. 123–144.
92. Hoinkes U. Varietät und Standard im Sprachkontakt: Überlegungen zu einem Konzept sprachlicher Standardisierung // Norm und Variation / Hrsg. von K.J. Mattheier. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. S. 37–52.
93. Holthausen F. Zur westfälischen Wortkunde // Abhandlungen zur niederdeutschen Philologie. C.Borchling zum Gedächtnis. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1950. S. 311–316.
94. Huesmann A. Zwischen Dialekt und Standard: empirische Untersuchungen zur Soziolinguistik des Varietätenspektrums im Deutschen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1998. 260 S.
95. Ising G. Ausgleichsvorgänge bei der Herausbildung des schriftsprachlichen deutschen Wortschatzes // Niederdeutsches Wort. 1965. № 5. S. 1–20.
96. Ising G. Die Erfassung der deutschen Sprache des ausgehenden 17. Jahrhunderts in den Wörterbüchern M. Kramers und K. Stiellers. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 135 S.
97. Käge O. Noch „ugs.“ oder doch schon „derb“?: Bemerkungen und Vorschläge der stilistischen Markierung in deutschen einsprachigen Wörterbüchern // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II. Hildesheim, New York: G. Olms Verlag, 1982. Heft 3–6/80. S. 109–120.

98. Kaiser K. Mundart und Schriftsprache: Versuch einer Wesensbestimmung in der Zeit zwischen Leibnitz und Gottsched. Leipzig: H. Eichblatt Verlag, 1930. 380 S.
99. Keller R.E. German Dialects. Phonology & Morphology with Selected Texts. Manchester: University Press, 1961. 396 p.
100. Kettner B.-U. Die norddeutsche Umgangssprache – eine neue Zweitsprache? // Niederdeutsch und Zweisprachigkeit: Befunde, Vergleiche, Ausblicke / Beiträge zum Symposium des Instituts für niederdeutsche Sprache an der Universität Bremen. Leer: Verlag Schuster, 1988. S. 95–113.
101. Kirch M.S. der Einfluß des Niederdeutschen auf die Hochdeutsche Schriftsprache. Giessen: W. Schmitz Verlag, 1952. 78 S.
102. Kleine Enzyklopädie: die Deutsche Sprache. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1969. T. 1. 613 S.
103. Kloss H. Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800 / 2. erw. Aufl. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1978. 463 S.
104. Kluge Fr. Seemannssprache: Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit / auf Veranlassung des Königlich Preußischen Ministeriums der geistlichen, Unterrichts- und Medizinal-Angelegenheiten. Kassel: H. Hamecher, 1973 [Nachdr. d. Ausg. 1911]. 847 S.
105. Kluge Fr. Deutsche Sprachgeschichte. Leipzig: Verlag Quelle und Meyer, 1920. 345 S.
106. Knoop U. Beschreibungsprinzipien der neueren Sprachgeschichte: eine kritische Sichtung der sprachwissenschaftlichen, soziologischen, sozialhistorischen und geschichtswissenschaftlichen Begrifflichkeit // Germanistische Linguistik 91/92. Hildesheim, New York, Zürich: G. Olms Verlag, 1987. S. 11–41.
107. König W. Dtv-Atlas zur deutschen Sprache. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1978. 247 S.
108. Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. von H. Goebel, P.H. Helde, Zd. Starý, W. Wölck. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. 1984 S.

109. Köstlin K. Regionalismus – die gedeutete Moderne. Umgangssprache(n) im niederdeutschen Raum // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1996. № 119. S. 121–139.
110. Kramer U. „Seew., Segeln, Seemannssp., seem., Schiffahrt, Schiffbau und Sport“ oder 'Besondere' Lexik im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch // Linguistik online. Lexikographie. 3, 2/99. URL: http://viadrina.eu.v-frankfurt-o.de/~wjournal/2_99/kramer.html.
111. Kriegesmann U. Die Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache im Widerstreit der Theorien. Frankfurt am Main: P. Lang, 1990. 311 S.
112. Kühn P., Püschel U. Die Rolle des mundartlichen Wortschatzes in den standardsprachlichen Wörterbüchern des 17. bis 20. Jahrhunderts // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, O. Reimann, St. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. S. 1367–1398.
113. Langen A. Deutsche Sprachgeschichte vom Barock bis zur Gegenwart // Deutsche Philologie im Aufriss: unter Mitarbeit zahlreicher Fachgelehrter / Hrsg. von W. Stammer. Berlin, Bielefeld: E. Schmidt Verlag, 1952. Bd. 1. S. 1077–1522.
114. Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik / 2. Auflage. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1974. 286 S.
115. Lesle U.-T. Plattdeutsch zwischen gestern und morgen: Geschichtsbeschleunigung und die Suche nach der identitas // Vulpius Adolatio. Festschrift für H. Menke zum 60. Geburtstag. Heidelberg: C. Winter, 2001. S. 429–449.
116. Lexikon der germanistischen Linguistik / Hrsg. von H.P. Althaus. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1980. 870 S.
117. Lindow W. u. a. Niederdeutsche Grammatik. Leer: Schuster, 1998. 383 S.
118. Lüdi G. Mehrsprachigkeit // Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. von H. Goebel,

- P.H. Helde, Zd. Stary, W. Wölck. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 235–242.
119. Lüdtke H. Die Volkssprachen im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Europa (mit besonderer Berücksichtigung des Niederdeutschen) // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1998. № 121. S. 9–24.
120. Ludwig K.-D. Markierungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch des Deutschen: Ein Beitrag zur Metalexikographie. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1991. 365 S.
121. Lüllwitz B. Interferenz und Transferenz: Aspekte zu einer Theorie lingualen Kontaktes // Germanistische Linguistik. Hildesheim: G. Olms, 1972. Heft 2/72. S. 161–291.
122. Mattheier K.J. Nationalsprachenentwicklung, Sprachenstandardisierung und Historische Soziolinguistik // Sociolinguistica: Internationales Jahrbuch für Europäische Soziolinguistik / Hrsg. U. Ammon u.a. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1988. S. 1–9.
123. Mattheier K.J. Standardsprache als Sozialsymbol. Über kommunikative Folgen // Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch. IDS Jahrbuch 1990 / Hrsg. von R. Wimmer. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. S. 41–72.
124. Mihm A. Ausgleichssprachen und frühneuzeitliche Standardisierung // Rheinische Vierteljahrsblätter / Hrsg. von M.Groten, Th.Klein, M.Nikolay-Panter. Mitteilungen des Instituts für geschichtliche Landeskunde der Rheinlande der Universität Bonn. Jahrgang 65. Bonn: Bouvier Verlag, 2001. S. 315–359.
125. Mihm A. Gesprochenes Hochdeutsch in der norddeutschen Stadt. Zur Modalität des Sprachwechsels im 16. und 17. Jahrhundert // Sprachformen: Deutsch und Niederdeutsch in europäischen Bezügen; Festschrift für D.Stellmacher zum 60. Geburtstag / Hrsg. von P. Wagener. Stuttgart: Fr. Steiner Verlag, 1999 S. 67–80.
126. Mihm A. Sprache und Geschichte am unteren Niederrhein // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1992. № 115. S. 88–122.

127. Mitzka W. Wortgeographie und Stammheimat niederdeutscher Ostsiedlung // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1955. № 78. S. 67–82.
128. Möhn D., Pelka R. Fachsprachen: eine Einführung. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1984. 171 S.
129. Möhn D. Kommentare zur Zweisprachigkeit in der Geschichte des Niederdeutschen // Niederdeutsch und Zweisprachigkeit: Befunde, Vergleiche, Ausblicke / Beiträge zum Symposium des Instituts für niederdeutsche Sprache an der Universität Bremen. Leer: Verlag Schuster, 1988. S. 71–83.
130. Möhn D. Deutsche Stadt und niederdeutsche Sprache // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1973. № 96. S. 111–126.
131. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte der älteren Zeit // Deutsche Philologie im Aufriss: unter Mitarbeit zahlreicher Fachgelehrter / Hrsg. von W. Stammler. Berlin; Bielefeld: E. Schmidt Verlag, 1952. Bd. 1. S. 124–189.
132. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. Moskau: Hochschule, 1977. 278 S.
133. Müller G. Hochsprachliche lexikalische Norm und umgangssprachlicher Wortschatz im nördlichen Teil Deutschlands // Niederdeutsches Wort. Münster: Verlag Aschendorff, 1980. Bd. 20. S. 111–130.
134. Niebaum H. Die lexikographische Behandlung des landschaftsgebundenen Wortschatzes in den Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. Hildesheim, New York, Zürich: G. Olms Verlag, 1984. Heft 1–3/83. S. 309–360.
135. Niebaum H. Lexikalische Dialektbeschreibung // Dialektologie des Deutschen: Forschungsstand und Entwicklungstendenzen / Hrsg. von K.J. Mattheier, P. Wiesinger. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. S. 77–91.
136. Niebaum H. Einführung in die Dialektologie des Deutschen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999. 226 S.

137. Niederdeutsch gestern. Eine Sprache in Pro und Contra I: J. Goldschmidt und andere 1845–1846 / Bearb. von C. Schuppenhauer. Leer: Verlag Schuster, 1980. 88 S.
138. Nörrenberg E. Vom Wortschatz des westfälischen Niederdeutschen // Abhandlungen zur niederdeutschen Philologie. C. Borchling zum Gedächtnis. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1950. S. 317–336.
139. Peters R. Soziokulturelle Voraussetzungen und Sprachraum des Mittelniederdeutschen // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, O. Reimann, St.Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. Band 2.2. S. 1211–1220.
140. Peters R. Die angebliche Geltung der sogenannten mittelniederdeutschen Schriftsprache in Westfalen. Zur Geschichte eines Mythos // *Lingua Theodisca: Beiträge zur Sprach- und Literaturwissenschaft* / Hrsg. von J. Cajot, L. Kremer und H. Niebaum. Münster; Hamburg, 1995. Bd. I. S. 199–213.
141. Polenz P. von Geschichte der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1978. 226 S.
142. Pfeiffer W. Adelungs Stellung zur Etymologie in seinem Wörterbuch // Sprache und Kulturentwicklung im Blickfeld der deutschen Spätaufklärung. Berlin, 1984. S. 233–238.
143. Protze H. Die Grundlagen unserer Nationalsprache // Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie / Hrsg. von E. Agricola u.a. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1969. Bd. I. S. 200–220.
144. Püschel U. Bedeutungserklärungen als Regel- und Sachbeschreibungen // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie I. Hildesheim, New York: G. Olms Verlag, 1981. Heft 3–4/79. S. 123–138.
145. Reichmann O. Sprache ohne Leitvarietät vs. Sprache mit Leitvarietät: ein Schlüssel für die nachmittelalterliche Geschichte des Deutschen? // Deutsche Sprachgeschichte. Grundlagen, Methoden, Perspektiven. Festschrift für J.Erben zum 65. Geburtstag / Hrsg. von W. Besch. Frankfurt am Main, 1990. S. 141–158.

146. Riemann E. Wortgeographie und Besiedlungsgeschichte Altpreußens // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1965. № 88. S. 72–106.
147. Roelandts K. Lexicalisatie en grammaticalisatie van expressieve varianten // *Lingua Theodisca: Beiträge zur Sprach- und Literaturwissenschaft* / Hrsg. von J. Cajot, L. Kremer und H. Niebaum. Münster; Hamburg, 1995. Bd. I. S. 121–128.
148. Rosenfeld H.-F. Wortgeographische Untersuchungen zu K.F.A. Schellers Sassisch-Niederdeutschem Wörterbuch. Ein Beitrag zur Frage der niederländischen Wörter im Niederdeutschen // *Abhandlungen zur niederdeutschen Philologie*. C. Borchling zum Gedächtnis. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1950. S. 259–310.
149. Sachwörterbuch für die deutsche Sprache / Hrsg. von K.E. Sommerfeldt und W. Spiewok. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1989. 284 S.
150. Sanders W. Sachsensprache. Hansesprache. Plattdeutsch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. 244 S.
151. Sanders W. Interferenz im Niederdeutschen // *Gedenkschrift für H.Wesche* / Hrsg. von W.Kramer, U.Scheuermann, D. Stellmacher. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1979. S. 227–253.
152. Schaeder B. Häufigkeiten und Häufigkeitsangaben in neuhochdeutschen Wörterbüchern. Zur Rolle von Frequenzuntersuchungen in der Lexikographie // *Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie III*. Hildesheim, New York, Zürich: G. Olms Verlag, 1983. Heft 1–4/82. S. 239–274.
153. Scheel K. Der Wortschatz Georg Nikolaus Bärmanns (1785–1850) // *Niederdeutsches Jahrbuch*. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1948–1950. № 71–73. S. 192–230.
154. Schmidt, W. *Geschichte der deutschen Sprache*. – Stuttgart; Leipzig: Hirzel wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1996. 384 S.
155. Schröder I. Die Übersetzungsleistung Johannes Bugenhagens – ein exemplarischer Vergleich mit der Lutherbibel, den vorreformatorischen niederdeutschen Bibeln und der Vulgata // *Niederdeutsches Jahrbuch*. – Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1987. № 110. S. 59–74.

156. Schützeichel R. Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache // Wegera, K.-P. Zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1986. S. 205–222.
157. Schweikle G. Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick. 3. Auflage. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990. 283 S.
158. Schwenter E. Johann Heinrich Voss' Wortschatz mit besonderer Berücksichtigung des Niederdeutschen // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1918. № 44. S. 51–56.
159. Seebold E. Die Erläuterung der Etymologie in den Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II. Hildesheim, New York: G. Olms Verlag, 1982. Heft 3–6/80. S. 189–223.
160. Seelmann W. Mittelniederländische Wörter in Mark Brandenburg // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1921. № 47. S. 40–45; 1922. № 48 S. 75–78; 1926. № 52. S. 31–40.
161. Seemann, I. Die Semantik des Unbekannten: historische Bedeutungswörterbücher im 18. Jahrhundert: Schmitthenner und Weigand. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1993. 356 S.
162. Seibicke W. DUDEN. Wie sagt man anderswo? Landschaftliche Unterschiede im deutschen Sprachgebrauch. Mannheim, Wien, Zürich: Bibliogr. Institut, 1983. 190 S.
163. Semenjuk N. Versuch einer Rekonstruktion der Sprachsituation im 18. Jahrhundert anhand von lexikographischen Daten bei Johann Christoph Adelung // Sprache und Kulturentwicklung im Blickfeld der deutschen Spätaufklärung. Berlin, 1984. S. 151–157.
164. Sieber P. Mundart und Standardsprache als Problem der Schule / Hrsg. von P. Schieber; H. Sitta. Aarau; Frankfurt am Main; Salzburg: Sauerländer, 1986. 182 S.
165. Smet G. de Niederländische Einflüsse im Niederdeutschen // Handbuch zur niederdeutschen Sprach- und Literaturwissenschaft / Hrsg. von G. Cordes und D. Möhn. Berlin, 1983. S. 721–761.

166. Smet G. de Die gedruckte niederdeutsche Lexikographie bis 1650 // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1981. № 104. S. 70–81.
167. Socin A. Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit: Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Heilbronn: Verlag von Gebr. Henninger, 1888. 544 S.
168. Sodmann T. Der Untergang des Mittelniederdeutschen als Schriftsprache // Goossens, J. Niederdeutsch: Sprache und Literatur. Neumünster, 1973. S. 116–129.
169. Soziolinguistik: ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft / Hrsg. von U. Ammon, N. Dittmar, K.J. Mattheier. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1987. 2138 S.
170. Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, O. Reimann, St. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1985. 2251 S.
171. Sprachkontakt in der Hanse. Aspekte des Sprachausgleichs im Ostsee- und Nordseeraum. Akten des 7. Internat. Symposiums über Sprachkontakt in Europa (Lübeck 1986) / Hrsg. von P. Sture Ureland. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1987. 349 S.
172. Stammler W. Die niederdeutsche Literatur im 18. Jahrhundert // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1918. № 44. S. 57–72.
173. Stellmacher D. Lebendes Niederdeutsch. Zur Beurteilung von Interferenzen und Echoformen in einer phonologischen Untersuchung niedersächsischer Mundarten // Dialektologie des Deutschen: Forschungsstand und Entwicklungstendenzen / Hrsg. von K. Mattheier, P. Wiesinger. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. S. 39–43.
174. Stellmacher D. Mehrsprachigkeit des Niederdeutschen – ein theoretisches oder praktisches Problem // Sprachkontakt und Sprachkonflikt / Hrsg. von P.H. Nelde. Wiesbaden: Steiner, 1980. S. 383–388.

175. Stellmacher D. Niederdeutsch. Formen und Forschungen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1981. 158 S.
176. Stellmacher D. Niederdeutsche Sprache: eine Einführung. Bern, Frankfurt am Main, 1990. S. 180.
177. Stellmacher D. Niedersächsisch. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1981. 123 S.
178. Strauss G., Zifonun G. Versuch über „schwere Wörter“ // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. Hildesheim, New York, Zürich: G.Olms Verlag. 1984. Heft 1–3/83. S. 381–452.
179. Szłęk, S. P. Zur deutschen Lexikographie bis Jacob Grimm: Wörterbuchprogramme, Wörterbücher und Wörterbuchkritik. Bern; Berlin; Frankfurt a. M.; New York; Paris; Wien: P. Lang, 1990. 340 S.
180. Tauchmann Chr. Hochsprache und Mundart in den großen Wörterbüchern der Barock- und Aufklärungszeit. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1992. 484 S.
181. Veith W.H. Die Dialektgrundlage frequenter standardsprachlicher Wörter // A Frisian and Germanic Miscellany. Published in honour of N.Århammar on his sixty-fifth Birthday. Odense: University Press. Nordfriisk Instituut, Bredstedt, 1996. S. 579–592.
182. Wagener P. Niederdeutsch im Wandel. Eine Panelstudie zum Wandel des gesprochenen Deutsch in realer Zeit // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1999. № 122. S. 45–66.
183. Weise O. Beiträge zur niederdeutschen Wortbildung // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1920. № 46. S. 28–40.
184. Weisgerber B. Mundart, Umgangssprache, Standard // Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 265–284.
185. West J. Lexical innovation in Dasipodius' dictionary: a contribution to the study of the development of the early modern German lexicon based on P. Dasipodius' Dictionarium Latinogermanicum

- Strassburg (1536). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. 486 p.
186. Wiegand H.E. Pragmatische Informationen in neuhochdeutschen Wörterbüchern: ein Beitrag zur praktischen Lexikologie // Germanistische Linguistik. Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie I. Hildesheim, New York: G. Olms Verlag, 1981. Heft 3–4/79. S. 139–271.
187. Wiegand H.E. Dialekt und Standardsprache im Dialektwörterbuch und standardsprachlichen Wörterbuch // Lexikographie der Dialekte: Beiträge zu Geschichte, Theorie und Praxis / Hrsg. von H.Friberthäuser unter Mitarb. von H.J. Dingeldein. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1986. S. 185–210.
188. Wilts O. Dänisch, Nordfriesisch, Hoch- und Niederdeutsch in Schleswig-Holstein // Sprachkontakte im Nordseegebiet: Akten des I. Symposiums über Sprachkontakt in Europa, Mannheim (1977) / Hrsg. von P. Sture Ureland. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1978. S. 149–166.
189. Winge V. Hochdeutsch und Niederdeutsch in der dänischen Königskanzlei des 16 Jhts. // Niederdeutsches Jahrbuch. Neumünster: K. Wacholtz Verlag, 1982. № 105. S. 144–147.
190. Wrede F. Ingwäonisch und Westgermanisch // Kleine Schriften / Hrsg. von L. Berthold, B. Martin und W. Mitzka. Marburg: Elwert Verlag, 1963. S. 370–381.

СЛОВАРИ⁵²

1. Большой немецко-русский словарь (БНРС): в 2 т. / сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; под рук. О.И. Москальской. М.: Русский язык, 1980. Т. 1. А-К. 760 с.; Т. 2. L-Z. 656 с.
2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики (СРЛ). М.: Русский язык, 1994. 768 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь (Л). М.: Русский язык, 1986. 846 с.
4. Нидерландско-русский словарь (НС) / подрук. С.А. Миронова. М.: Русский язык, 1987. 918 с.
5. Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Hochdeutschen, in 4 Theilen (AD). Leipzig: bey J.G.I. Breitkopf und Compagnie. Th. 1. A-E, 1793. 1993 S. ; Th. 2. F-L, 1796. 2140 S. ; Th. 3. M- S, 1798. 1762 S. ; Th. 4. S-Z, 1801. 1796 S.
6. Buurman O. Hochdeutsch-plattdeutsches Wörterbuch. Auf der Grundlage ostfriesischer Mundart. Neumünster, 1962 – 1975. Bd. I – XII.
7. Byl J., Brückmann E. Ostfriesisches Wörterbuch: Plattdeutsch / Hochdeutsch. Leer: Schuster, 1992. 168 S.
8. Campe J.H. Wörterbuch der Deutschen Sprache, in 5 Theilen (C). Braunschweig: in der Schulbuchhandlung. Th. 1. A-E, 1807. 1023 S.; Th. 2. F-K, 1808. 1116 S.; Th. 3. L-R, 1809. 908 S.; Th. 4. S-T, 1810. 940 S.; Th. 5. U-Z, 1811. 977 S.
9. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch (DUW) / Hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
10. DUDEN Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Bd. 7. 839 S.

---

⁵² Цитируемые в тексте словари обозначены соответствующими сокращениями.

11. DUDEN Sinn- und sachverwandte Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. / Hrsg. und bearb. von W. Müller. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1986. Bd. 8. 800 S.
12. Harte G., Harte J. Hochdeutsch – plattdeutsches Wörterbuch (HPW). Leer: Schuster, 1997. 248 S.
13. Kluge, Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (K). 22. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. 822 S.
14. Lübben, A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch (L) / Nach dem Tode des Verfassers vollendet von Chr. Walther. Norden, Leipzig; 1888. (Nachdruck Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1965). 599 S.
15. Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T.F. Hoad. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996. 552 p.
16. Pfeiffer W. u. a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, in 3 Bänden. Berlin: Akademic-Verlag, 1989. Bd. 1. A-G. 621 S.; Bd.2. M-P. 1345 S.; Bd. 3. R-Z. 2093 S.
17. Plattdeutsch-hochdeutsches Wörterbuch (PHW) / Hrsg. von W. Lindow. Leer: Schuster, 1998. 283 S.
18. Richthofen, K. Freiherr von. Altfriesisches Wörterbuch. Göttingen: Dichterische Buchhandlung, 1840. Bd. 1. 836 S., Bd. 2. 1165 S.
19. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten (R). 5. Aufl. Freiburg, Basel, Wien: Herder, 2001. Bd. 1– 5. 1910 S.
20. Schiller K., Lübben A. (SchL) Mittelniederdeutsches Wörterbuch. In 6 Bd. Wiesbaden; Münster, 1969. Bd.1. 765 S.; Bd. 2. 758 S.; Bd 3. 538 S.; Bd. 4. 649 S.; Bd. 5. 791 S.; Bd. 6. (Nachtrag). 322 S.
21. Synonymwörterbuch (Sy) / Hrsg. von H. Görner und G. Kempke. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1974. 643 S.
22. Vries J. de. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden: E.J. Brill, 1961. 689 S.
23. Vries J. de. Nederlands Etymologisch Woordenboek. Leiden: E.J. Brill, 1971. 977 p.
24. Weigand Fr.L.K. Deutsches Wörterbuch / Hrsg. von H. Hirt. In 2 Bd. Gießen: Verlag von A. Töpelmann. Bd. 1. A bis K. 1909. Sp. 1–1184. Bd. 2. L bis Z. 1910. Sp. 1–1362.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

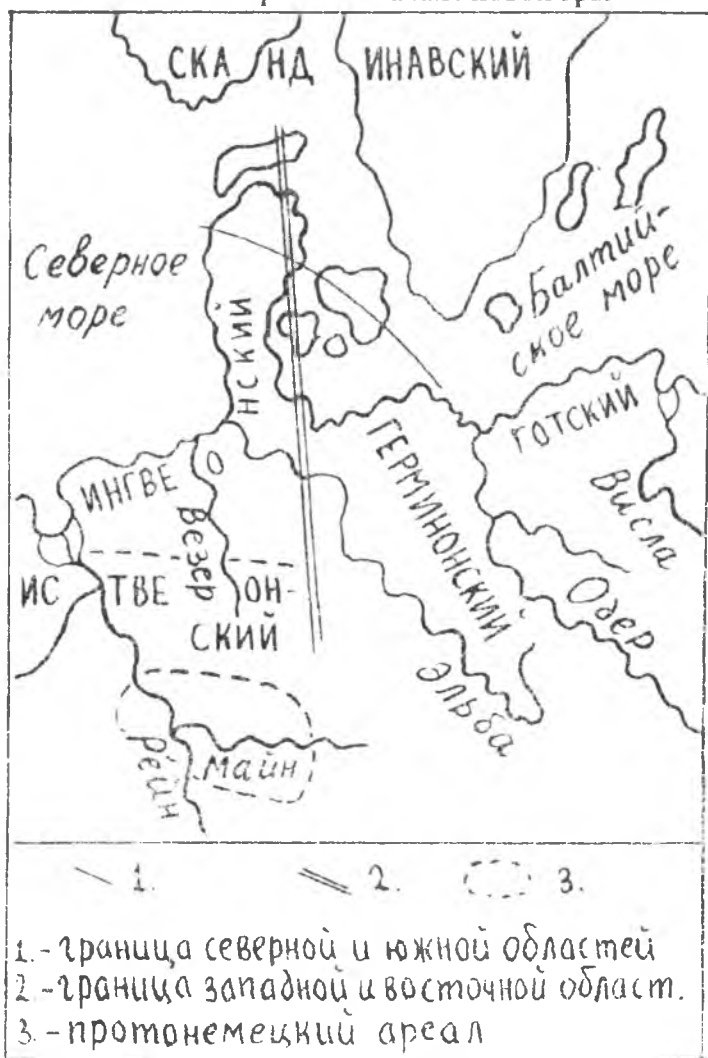
- ав. – авиационное
- араб. – арабское
- бот. – ботаническое
- бран. – бранное
- букв. – буквальное
- вет. – ветеринарное
- внем. – верхненемецкое
- геол. – геологическое
- гидр. – гидрологическое
- голл. – голландское
- гот. – готское
- греч. – греческое (древнегреческое)
- дат. – датское
- дат.-норв. – датско-норвежское
- двн. – древневерхненемецкое
- диал. – диалектное
- дрисл. – древнеисландское
- дрннем. – древненижненемецкое
- дрсакс. – древнесаксонское
- дрфриз. – древнефризское
- дрчеш. – древнечешское
- дршв. – древнешведское
- зоол. – зоологическое
- и.е. – индоевропейское
- ирон. – ироничное
- исл. – исландское
- ист. – историзм
- ком. – коммерческое
- лат. – латинское
- ЛЕ – лексическая единица
- лингв. – лингвистическое
- мор. – морское
- нем. – немецкое (общенемецкое)
- неодобр. – неодобрительное

нидерл. – нидерландское
нпем. – нижненемецкое
норв. – норвежское
океан. – океанографическое
перен. – переносное значение
поэт. – поэтическое
разг. – разговорное
ривн. – ранненововерхненемецкий
русск. – русское
сви. – средневерхненемецкое
сев.-фриз. – северно-фризское
сканд. – скандинавское
слав. – славянское
собир. – собирательное
совр. – современное
срнидерл. – средснидерландское
сринем. – средненижненемецкое
стр. – строительное
стфр. – старофранцузское
тех. – техническое
УСК – устойчивый словесный комплекс
фам. – фамильярное
ФЕ – фразеологическая единица
физ. – физическое; имеющее отношение к физике
флам. – фламандское
фр. – французское
хим. – химическое
шв. – шведское
шутл. – шутовское
экон. – экономическое
* – обозначение реконструируемой формы, слова
berlin. – berlinisch
hd. – hochdeutsch
landsch. – landschaftlich
nhd. – neuhochdeutsch
nordd. – norddeutsch
ugs. – umgangssprachlich

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Древнегерманские континентальные
языковые ареалы в начале новой эры

А. Карта нижненемецкого ареала в IX веке

Б. Германия при Саксонских императорах (X в.)

А. Карта нижненемецких диалектов

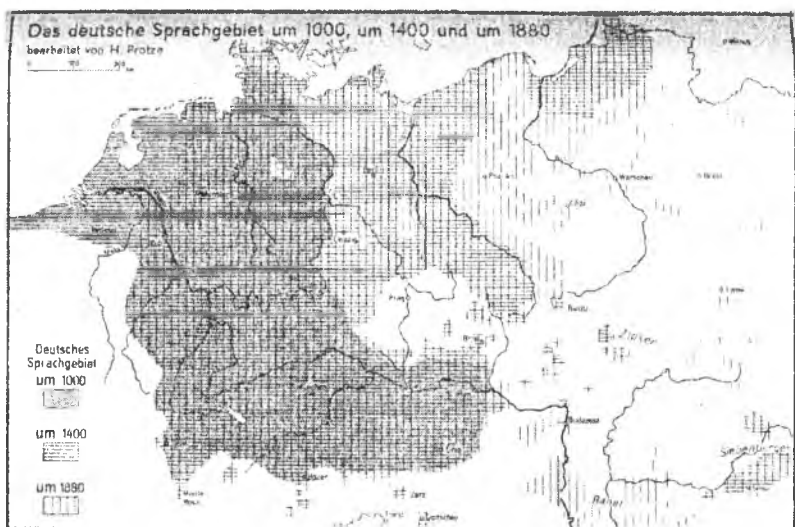

Б. Диатопия нижненемецкой языковой области⁵³

⁵³ Заштрихованы иноязычные языковые области.

В. Расширение немецкой языковой области в XI–XIX вв.

Приложение 4 Схема структурных расхождений территориальных вариантов литературного языка в XV–XVII вв. ⁵⁴

⁵⁴ Буквой А/а помечен ареал ранненововерхнемецкого письменно-языкового типа, буквой В – ареал нижнемецкого типа.

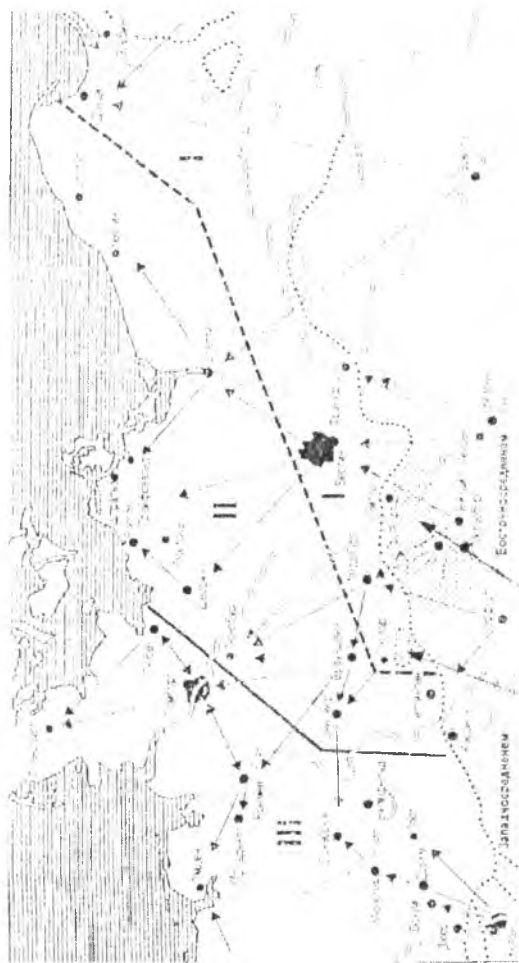
А. Письменно-литературные языки
и центры книгопечатания XVI в.

Б. Письменные диалекты Средневековья в немецкой
языковой области

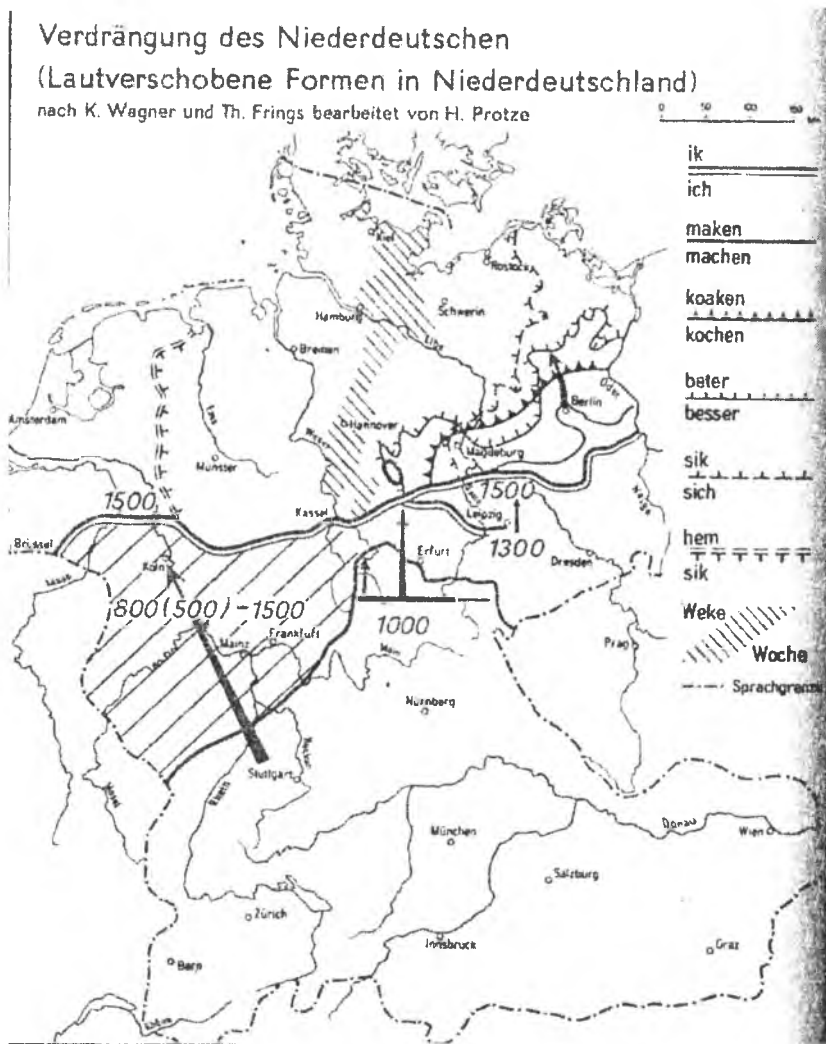

Приложение 6

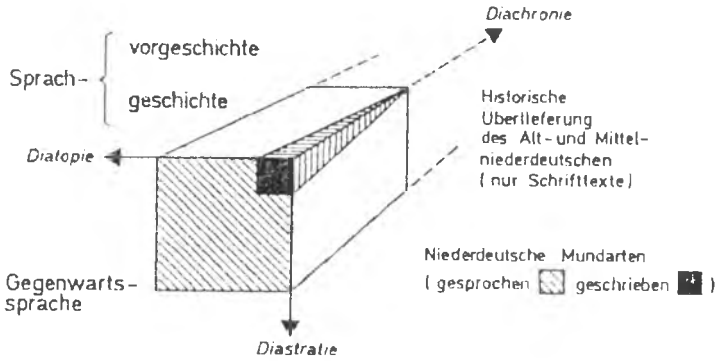
А. Экспансия верхненемецкого в нижненемецкий ареал³⁵

³⁵ I – полное вытеснение нижненемецкого из письменной сферы к 1600 г., II – между 1620–1650 гг., III – между 1650–1700 гг.; точки обозначена область, перешедшая к использованию средненемецкого в XV в.

Б. Стадиальное вытеснение нижненемецкого языка
к 1500 г. на основе фонетико-морфологических признаков

Модель письменной традиции в нижненемецком ареале

Карта верхненемецкого передвижения согласных

Приложение 9

Логотип школы с преподаванием
нижненемецкого диалекта

Научное издание

Дубинин Сергей Иванович
Тетеревенков Андрей Евгеньевич

**ЛЕКСИКА НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Монография

Редактор *Е. А. Будячевская*
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *О. С. Сальникова*

Подписано в печать 04.12.2011
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14
Тираж 200 экз. Заказ № 654.

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Книга».
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru